

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Союз «ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА»

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«МИЧУРИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Управление культуры и архивного дела Тамбовской области
Тамбовское областное государственное бюджетное учреждение
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ»

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ А. С. АНТОНОВА (1920-1921 ГГ.)

*Материалы международной научной конференции
(г. Тамбов, 20 мая 2017 года)*

Научно-теоретический и прикладной журнал

**Исторические, философские, политические и юридические науки,
культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

№ 6 (80) 2017. Часть 2

Редакционная коллегия:

Слезин Анатолий Анатольевич, д. ист. н., профессор, председатель ред. коллегии
Абасов Али Сеидабас оглы, д. филос. н., профессор (Азербайджан)
Абдулаева Медина Шамильевна, д. культурологии, доцент
Бирюков Сергей Евгеньевич, д. культурологии, профессор, Университет им. Мартина Лютера (Халле-Виттенберг, Германия)
Бортникова Татьяна Геннадиевна, д. культурологии, профессор
Грачева Светлана Михайловна, д. искусствоведения, доцент
Григорьева Елена Ивановна, д. культурологии, профессор
Гусева Ирина Ивановна, д. филос. н., профессор
Демидова Елена Игоревна, д. ист. н., профессор
Демченко Александр Иванович, д. искусствоведения, профессор
Дорофеев Виктор Александрович, д. соц. н., к. ист. н., доцент
Инговатов Владимир Юрьевич, д. филос. н., доцент
Карнишин Валерий Юрьевич, д. ист. н., профессор
Колесников Вячеслав Александрович, д. полит. н., доцент
Кулакова Татьяна Александровна, д. полит. н., к. соц. н., доцент
Медведев Николай Владимирович, д. филос. н., профессор
Немкова Ольга Вячеславовна, д. искусствоведения, доцент
Обидина Юлия Сергеевна, д. филос. н., доцент
Окуда Хироси, профессор, Токийский университет (Япония)
Орлов Игорь Иванович, д. искусствоведения, профессор
Пеньков Владимир Федорович, д. полит. н., профессор
Пирожков Геннадий Петрович, д. культурологии, к. ист. н., профессор
Понукалина Оксана Викторовна, д. соц. н., профессор
Порохня Виктор Сидорович, д. ист. н., профессор
Ростов Николай Дмитриевич, д. ист. н., профессор
Сафронова Елена Викторовна, д. юрид. н., профессор
Сирота Наум Михайлович, д. полит. н., профессор
Тихонов Юрий Николаевич, д. ист. н., профессор
Тужба Эмир Нодариевич, д. соц. н., доцент
Тютюнник Вячеслав Михайлович, д. техн. н., профессор, эксперт Нобелевского комитета, главный специалист по истории нобелистики
Уиткрофт Стивен, доктор философии, профессор, Университет Мельбурна (Австралия)
Усова Юлия Викторовна, д. полит. н.
Учитель Константин Александрович, д. искусствоведения
Фурсов Владимир Николаевич, д. ист. н., профессор
Ципурский Глеб, доктор философии, профессор, Университет штата Огайо (США)
Двухжилова Ирина Владимировна, к. ист. н., доцент
Пирожкова Ирина Геннадиевна, к. юрид. н., к. ист. н., доцент
Самохин Константин Владимирович, к. ист. н., доцент
Сорокина Екатерина Александровна, к. искусствоведения

Editorial Board:

Slezin A. A., Doctor in History, Prof., Editorial Board Chairman
Abasov A. S., Doctor in Philosophy, Prof. (Azerbaijan)
Abdulaeva M. Sh., Doctor in Culturology, Ass. Prof.
Biryukov S. E., Doctor in Culturology, The Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany)
Bortnikova T. G., Doctor in Culturology, Prof.
Gracheva S. M., Doctor in Art Criticism, Ass. Prof.
Grigor'eva E. I., Doctor in Culturology, Prof.
Guseva I. I., Doctor in Philosophy, Prof.
Demidova E. I., Doctor in History, Prof.
Demchenko A. I., Doctor in Art Criticism, Prof.
Dorofeev V. A., Doctor in Sociology, Ph. D. in History, Ass. Prof.
Ingovатов V. Yu., Doctor in Philosophy, Ass. Prof.
Karnishin V. Yu., Doctor in History, Prof.
Kolesnikov V. A., Doctor in Political Sciences, Ass. Prof.
Kulakova T. A., Doctor in Political Sciences, Ph. D. in Sociology, Ass. Prof.
Medvedev N. V., Doctor in Philosophy, Prof.
Nemkova O. V., Doctor in Art Criticism, Ass. Prof.
Obidina Yu. S., Doctor in Philosophy, Ass. Prof.
Okuda Hiroshi, Prof., University of Tokyo (Japan)
Orlov I. I., Doctor in Art Criticism, Prof.
Pen'kov V. F., Doctor in Political Sciences, Prof.
Pirozhkov G. P., Doctor in Culturology, Ph. D. in History, Prof.
Ponukalina O. V., Doctor in Sociology, Prof.
Porokhnya V. S., Doctor in History, Prof.
Rostov N. D., Doctor in History, Prof.
Safronova E. V., Doctor in Law, Prof.
Sirota N. M., Doctor in Political Sciences, Prof.
Tikhonov Yu. N., Doctor in History, Prof.
Tuzhba E. N., Doctor in Sociology, Ass. Prof.
Tyutyunnik V. M., Doctor in Technical Sciences, Prof., Expert of Nobel Committee, Main Specialist in Nobel Studies History
Wheatcroft S., Doctor in Philosophy, Prof., University of Melbourne (Australia)
Usova Yu. V., Doctor in Political Sciences
Uchitel' K. A., Doctor in Art Criticism
Fursov V. N., Doctor in History, Prof.
Tsipursky G., Doctor in History, Professor, The Ohio State University (USA)
Dvukhzhilova I. V., Ph. D. in History, Ass. Prof.
Pirozhkova I. G., Ph. D. in History, Ph. D. in Law, Ass. Prof.
Samokhin K. V., Ph. D. in History, Ass. Prof.
Sorokina E. A., Ph. D. in Art Criticism

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80): в 2-х ч. Ч. 2

Журнал публикует научные статьи российских и зарубежных ученых, соискателей ученых степеней, преподавателей и других лиц, занимающихся научными исследованиями по следующим отраслям науки: 07.00.00 Исторические науки и археология; 09.00.00 Философские науки; 12.00.00 Юридические науки; 17.00.00 Искусствоведение; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология; 24.00.00 Культурология. Издание предназначено для соответствующих специалистов, аспирантов и студентов.

Журнал **входит в Перечень** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук **по отраслям: 07.00.00, 09.00.00, 17.00.00.** Статьи проходят обязательное рецензирование.

Правила приема, рецензирования и опубликования научных статей размещены на официальном сайте Издательства в сети Интернет www.gramota.net. Вопросы, связанные с публикацией научных материалов в журнале, редакция просит направлять на адрес электронной почты: hist@gramota.net.

ISSN 1997-292X

© Издательство ГРАМОТА, 2017

www.gramota.net

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32095 от 30 мая 2008 г. Учредитель ООО Издательство «Грамота». Адрес издателя и редакции: 392003, г. Тамбов, ул. Рылеева, 64А-77. Главный редактор Д. Н. Рябцев. Выход в свет: 01.06.17 г. Отпечатано: ИП Першина Т. В., г. Тамбов, ул. Советская, 21, а/я 7. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,72. Тираж 67 экз. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу "Пресса России" – 82864.

СОДЕРЖАНИЕ

Акульшин П. В., Соколов А. С. КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН ПРОТИВ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ: В. С. КОРНЕВ (1889-1939) (КРЕСТЬЯНСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛИТЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА)	7
Безгин В. Б. ЛОЗУНГИ ПОВСТАНЧЕСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА	10
Болтнев Г. Г. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СУДЬБЫ СЕМЬИ)	13
Воробьев Н. И. КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ НА ТАМБОВЩИНЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ	16
Гольцева Г. К. «ОГОЛЬЦОВЩИНА» И «АНТОНОВЩИНА»: СВЯЗЬ МИФИЧЕСКАЯ И РЕАЛЬНАЯ	20
Дьячков В. Л. «АНТОНОВЩИНА»: АКТУАЛЬНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ 2007 ГОДА	27
Есикова М. М. РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ В. П. ДАНИЛОВА	32
Иванов Д. П. ТАМБОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1920-1921 ГГ. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ	36
Канищев В. В. ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1920-1921 ГГ.	40
Комбарова Л. А. ОРГАНИЗАЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ПРОТИВ ПОВСТАНЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ	44
Куреньшев А. А. МИФЫ И ЗАГАДКИ «АНТОНОВЩИНЫ». ЧТО СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЛО И КОМУ УГРОЖАЛО КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1920-1922 ГГ.	47
Литовский А. Н. ЛИЧНОСТИ ПОВСТАНЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ СРЕДНЕГО И НИЗШЕГО ЗВЕНА: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ	50
Литовский А. Н., Зайцева М. Ю. ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ СЕМЬИ И БЛИЗКИХ А. С. АНТОНОВА	59
Муравьева И. И. ФОНДЫ ВОЛОСТНЫХ КОМИТЕТОВ ВКП(Б) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ 1920-1921 ГОДОВ	75
Николашин В. П. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ И ИСТОКИ АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ	79
Никулин В. В. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВА. К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ	83
Посадский А. В. ТАМБОВСКОЕ ВОССТАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ	86
Разиньков М. Е. КОМАНДИРЫ И УЧАСТНИКИ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ В БОРЬБЕ С КРЕСТЬЯНСКИМ ПОВСТАНЧЕСТВОМ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ И ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ (1918-1921 ГГ.)	89

Рылов В. Ю. АНТОНОВСКОЕ ВОССТАНИЕ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ	93
Сафонов Д. А. ПОВСТАНЧЕСТВО В 1920-1921 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ	97
Серeda В. П. РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПРЕССА 1921 ГОДА О КРЕСТЬЯНСКОМ ВОССТАНИИ НА ТАМБОВЩИНЕ	101
Токарев Н. В. АНТОНОВСКОЕ ВОССТАНИЕ В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ	104
Шадский О. Г. ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА И КРЕСТЬЯНСКИХ ДВИЖЕНИЙ 1918-1921 ГГ.	108
Щербинин П. П. «АНТОНОВЩИНА» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОСПРИЯТИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ВЫБОР ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА	113
Яшенко В. Г. СВЯЗЬ ОБЪЕДИНЕННОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ С ВЕРХНЕДОНСКИМИ ИНСУРГЕНТАМИ (1920-1921 ГГ.)	116

CONTENTS

Akul'shin P. V., Sokolov A. S. PEASANT'S SON AGAINST PEASANT REBELLION: V. S. KORNEV (1889-1939) (PEASANTRY AND FORMATION OF SOVIET ELITE)	7
Bezgin V. B. REBELS' SLOGANS AS REPRESENTATION OF PEASANT MENTALITY	10
Boltnev G. G. CAUSES AND CONSEQUENCES OF THE PEASANT REBELLION IN TAMBOV PROVINCE (THROUGH THE LENSES OF THE FAMILY'S FATE)	13
Vorob'ev N. I. PEASANT REBELLION IN TAMBOV REGION: LEGAL VIEW ON HISTORIC EVENTS	16
Gol'tseva G. K. "OGOLTSOVSHCHINA" AND "ANTONOVSHCHINA": MYTHICAL AND REAL RELATION	20
D'yachkov V. L. ANTONOVSHCHINA: RELEVANCE OF METHODOLOGICAL DISPUTES OF 2007	27
Esikova M. M. DEVELOPING PROBLEMS OF PEASANT MOVEMENT IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR IN TAMBOV PROVINCE WITHIN V. P. DANILOV'S INTERNATIONAL PROJECTS	32
Ivanov D. P. TAMBOV REBELLION OF 1920-1921 FROM THE VIEWPOINT OF TERMINOLOGY	36
Kanishchev V. V. DEBATABLE ISSUES OF RESEARCHING TAMBOV REBELLION OF 1920-1921	40
Kombarova L. A. ORGANIZATIONAL AND IDEOLOGICAL STRUGGLE OF THE BOLSHEVIKS AGAINST REBELLIOUS SPIRITS OF PEASANTS IN THE PERIOD OF TAMBOV REBELLION	44
Kurenyshev A. A. MYTHS AND MYSTERIES OF "ANTONOVSHCHINA": WHAT WAS PEASANT REBELLION OF 1920-1922 IN TAMBOV PROVINCE, AND TO WHOM IT CONSTITUTED A DANGER	47
Litovskii A. N. PERSONALITIES OF REBELLION LEADERS OF THE MIDDLE AND THE LOWER ECHELONS: PECULIARITIES OF RESEARCH	50
Litovskii A. N., Zaitseva M. Y. LIFE TRAJECTORIES OF A. S. ANTONOV'S FAMILY AND RELATIVES	59
Murav'eva I. I. FUNDS OF VOLOST COMMITTEES OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS AS A SOURCE ON HISTORY OF TAMBOV PEASANT REBELLION OF 1920-1921	75
Nikolashin V. P. ECONOMIC RESULTS OF LAND SOCIALIZATION AND ORIGINS OF ANTONOV'S REBELLION	79
Nikulin V. V. PEASANT REBELLIONS AS A MANIFESTATION OF SOCIETY SYSTEM CRISIS. ON THE ISSUE OF SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL PREREQUISITES OF ANTONOV'S REBELLION	83
Posadskii A. V. TAMBOV REBELLION: OPPORTUNITIES AND DIRECTIONS OF STUDY	86
Razin'kov M. E. THE RED ARMY OFFICERS AND SOLDIERS IN STRUGGLE WITH THE PEASANT REBELLION WITHIN THE TERRITORY OF VORONEZH AND TAMBOV PROVINCES (1918-1921)	89
Rylov V. Y. ANTONOV'S REBELLION IN DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVES OF VORONEZH REGION	93
Safonov D. A. REBELLION MOVEMENT IN 1920-1921 AS A HISTORIC PHENOMENON	97

Sereda V. P. RUSSIAN PRESS ABROAD OF 1921 ON PEASANT REBELLION IN TAMBOV REGION	101
Tokarev N. V. TAMBOV REBELLION IN UNPUBLISHED MEMOIRS OF CONTEMPORARIES	104
Shadskii O. G. FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN PEASANTRY AND PEASANT MOVEMENTS OF 1918-1921	108
Shcherbinin P. P. “ANTONOVSHCHINA” THROUGH THE LENSES OF PERCEPTION OF CHILDREN AND ADOLESCENTS: CHOICE OF LIFE COURSE AND ITS CONSEQUENCES IN THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY	113
Yashchenko V. G. RELATION OF THE JOINT GUERILLA ARMY OF TAMBOV REGION WITH THE UPPER DON INSURGENTS (1920-1921)	116

УДК 947.083.7(471.313)

Исторические науки и археология

Статья посвящена жизненному пути советского государственного и партийного деятеля – Василия Степановича Корнева (1889-1939). Выходец из крестьянской среды, народный учитель, ставший офицером в годы Первой мировой войны, большевиком – в 1917 г., стал активным участником борьбы с антисоветскими крестьянскими движениями в годы Гражданской войны. Его судьба, при всей своей уникальности, типична для первого поколения советской партийно-государственной элиты.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война; крестьянство; крестьянское движение в 1918-1922 гг.; формирование советской элиты; Рязанская губерния; Тамбовская губерния; В. И. Корнев.

Акульшин Петр Владимирович, д.и.н., профессор
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
stone2708@mail.ru

Соколов Александр Станиславович, д.и.н., доцент
Рязанский государственный радиотехнический университет
falcon140770@yandex.ru

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН ПРОТИВ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ: В. С. КОРНЕВ (1889-1939) (КРЕСТЬЯНСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛИТЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА)

Крестьянское восстание под руководством А. С. Антонова стало одним из важнейших событий Российской революции. Тамбовское крестьянство массовым восстанием ответило на исчерпанность политики «военного коммунизма» и делом доказало необходимость смены экономического курса руководства РСФСР, как это было сделано им ранее в отношении Временного правительства [10-13; 17; 18].

Несомненно, надо признать, что тамбовское крестьянство проявило наибольшую активность и организованность в борьбе за свои интересы, породив целую плеяду талантливых военно-политических деятелей. Но встает вопрос: почему этого не произошло в других губерниях Центральной России? К тому же среди тех, кто боролся с восстанием крестьян Тамбовской губернии «не за страх, а за совесть», многие, если не большинство, также были выходцами из крестьянской среды. Они же составляли преобладающую часть нескольких поколений советской элиты.

Одним из тех крестьянских детей, родившихся в последние десятилетия девятнадцатого столетия, которые составляли основную массу первого поколения советской элиты, сформировавшегося в годы революции 1917 г. и Гражданской войны, был Василий Степанович Корнев [8; 15; 24].

В. С. Корнев родился 11 марта 1889 г. в селе Старо-Кленское Раненбургского уезда Рязанской губернии. В послереволюционный период большая часть этого уезда вошла в состав современного Чаплыгинского района Липецкой области. Но Старо-Кленское, как и с. Змеевка, где прошло детство Корнева, в настоящее время находится на территории Первомайского района Тамбовской области.

Его отец был бедняком, который занимался сапожным промыслом. В возрасте девяти лет мальчик лишился родителей и был взят на воспитание, а скорее для работы, богатым дядей, а от него ушел к другой родственнице. В детстве и юности у Василия проявились желание и умение учиться. Благодаря поддержке благотворителей сирота не только смог окончить начальную школу, но и поступить в Александровскую учительскую семинарию в Рязани, которая готовила учителей для земских школ. Молодой учитель два года работал в селе Мурмино Рязанского уезда, а затем смог продолжить образование в Московском учительском институте.

В годы Первой мировой войны рост численности армии и большие потери привели к тому, что многие выходцы из простого народа, получившие образование, пополняли ряды офицерского корпуса. Летом 1915 г. В. И. Корнев после прохождения ускоренного курса Александровского военного училища в чине прапорщика был направлен в 250-й запасной пехотный полк, расквартированный в Рязани. Затем его, как дельного офицера, командируют в Петроград на курсы пулеметчиков. Через несколько месяцев начальник 121-й пулеметной команды, вооруженной пулеметами системы Кольта, прапорщик В. И. Корнев направляется на Румынский фронт. Его подразделение сражалось в составе одних из старейших частей русской армии – 7-го Ревельского и 8-го Эстляндского пехотных полков, входивших в состав 2-й пехотной дивизии. Бывший сельский учитель оказался умелым и отважным воином. За боевые подвиги на протяжении ноября и декабря 1916 года он был награжден орденами Святого Станислава III степени и Святой Анны III степени с мечами и бантами, произведен в подпоручики, а в сентябре следующего – в поручики.

Наступил 1917 г. Политическая ситуация на Румынском фронте была очень сложной. По одну сторону баррикад оказались офицеры императорской армии, сторонники дореволюционной «единой и неделимой России», националисты, мечтающие о «незалежной» Украине, и румынское правительство, стремящееся использовать возникшую ситуацию для захвата Бессарабии. Всех их объединила борьба с Советом народных комиссаров (СНК), новым российским правительством во главе с В. И. Лениным. В этой обстановке офицер-пулеметчик, кавалер боевых орденов сделал свой выбор. Еще в апреле 1917 г. В. С. Корнев вступает в ряды РСДРП(б) и возглавляет дивизионный солдатский комитет. Его избирают в состав комитетов 1-го армейского корпуса и 6-й армии, занимающей самый левый фланг русско-германского фронта. Он становится

одним из руководителей революционного движения в войсках Румынского фронта. В декабре на съезде солдатских комитетов 6-й армии избирается Военно-революционный комитет, который объявил о признании власти СНК. Одним из членов ВРК армии и товарищем председателя ВРК Румынского фронта являлся В. С. Корнев. Ему приписывали попытку покушения на генерала Д. Г. Щербачева, одного из главных противников советской власти на Румынском фронте [6, с. 6-7]. Член комиссии по перемирию на Румынском фронте, В. С. Корнев оказался в румынском плену, откуда его освободили в результате обмена арестованных большевиков на членов румынской дипломатической миссии, задержанных в Петрограде. В ходе отступления советских войск с Украины он попал в руки восставших против советской власти донских казаков, но смог ускользнуть от них. Только летом 1918 года он смог вернуться в Советскую Россию.

В июне 1918 г. ЦК РКП(б) направил В. С. Корнева на работу в родную губернию. 18 августа его избирают председателем Рязанского губернского исполкома, в октябре этого же года – секретарем губкома партии. В самые напряженные моменты Гражданской войны он возглавлял Рязанскую губернию, совмещая должности руководителя советской власти и губернской партийной организации, являясь с марта 1919 г. одновременно и губернским военным комиссаром. Благодаря его усилиям и, несомненно, таланту организатора на протяжении Гражданской войны Рязанская губерния являлась источником человеческих и материальных ресурсов для советской власти. «Мы должны пожертвовать всем, ибо великое счастье быть передовым бойцом революции. Дисциплина и организованность – вот наш верный союзник в данный момент. Все для Красного фронта – вот лозунг наших дней», – говорил В. С. Корнев, выступая на губернском съезде РКП(б) осенью 1918 г. [22, с. 7].

В. С. Корнев проявил большую энергию и организаторские способности в деле формирования Красной Армии. Первая мобилизация в Рязанской губернии в РККА была объявлена 10 сентября 1918 г., призыву подлежали юноши 1898 года рождения. На протяжении 1918-1919 гг. в регионе провели еще 61 мобилизацию военнообязанных различных категорий, призвав под ружье около 110 тыс. человек [14, с. 171].

В. С. Корнев и его соратники «железной рукой» осуществляли на территории Рязанской губернии хлебную монополию и введенную в январе 1919 г. продовольственную разверстку. Благодаря их усилиям Рязанская губерния в первый сезон проведения продразверстки оказалась на первом месте по выполнению заданий. План заготовки зерна был выполнен на 61,5%. В то время как в среднем по стране в 1919 г. продразверстку выполнили только на 41,5% [Там же, с. 187-188]. Не менее сложной задачей являлось обеспечение бесперебойной работы железнодорожного транспорта. Губернские власти организовывали заготовку топлива и расчистку занесенных снегом путей. Стратегическое значение имели в эти годы угольные шахты Скопинского уезда Рязанской губернии, благодаря которым не останавливались предприятия военной промышленности.

В качестве руководителя, совмещающего советский и партийный посты, В. С. Корнев столкнулся с недовольством и растущим сопротивлением рязанского крестьянства, которые были неизбежным следствием огромного напряжения сил региона. Основная часть сельского населения неохотно откликалась на мобилизации. Массовое распространение получило дезертирство. Призываемые на службу не являлись в военные комиссариаты. На V губернском съезде Советов в июле 1919 г. признавалось, что на призывные пункты не явилось 38 тысяч человек, то есть почти две дивизии [9, д. 27а]. Хлебозаготовки и борьба с незаконной торговлей также встречали упорное сопротивление крестьян. На территории Рязанской губернии вспыхивали и открытые антисоветские восстания. Самое мощное из них произошло осенью 1918 г. Первая вспышка недовольства произошла в Михайловском уезде 5 ноября, охватив 9 из 12 уездов губернии. Рязанский губисполком докладывал в центр: «...поводы к восстанию – мобилизация людей, лошадей, реквизиции скота, хлебная монополия, отделение церкви от государства, неудовлетворительность работы волостных и сельских Советов и зачастую ответственных работников» [5, с. 246]. Лозунгами восставших были: «Долой комитеты бедноты», «Долой Советскую власть», «Да здравствует Учредительное собрание». Восстание застало врасплох местные советские и партийные власти, только что отметившие первую годовщину Октябрьской революции и не ожидавшие активных антисоветских выступлений [1]. Для борьбы с восстанием в губернии и уездах были созданы чрезвычайные органы – военно-революционные комитеты (ВРК), объявлено военное положение. К 9 ноября основные очаги восстания были ликвидированы. К 18 ноября спокойствие в губернии было восстановлено, снято военное положение и упразднены ВРК. В январе 1919 г. ЧК провела массовые аресты эсеров и бывших офицеров, которые готовили вооруженное выступление. После этого политических сил, способных возглавить вооруженное сопротивление советской власти, на территории губернии не осталось.

В августе-октябре 1919 г. линия фронта приблизилась с юга к границам Рязанской губернии. В августе по тылам Южного фронта Красной Армии совершил рейд корпус донских казаков под командованием генерала К. К. Мамонтова, лучшего кавалерийского командира белых. Советские и партийные руководители Воронежской и Тамбовской губернии растерялись и не смогли организовать отпор противнику. Часть сил генерала К. К. Мамонтова, численностью до полутора тысяч сабель, 27 августа захватили уездный город Рязанской губернии Раненбург. Губернские власти во главе с В. С. Корневым в эти тревожные дни проявили большую твердость и энергию. В южных уездах была создана группировка из тыловых частей и отрядов добровольцев численностью до 8 тысяч человек. Встретив организованное сопротивление, казаки повернули на юг, чтобы прорваться к своим основным силам [14].

В октябре основная группировка Вооруженных сил Юга России генерала А. И. Деникина, продвигаясь на север, подошла к Ельцу и оказалась в 60 верстах от границ Рязанской губернии. В губернии было объявлено чрезвычайное положение. Вся власть на ее территории перешла в руки Военно-революционного комитета под председательством В. С. Корнева. Поскольку организованных резервов на этом направлении не было, то губернские власти вновь по собственной инициативе начали формирование из местных ресурсов воинских сил. В короткий срок было создано целое соединение, получившее название Рязанской дивизии, численностью

около 8 тысяч штыков. Ее начальником стал В. С. Корнев. В это время осложнилась ситуация и под Петроградом, куда 3 ноября была переброшена 1-я бригада Рязанской дивизии, оказавшаяся в тот момент единственным организованным резервом в руках командования Красной Армии. Через четыре дня 2-я бригада Рязанской дивизии была направлена на Южный фронт развивать контрнаступление Красной Армии [Там же]. На VI губернском съезде 28 ноября 1919 г. В. С. Корнев с удовлетворением заявил: «Рязанская губерния успела оцетиниться и дать должный отпор врагу. В борьбе с Мамонтовым она оказалась на высоте положения и не только не позволила занять ее территорию, но оказала поддержку соседним губерниям. Причем красноармейцы были вооружены исключительно своими силами. Наши части, очистив нашу губернию от противника, влились в Южный фронт» [23, с. 19].

Организационные способности и энергия губернского руководителя были замечены в Москве. В декабре 1919 г. его направили на Украину, где были необходимы опытные работники для восстановления советского и партийного аппарата. Он получил назначение на пост губернского военного комиссара в Харькове, столице Советской Украины того времени.

Но уже в марте 1920 г. В. С. Корнева отзывают в Москву и назначают на еще более ответственный пост – на полтора года он становится непосредственным заместителем Ф. Э. Дзержинского по военной линии. Он возглавляет подчиненные ВЧК вооруженные формирования, предназначенные для борьбы «на внутреннем фронте», т.е. не с регулярными воинскими формированиями, созданными антисоветскими правительствами, а со стихийными повстанческими выступлениями. Эти формирования постоянно реорганизовывались, поэтому само название должности несколько раз менялось. Вначале – заместитель председателя Военного Совета Войск внутренней охраны Республики (ВОХР), затем он становится заместителем наркома внутренних дел РСФСР и начальником ВОХР. В июле 1920 г. – членом коллегии ВЧК, в сентябре – командующим войсками ВНУС (внутренней службы), первым из начальствующих этой военной структурой получив такой статус, в январе-феврале 1921 г. именуется начальником штаба Войск ВЧК. За активный вклад в борьбу с «бандитизмом» он был награжден орденом Боевого Красного Знамени [20, с. 343, 362, 581; 21, с. 11, 122, 126, 136, 140, 328; 26]. Далеко не всегда действия подчиненных В. С. Корневу войск были успешны, особенно это касалось борьбы с повстанцами в Тамбовской губернии. Несколько раз он подвергался критике со стороны председателя СНК В. И. Ленина [19, с. 310, 311]. Но причинами этих поражений были скорее не ошибки В. С. Корнева, а социально-политическая ситуация в стране. Основная масса крестьянства сочувственно относилась к повстанцам, что влияло и на крестьянские по своему составу советские войска.

Но неожиданно в жизни В. С. Корнева произошло труднообъяснимое на первый взгляд событие. Видный военный работник, в ноябре 1921 г. он был исключен из партии Московской городской комиссией по очистке и проверке членов РКП(б) «как чуждый элемент и как шкурник, укрывшийся от Красного фронта» [8, д. 251, л. 79-81]. В январе следующего года Центральная контрольная комиссия восстановила В. С. Корнева в партии, но с вынесением выговора и с отстранением на один год с ответственных постов [14]. Можно предположить, что это был один из эпизодов начинающейся в РКП(б) внутрипартийной борьбы, сказавшейся на дальнейшей судьбе многих видных деятелей эпохи Октябрьской революции и Гражданской войны, в том числе и Василия Семеновича.

На протяжении двадцатых годов В. С. Корнев занимал должности председателя губисполкома в Омске, Новосибирске, Томске. Во время индустриализации страны В. С. Корнева направляют на хозяйственную работу в систему Наркомат легкой промышленности СССР. Он не имел инженерной или экономической подготовки, но являлся умелым организатором, способным возглавить крупные коллективы и наладить их работу. 20 сентября 1938 г. он был арестован как участник правотроцкистской подпольной организации и должен был быть предан суду по ст. 58-1а, 17-58-8, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР. Но судебное заседание не состоялось. Подсудимый был доставлен с сердечным приступом в больницу Бутырской тюрьмы, где и скончался 9 июня 1939 г. Прошло 17 лет, и Постановлением Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 31 июля 1956 г. В. С. Корнев был реабилитирован за отсутствием в его действиях состава преступления [15].

Жизненный путь В. С. Корнева был связан со становлением и эволюцией советской политической системы. Ему были присущи такие характерные черты поколений советской элиты, как поразительная работоспособность, принципиальность, верность избранным идеалам и беспощадность к их врагам. В том числе и к массовым крестьянским антисоветским выступлениям, которые он, будучи получившим образование выходцем из крестьян, беспощадно подавлял.

Список источников

1. Акульшин П. В., Пылькин В. А. Бунтующий пахарь. Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918-1921 гг. Рязань: РИРО, 2000. 142 с.
2. Алёшкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и её последствий (1918-1922 гг.). М.: Голос-Пресс, 2010. 576 с.
3. «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015. 856 с.
4. Безгин В. Б., Юдин А. Н. Политика большевизма и судьба русской общины // Политика и общество. 2011. № 6 (84). С. 84-96.
5. Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917-1920 гг.) / сост.: М. Ф. Кравченко, А. М. Сторожева. Рязань: Приокская правда, 1957. 448 с.
6. Валь Э. Г. К истории белого движения. Деятельность генерал-адъютанта Щербачева. Таллинн, 1935. 158 с.

7. **Внутренние войска Советской Республики. 1917-1922 гг.:** документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1972. 707 с.
8. **Государственный архив Рязанской области (ГАРО).** Ф. П-5294. Оп. 2.
9. **ГАРО.** Ф. Р-4. Оп. 1.
10. **Есиков С. А.** Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX в. (1900-1921 гг.). Тамбов: ТГТУ, 1998. 108 с.
11. **Есиков С. А., Канищев В. В.** Антоновский нэп (организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии, 1920-1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 60-72.
12. **Есиков С. А., Протасов Л. Г.** «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 50-52.
13. **Иванов Д. П., Канищев В. В.** Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920-1921 гг. // История и современность. 2010. Вып. 2 (12). С. 11-125.
14. **История Рязанского края. 1778-2007** / под ред. П. В. Акульшина. Рязань: Изд-во Ряз. обл. тип., 2007. 448 с.
15. **История рязанской власти: руководители Рязанского края, 1778-2008** / под ред. П. В. Акульшина. Рязань: Рязанская областная типография, 2008. 520 с.
16. **Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («антоновщина»):** документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. Тамбов: Интерцентр, 1994. 334 с.
17. **Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920-1921 гг.:** документы, материалы, воспоминания / отв. ред. Л. Г. Протасов. Тамбов, 2007. 800 с.
18. **Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918):** документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.
19. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1970. Т. 51. Письма. Июль 1919 – ноябрь 1920. 573 с.
20. **Ленин и внутренние войска:** документы и материалы. М.: Политиздат, 1981. 543 с.
21. **Ленин и ВЧК:** сборник документов (1917-1922 гг.). М.: Политиздат, 1981. 1400 с.
22. **Протоколы 2-го Рязанского губернского съезда.** Рязань: Издание Рязанского губкома РКП(б), 1918. 24 с.
23. **Протоколы 6-го губернского съезда Советов.** Рязань: Издание Рязанского губисполкома, 1919. 32 с.
24. **Сторожева А. М.** Несгибаемые большевики. Рязань: Московский рабочий, 1986. 160 с.
25. **Телицын В. Л.** «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917-1921 годов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. 340 с.
26. **Шгутман С. М.** Внутренние войска: история в лицах. М.: Газоил пресс, 2004. 302 с.

**PEASANT'S SON AGAINST PEASANT REBELLION: V. S. KORNEV (1889-1939)
(PEASANTRY AND FORMATION OF SOVIET ELITE)**

*Akul'shin Petr Vladimirovich, Doctor in History, Professor
Ryazan State University named after S. A. Yesenin
stone2708@mail.ru*

*Sokolov Aleksandr Stanislavovich, Doctor in History, Associate Professor
Ryazan State Radio Engineering University
falcon140770@yandex.ru*

The article is devoted to the life journey of the Soviet state and party figure – Vasilii Stepanovich Kornev (1889-1939). Peasant by origin, public school teacher, who became an officer in the years of the First World War and Bolshevik – in 1917, participated actively in struggle with anti-Soviet peasant movements in the years of the Civil War. His destiny, for all its uniqueness, is typical for the first generation of the Soviet party and state elite.

Key words and phrases: The Civil War; peasantry; peasant movement of 1918-1922; formation of Soviet elite; Ryazan province; Tambov province; V. I. Kornev.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье дан анализ содержания лозунгов повстанческого движения крестьян в советской России периода гражданской войны. Установлено, что их появление стало реакцией жителей села на насильственные действия со стороны коммунистической власти. В них указывались цели восстания, которые являлись отражением крестьянского менталитета, в частности, традиционных представлений сельчан о правде и справедливости.

Ключевые слова и фразы: крестьянство; повстанческое движение; продовольственная разверстка; гражданская война; советская власть; лозунги; коммунисты; менталитет.

Безгин Владимир Борисович, д.и.н., профессор
Тамбовский государственный технический университет
vladyka62@mail.ru

ЛОЗУНГИ ПОВСТАНЧЕСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

В политической борьбе лозунги есть концентрированное выражение цели движения. Актуальность изучения их содержания как действенного инструмента воздействия на общественную активность крестьянства

обусловлена преимущественно бесписьменным характером аграрного общества. Лозунги повстанцев выражали интересы и чаяния восставших крестьян, указывали на причину социального протеста деревенских жителей.

Проблема лозунгов крестьянского повстанчества периода гражданской войны не была обделена вниманием исследователей. В советский период акцент был сделан на «эсеро-кулацкий» характер крестьянских восстаний и на их «антисоветскую» направленность. Исследования конца XX – начала XXI в. дали основания утверждать о том, что партия эсеров не являлась идейным вдохновителем тамбовского восстания и в организационных решениях оно было самостоятельным [4]. Также не вызывает сомнения вывод А. В. Двойных, посвятившего этой проблеме диссертационное исследование, о том, что «программа Союза трудового крестьянства (СТК) являлась результатом творчества местных эсеров, которые руководствовались интересами тамбовских крестьян, а не позицией ЦК партии» [3, с. 79]. Таким образом, лозунг партии эсеров «В борьбе обрешь ты право свое!», взятый на вооружение тамбовскими повстанцами, отнюдь не свидетельствовал о руководящей роли этой партии, а лишь выражал готовность крестьян силой отстаивать свое право свободно распоряжаться результатами своего труда.

Содержание лозунгов восставших крестьян достаточно четко выражало их политические предпочтения. Можно утверждать, что ни о каком стремлении повстанцев к реставрации монархии речь не шла, поэтому все аналогии тамбовского восстания, как, в прочем, и выступления крестьян в других регионах, с французской Вандеей надуманы. Специалисты, изучавшие эту проблему, обнаружили лишь единичные факты призывов монархического характера.

Очевидно, что участники повстанческого движения не ставили под сомнение результаты революции и утвердившуюся советскую систему. Подтверждением тому их лозунги: «Да здравствуют Советы! Да здравствует Воля Народа!». Это было характерной чертой повстанческого движения в Советской России в целом. В своей докладной записке о крестьянском восстании в тылу Восточного фронта от 17 марта 1919 г. М. В. Фрунзе отмечал, что оно шло под лозунгами: «Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции!», «Долой коммунистов и коммуны!» [9, с. 151]. Программные документы крестьянского повстанчества в большинстве своем были результатом крестьянской самодеятельности, собственного взгляда на сложившуюся ситуацию, отражали чисто прагматический подход к проблемам гражданской войны [2, с. 70].

Верной нам представляется оценка повстанческого движения, данная известным специалистом по гражданской войне В. В. Кондрашиным. Он утверждает, что восстания «не имели контрреволюционного характера, не были направлены против завоеваний революции: советской власти и аграрного законодательства большевиков 1917 года» [7, с. 29].

Крестьянское движение не являлось по сути антисоветским, так как Советы как форма организации местной власти были близки и понятны крестьянам. Показательны некоторые лозунги повстанческого движения, направленного против органов власти, местных и (или) центральных: «Да здравствует советская власть!», «За очистку советской власти от негодных элементов-большевиков!», «Вся власть трудовому народу, долой засилье коммунистов, долой кровопролитие, да здравствуют Советы!».

Поддержка советской системы проистекала опять же из традиционных представлений крестьян об общинном самоуправлении, основанном на принципах выборности, гласности в работе и ответственности перед обществом. Неприятие же вызывало засилье в них коммунистов, действия которых у местного населения ассоциировались с произволом, грабежом и насилием. Свое отношение к ним крестьяне выражали в эпитетах, которыми они их «награждали», а это – «насилыники», «грабители», «бандиты».

Следует учитывать еще один момент в оценке характера повстанческого движения периода гражданской войны. Это присущее крестьянской ментальности понятие «справедливость», выступавшее для сельских жителей надежным «индикатором» как в регулировании внутриобщинных отношений, так и в восприятии действий извне, т.е. со стороны властей. Насилие при сборе продразверстки, произвол местных коммунистов, репрессии против мирного населения мятежных районов – все это трактовалось крестьянами как верх несправедливости, требующей ответной реакции.

Основной причиной, побудившей крестьян к массовым антиправительственным действиям, была продовольственная диктатура, введенная большевиками. Так, в апреле 1920 г. вооруженные выступления против разверстки и методов ее взимания произошли в нескольких волостях Валуйского уезда Воронежской губернии, Борисоглебском и Шацком уездах Тамбовской губернии. В ходе их крестьяне отказались вывозить зерно на ссыпные пункты и выдвинули лозунг «Бей коммунистов!». Наиболее упорное сопротивление было оказано в Шацком уезде, где в восстании приняло участие около 7 тыс. человек [12, с. 268]. Provocационный характер действий по изъятию крестьянского хлеба на местах признавала и сама власть. Согласно сводке ОГПУ за май 1921 г., «продотряды бесчинствуют и безобразничают, избивают граждан самовольно и незаконно реквизируют, чем обостряют население против Советской власти» [Там же, с. 272].

Именно лозунг «Долой продразверстку!» находил самую горячую поддержку у местного населения. Оценка ее как «грабительской» была присуща большинству сельских жителей. Это, в свою очередь, обусловило симпатию крестьян к действиям повстанцев, которые избавляли их от разного рода повинностей, громили ненавистные им продовольственные отряды, раздавая изъятые ими вещи и продукты. А для организаторов повстанческого движения это выступало серьезным аргументом для привлечения в него сельских жителей. Из донесения Тамбовского губчека следовало, что «из опроса пленных, захваченных в бою 8 января 1921 г. 1-м кавполком т. Переведенцова в с. Верхне-Чуево, Петровское, Моисеево (8-10 верст юго-восточнее Обловки), примкнувших к бандитскому движению, выяснилось: по селам разъезжают агитаторы банд по три-четыре человека, собираются на сходы, на которых главным образом призывают к уничтожению

коммунистов и коммунистического строя за то, что коммунисты отбирают у крестьян последний хлеб, и что им придется в конце умирать с голоду, и призывают записываться в партизанские отряды» [Там же, с. 384].

В контексте традиционной ментальности такая реакция крестьян на действия властей была вполне предсказуема. В прошлом тягловому сословию, крестьянству было привычно отчуждать часть произведенного продукта, будь то в форме оброка барину или податей в пользу государства. Однако объем изымаемого, созданного трудом хлебопашца, не должен был превышать разумный предел, то есть не ставить крестьянскую семью на грань физического выживания. С точки зрения «моральной экономики», поведение российского крестьянства в годы «военного коммунизма» было вполне адекватно мерам продовольственной диктатуры, проводимым властью по отношению к деревне. Именно насилие коммунистов по отношению к мужику-хлебопашцу выступило мощным катализатором протеста, выражая исконное стремление русского крестьянина к свободному труду на своей земле.

Крестьянское движение в целом не было антикоммунистическим в буквальном смысле слова, то есть направленным против идей социализма и коммунизма. Антикоммунистическим его можно назвать лишь в том смысле, что оно было направлено против политики военного коммунизма, выраставшей из продовольственной разверстки и насильственных методов ее осуществления [9, с. 12]. Восставшие крестьяне Поволжья выдвигали лозунг «Вся власть трудовому народу, долой засилье коммунистов, долой кровопролитие, да здравствуют Советы!» [Там же, с. 157].

К тому же «коммунизм», слово иностранного происхождения, связывался в крестьянском восприятии с практикой создания коммун, политикой, ненавистной крестьянам [5]. Коммунисты в селе также ассоциировались с той силой, которая и развязала гражданскую войну. Так, по сообщению предгубчека Воронежской губернии от 24 октября 1920 г., в Балашовском уезде действует «...банда из 400 человек... именуют себя летучим отрядом по борьбе с дезертирством, имея красное знамя с надписью “Долой коммуну, долой войну!”» [12, с. 342].

Для крестьянского менталитета было присуще локальное восприятие власти. В годы гражданской войны на местах она была представлена ревкомрами, местными ячейками РКП(б), деятельность которых и являлась одним из факторов, формирующих политическое настроение крестьян в их обыденной жизни. Поэтому, выступая против коммунистов, они имели в виду исключительно “своих”, местных – именно их действия, действия конкретных лиц, были основной причиной крестьянских выступлений» [11, с. 27]. Приверженность крестьян традиционной форме общинного самоуправления проявлялась в том, что на практике восставшие в основном реализовывали лозунг «Советы без коммунистов», сохраняя исполкомы, с перевыборами сельсоветов, арестом членов РКП(б). В воззваниях они обозначали свою цель как «освобождение народа от ига коммунистов» [10, с. 120].

Верховная власть, а в прошлом это монархия, отождествлялась русским народом с ее носителем. Присущая крестьянству персонификация центральной власти, в данном случае коммунистической, выражалась в негативной характеристике ее лидера. Так, в резолюции повстанцев, принятой 18 июля 1921 г. на собрании крестьян с. Петровское Туголуковской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, содержится призыв: «Долой ехидного змея Ленина и его приспешников!» [8, с. 207].

Еще одна тема, которая звучала в лозунгах практически всех крестьянских выступлений периода гражданской войны, – это антисемитизм. По мнению В. В. Кондрашина, он был свидетельством предрассудков и недостаточно высокой политической культуры крестьян-повстанцев [6, с. 90]. На наш взгляд, это утверждение верно лишь отчасти. Ненависть к евреям была присуща менталитету русского крестьянина. Антисемитизм был обыденным явлением в жизни русского села как в дореволюционный период, так и в первые годы Советской власти [1].

Преобладание в стане противника восставших инородцев вызывало вполне определенную реакцию. По мнению Б. Колоницкого, в этом присутствовал элемент ксенофобии, коммунисты отождествлялись с латышами, мадьярами, китайцами и евреями, которые не жалеют крестьянина, и напротив, большевики – это свои русские парни, радеющие о народе. Примером тому лозунг повстанцев: «Долой коммунистов, да здравствует советская власть без жидов, спасай Россию!» [5, с. 151]. На «малый народ» возлагалась и ответственность за чинимое в стране насилие. Так, в одном из воззваний повстанцев указывалось, что «стараясь избежать кары... народа, жида пускаются в насилие, издают наглые декреты и приказы, дабы вызвать восстание масс и использовать этот случай как повод к беспощадным расстрелам» [10, с. 121]. В ходе крестьянских восстаний в Поволжье их участники выдвигали националистические, антисемитские лозунги. Например, «Долой инородцев!» или «Бей евреев и коммунистов, да здравствует Врангель!» [9, с. 214, 575].

Антисемитские настроения крестьян основывались на очевидных для них фактах нахождения на всех уровнях коммунистической власти лиц еврейского происхождения. Поэтому антикрестьянскую политику большевистской власти они увязывали со злыми кознями жидов и усматривали в них источник народных бед. Для Тамбовщины влияние инородческого фактора усугублялось наличием евреев в руководстве продовольственного комитета и губкома РКП(б), а также участием интернационалистов в подавлении крестьянского восстания.

Исследованные документы повстанческого движения в Тамбовской губернии свидетельствуют о народной самодеятельности, способности восставшего крестьянства к самоуправлению, организации вполне дееспособной народной власти, основанной на принципах подлинной демократии» [3, с. 87]. Повстанческое движение по своему характеру было антиправительственным, так как выступало против продовольственной политики, разорявшей крестьянские хозяйства. Его лозунги вполне адекватно выражали традиционные представления сельских жителей о праве на труд и его результаты, о свободе в организации местной власти, о справедливом отношении государства к «соли земли», великорусскому пахарю.

Список источников

1. **Безгин В. Б.** Антисемитизм русской деревни // Гуманитарные науки: проблемы и решения: сб. науч. ст. СПб., 2004. Вып. II. С. 57-62.
2. **Двойных А. В.** К вопросу о политической программе крестьянского повстанческого движения в России в годы гражданской войны // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7 (13). С. 69-72.
3. **Двойных А. В.** Лозунги и программа крестьянского повстанчества в России в годы гражданской войны: дисс. ... к.и.н. Пенза, 2010. 221 с.
4. **Есиков С. А., Протасов Л. Г.** «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 47-57.
5. **Колоницкий Б.** Красные против красных (к 90-летию окончания Гражданской войны в России) // Нева. 2010. № 11. С. 144-164.
6. **Кондрашин В. В.** Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны // Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сб. статей и документов. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 80-98.
7. **Кондрашин В. В.** Отечественная и зарубежная историография крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны // Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сб. статей и документов. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 24-47.
8. **Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина»:** документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Тамбов, 1994. 334 с.
9. **Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922 гг.:** документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 943 с.
10. **Панькин И. С.** Политическая платформа повстанческого движения на Южном Урале в 1920-1922 гг. // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 118-122.
11. **Сафонов Д. А.** Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и Южный Урал. Хроника и историография. Оренбург, 1999. 314 с.
12. **Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939:** документы и материалы: в 4-х т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1918-1922. 864 с.

REBELS' SLOGANS AS REPRESENTATION OF PEASANT MENTALITY

Bezgin Vladimir Borisovich, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
vladika62@mail.ru

The article analyzes the slogans of the peasant rebel movement in Soviet Russia of the Civil War period. The author identifies that these slogans came out as villagers' response to coercive actions on the part of Communist power. They proclaimed the rebellion's purposes, which should be considered as representation of peasant mentality, in particular, traditional rural conceptions of truth and justice.

Key words and phrases: peasantry; rebel movement; surplus-appropriation system; The Civil War; Soviet power; slogans; Communists; mentality.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

На основе воспоминаний членов своей семьи автор пытается расширить представления о причинах и последствиях крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920-1921 гг. События на Тамбовщине расцениваются как трагедия, отразившаяся на судьбе нескольких поколений тамбовчан, рана, нуждающаяся в признании и излечении. Отрывки из воспоминаний Гавриила Алексеевича и Елены Тимофеевны Болтневых публикуются в авторской редакции. Сын повстанца призывает к примирению потомков участников восстания с обеих сторон.

Ключевые слова и фразы: причины «антоновщины»; последствия крестьянского восстания; воспоминания; Тамбовская губерния; примирение потомков.

Болтнев Георгий Гаврилович, д. богословия
г. Юнион, США
georgeboltnew@msn.com

**ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СУДЬБЫ СЕМЬИ)**

«В гражданской войне не бывает победителей».

Михаил Шолохов

Корни нашей семьи уходят в село Верхне-Спасское Рассказовского района Тамбовской губернии. Ее члены участвовали в восстании тамбовских крестьян 1920-1921 гг.

В первую очередь я хотел бы обратить внимание на причины участия в восстании нашей семьи в лице моего отца Гавриила Алексеевича Болтнева и его старшего брата Герасима Алексеевича Болтнева. С этой целью я обращаюсь к воспоминаниям моего отца, Гавриила Алексеевича, который был непосредственным свидетелем и активным участником этих исторических событий. Он писал:

«Власть захватывают насильственным путём реакционеры-большевики, и с этого момента начинается великая скорбь для нашей Родины. Лозунг Братство, Равенство и Свобода заменяется суровыми указами... Начинается страшная травля большевиками капиталистов и помещиков... В скором времени все имения превратились в кладбища. Уже не было ни порядка, ни жизни... Они (большевики) расширили права на грабёж и объявили, что народ имеет право претендовать не только на собственность ненавидимых помещиков и банкиров, но и на имущество зажиточных крестьян, которых они объявили контрреволюционерами как бы второго уровня в своих официальных и неофициальных распоряжениях, что позволяло отнимать всё добро у богатых крестьян...

И вот, в один злосчастный день, на наш хутор (Гришино) нагрянула толпа народа из ближайшего села, вооружённая топорами, косами и вилами. И началась самоуправная делёжка всего приобретённого нашими мозолистыми руками. Нам же приказали сидеть спокойно.

Когда пришельцы разделили запасы зерна и скота, они начали с топорами залезать на огромный зерновой "проездной" амбар, который принадлежал моему отцу, его двум братьям и ещё одному компаньону. И вот началась работа по разорению дорогостоящего амбара. В течение дня работа была окончена, и от амбара, могущего вместить до 16.000 пудов зерна (262.080 килограммов), к вечеру не осталось и следа.

Когда же мы хотели убедить их, чтобы из этого здания они построили сельскую школу или клуб, то нам показали вилы и приказали молчать. Нам же оставили всё ветхое и неценное. Подобная участь постигла все хутора, и это был второй народный – и официальный – праздник грабежа. Теперь в стране нет помещиков, нет богатых или зажиточных крестьян, которых позже стали называть кулаками» [1].

Весною 1918 г. власть сумела убедить ограбленных крестьян снова засеять поля, обещая, что грабёж не повторится. Наша семья им поверила. Отец пишет дальше: *«Урожай оказался прекрасным... Всё готовилось к молотбе. Но вот, в одно воскресное утро мы увидели огромный караван сельских повозок, которые подъезжали к скопам овса и проса, сложенным на поле в конны. Понаехавшие всё опустошили, как голодная саранча. Затем часть обоза подъехала к скирдам собранного овса на гумне, и подъехавшие туда тоже начали забирать всё.*

Удивлённые и огорчённые этим явлением, мы старались доказать, что волостные и уездные власти заверили нас, что никто не имеет права вмешиваться в наши посевы. Но мы увидели ту же картину. Нам показали острые вилы, которые могут оказаться не только в наших скопах, но и в наших боках, если мы будем оказывать сопротивление. Вот так за полдня наши поля и гумно оказались чисты.

И вот, в начале 1919-го года начали появляться по сёлам и деревням отряды Красной армии по выкачке продовольствия. Эти отряды уже не считались с социальным вопросом: был ли это середняк или бедняк; к каждому заглядывали в амбар и брали, что им нужно было... Такие действия начали вызывать ропот и недовольство и у самых бедных, с которыми большевики уже не считались; лишь бы хлеба добыть для обеспечения армии... Дух недовольства начал охватывать всё население, за исключением прислужников большевизма, не способных предвидеть будущей катастрофы Родины.

И в том же году начали появляться тайные организации по борьбе с произволом большевизма, которые состояли не только из обиженных крестьян среднего класса, ибо к ним присоединились и обиженные бедняки...

Осенью 1920-го года революционный дух крестьянства в Тамбовской губернии настолько созрел, что оно не могло дальше терпеть большевицкого произвола, и в результате в конце августа вспыхнуло вооружённое восстание крестьян. Правда, население не имело настоящего вооружения, чтобы справиться с хорошо вооружённым врагом. Но гнев народа был настолько велик, что люди вышли с тем, что имели: кто с винтовкой, которую принёс с фронта, кто с вилами, топорами и т.п. И началась расправа с местными большевицкими комиссарами и их подпевалами.

Понятно, большевики начали высылать хорошо вооружённые карательные отряды, и полилась рекой невинная братская кровь. Эти отряды въезжали или входили в село и убивали всех попавшихся им на глаза мужчин и даже женщин, а село поджигали... Несмотря на дикую расправу с невинным населением, народ с большой ненавистью начал вступать в ряды повстанцев и организовывать свою армию. А если большевицкие отряды побеждали в своей расправе с населением днём, то повстанцы брали верх в ночное время, нападая на красноармейские отряды, и успешно обезоруживали целые сотни солдат, которые не желали защищать большевицкую власть и охотно сдавались в плен. Полученным таким образом оружием повстанцы вооружали новые силы, и их армия быстро увеличивалась» [Там же].

Последствия восстания для нашей семьи, как и для всех семей, вовлечённых в восстание, были трагичными. Восстание определило судьбу не одного поколения. Пострадали не только «антоновские» бойцы, но и их жены и дети. Пострадали их внуки и даже дальние родственники.

Первым последствием восстания для нашей трудолюбивой, дружной, богобоязненной семьи, насчитывавшей около ста человек, был её развал. Всё началось с побега отца, который, будучи под угрозой расстрела большевиками, был вынужден бежать в Польшу, покинув свою молодую жену, двухлетнего сына и по-настоящему лишившись всех своих родственников.

Вторым последствием была потеря нашего имущества. Мой двоюродный брат Михаил Васильевич Болтнев, сын моего дяди Василия Алексеевича, был свидетелем того, как местная большевицкая власть прислала

на наш хутор в Гришино бульдозеры, которые снесли все четыре дома, принадлежащие нашей семье, и перерыли землю, на которой они стояли, чтобы от нашей семьи не осталось и малейшего следа.

Третьим последствием восстания для нашей семьи была скитальческая жизнь нашей матери с её двухлетним ребёнком, которая длилась на родине семь ужасных лет. Они были лишены своего крова и всякой защиты.

Вот что наша мать Болтнева Елена Тимофеевна (ур. Беляева-Плькина) писала об этом времени: *«...мне грозила постоянная опасность, и поэтому я всё время должна была скрывать свои следы... А это было для меня очень трудно, да ещё с ребёнком. Иногда я уезжала в другой город, к брату, когда за мной строго следили и родным не позволяли меня принимать. Я и сама не хотела навести беду на моих родных, зная о том, что их из-за меня ожидало.*

Как тяжело мне было в таком большом мире! Я была одинока, меня боялись люди к себе принимать. Но Господь и тогда хранил меня, хотя я этого не знала. Правда, я молилась Ему так, как я тогда умела, но молитва моя была от сердца. Я старалась молиться, чтобы меня никто не видел; я тогда уходила куда-нибудь в поле, далеко от людей, и воплями взывала к Господу. Тогда я уже не молилась заученными молитвами, но говорила Господу о своей нужде, и Господь успокаивал меня...

Временами было очень страшно, мы прямо-таки готовились к смерти: просто садились рядом все, сколько нас было, и ожидали, что вот-вот сейчас нам будет конец. Видим, едут солдаты на конях, а кто они? Мы ведь не знали, кто они. Если белые, то наши – и мы радуемся, а если красные, то мы дрожим от страха. А бывало всегда так: если белые побывали, то ожидали после них красных (ведь они всегда так и ездили друг за другом.) Поэтому не раз красные заставляли на нашем хуторе белых, и тогда было что-то ужасное, тут же на месте убивали тех, кто не успел от нас уехать... И так продолжалось целый год, а через год Белую армию совсем разбили. Многих убили, а некоторые попрятались по полям или ещё где-то» [2].

После разгрома восстания отец решил сдаться властям ради спасения своей семьи. Когда он сложил своё оружие, его чудом отпустили домой на три дня. Узнав от друзей, которые служили в Красной армии, что большевики решили его расстрелять, отец решил бежать за границу. С ним бежали два его соратника.

Мать писала об их разлуке. *«Это была для меня самая тяжёлая ночь в моей жизни. Я пришла в свой дом, все уже спали и не слышали, как я пришла. Хорошо, что я была одна, вернее сказать, с моим мальчиком в комнате. Ему тогда было один год и девять месяцев. Он бедный спал и ничего не знал, что его отца уже нет дома.*

Я как пришла в комнату, упала на кровать и плакала и повторяла: “Женя, у тебя уж нет папы!” И долго плакала! Хуже всего, что я не могла с кем-нибудь своим горем поделиться, а должна была ещё и скрывать своё горе ото всех и вдобавок должна ещё казаться весёлой, чтобы скрывать всё» [Там же].

Тем временем, перейдя русско-польскую границу, отец был немедленно арестован поляками. Его и его друзей поместили в лагерь для русских военнопленных в гор. Калиш, в западной части Польши. Весьма суровые условия в лагере, туберкулёз и потеря надежды увидеть свою семью привели отца к решению покончить жизнь самоубийством. Слава Богу, он передумал.

Четвёртым последствием была гибель Герасима Алексеевича, старшего брата нашего отца. Отец писал о нем:

«Мой старший брат Герасим в чине старшего унтер-офицера в это время (период Временного правительства), обладая ораторским даром, начал выдвигаться солдатской массой в депутаты и вскоре стал членом губернского военного Правления, а затем был избран временным губернским правителем. Побыв около месяца на таком высоком и ответственном посту и не имея к этому необходимой подготовки, он – после того, как увидел вокруг себя настоящий политический балаган, – понял, что это не его место и что тут ему несдобровать. Он воспользовался правом на демобилизацию и, оставив своё высокое положение, вернулся домой... Когда он вернулся к своей семье и рассказал нам о своём губернаторском звании, мы были горды, что наш брат хоть один месяц был губернатором. Он сказал нам, что лучше быть земледельцем и спокойно есть свой хлеб и спокойно спать, чем быть губернатором, но жить в ужасе постоянного ожидания насильственной смерти» [1].

Во время Антоновского восстания Герасим Алексеевич руководил второй из четырёх групп 14-го матюхинского полка в количестве двадцати пяти человек. Скорее всего, он погиб вместе с Матюхиным 3 октября 1921 года, во время сражения с чекистами в Спасском лесу, между посёлком Старая Ляда и деревней Талинка. Они попали в окружение, и почти никому не удалось спастись. (Источник этой информации – Маргарита Юрьевна Зайцева.)

Пятым последствием восстания для нашей семьи была потеря Родины. Отец под угрозой смерти был вынужден покинуть Россию в 1921 г., а в 1928 г. мать с Женей (нашим старшим братом) уехали к нему. Больше в Россию они не смогли вернуться.

Шестым последствием была гибель моего старшего брата – Евгения Гавриловича Болтнева, который, судя по некоторым источникам, погиб в 1952 г., на тридцать втором году своей жизни, в Воркуте, куда он был направлен как заключённый в 1945 г.

Седьмым последствием было недружелюбное отношение к русским, с которыми наша семья сталкивалась на западе, где люди считают Россию матерью коммунизма. Такие взгляды особенно удручают юношей и молодых людей русского происхождения, живущих в западных странах. Так получилось, что у меня не было ни родины, ни своего флага, ни государственного гимна, который я мог бы спеть с гордостью. Везде я чувствовал себя чужаком.

Восьмым последствием восстания для нашей семьи является потеря русского самоотождествления у наших детей, а особенно – у наших внуков. Даже дети наши подчас не знают, с кем же себя отождествлять:

с родиной их семьи или же со страной, в которой они сами родились. Это очень существенный и важный вопрос, влияющий на мышление человека. Ведь для родителей очень больно, когда их прочные духовные ценности становятся чуждыми для их детей и внуков.

Для меня восстание тамбовских крестьян – это не просто историческая тема для дискуссии. Это рана, нуждающаяся в признании и излечении. Многогранная трагедия восстания, является живой раной на теле всей России. Рану можно скрывать, но ведь без должного внимания она будет продолжать гноиться и опять-таки причинять боль всему телу.

Я категорически не согласен с выводом В. В. Самошкина, который пишет: «И, наконец, вечером 24 июня 1922 г. в селе Нижний Щибрай (ныне Уваровского района Тамбовской области) в ходе ожесточённой, продолжавшейся два часа перестрелки с оперативной группой Тамбовского губотдела ГПУ, погибли братья Александр и Дмитрий Антоновы. Тем самым в затянувшейся истории антоновщины была поставлена последняя точка» [3, с. 67].

На мой взгляд, последняя точка будет поставлена лишь после обоюдозеланного примирения потомков противоборствующих участников восстания. Искренне верю, что именно сейчас нам представился благоприятный исторический момент для примирения обеих сторон драмы.

Список источников

1. Воспоминания Гавриила Алексеевича Болтнева, рождён в 1898 г. в Верхне-Спасском Рассказовского района Тамбовской губернии.
2. Воспоминания Елены Тимофеевны Болтневой, рождённой в 1896 г. в Алексеевке Рассказовского района Тамбовской губернии.
3. Самошкин В. В. Хроника антоновского восстания. Борисоглебск: ООО «Кристина и К», 2003. 82 с.

**CAUSES AND CONSEQUENCES OF THE PEASANT REBELLION IN TAMBOV PROVINCE
(THROUGH THE LENSES OF THE FAMILY'S FATE)**

Boltnev Georgii Gavrilovich, Doctor in Theology
Union, the USA
georgeboltniew@msn.com

On the basis of memoirs of his family members, the author tries to broaden the notion of causes and consequences of the peasant rebellion in Tambov province in 1920-1921. The events in Tambov region are regarded as a tragedy, which affected the fate of several generations of Tambov people, as a wound that needs recognition and cure. Passages from the memoirs of Gavriil Alekseevich and Elena Timofeevna Boltnevs are published in the author's version. The son of the rebel calls for reconciliation of the rebellion participants' descendants.

Key words and phrases: causes of Antonovshchina; consequences of peasant rebellion; memoirs; Tambov province; reconciliation of descendants.

УДК 4:340.114.6; 343.3

Юридические науки

Статья посвящена анализу правовых аспектов и юридической оценке событий и действий, имевших место в период крестьянского восстания в Тамбовской губернии в 1918-1921 гг. Тамбовское восстание расценивается как массовое и организованное региональное восстание, имевшее общероссийское политическое и правовое значение. Деятельность большевиков в Тамбовской губернии изучаемого периода автор связывает с полным отрицанием ценности человеческой жизни, прав и свобод человека.

Ключевые слова и фразы: крестьянское восстание; реабилитация; юридические факты; события и действия; преступление; причины и условия; правовые акты; политическое и правовое сознание.

Воробьев Николай Иванович, к.ю.н., доцент
Российский новый университет (филиал) в г. Тамбове
nikolai-vorobev@yandex.ru

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ НА ТАМБОВЩИНЕ:
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ**

Крестьянскому восстанию в Тамбовской губернии посвящено много научных исследований и публикаций. В большинстве своем они касаются исторических, социально-культурных, иногда – политико-экономических вопросов данной проблематики. К правовым же аспектам крестьянского восстания внимание исследователей практически не привлекалось.

Юридическая наука оперирует своими правовыми понятиями и категориями. С позиции современной юриспруденции попытаемся взглянуть на события крестьянской войны в Тамбовской губернии 1918-1921 гг. Естественно, это не классический научный труд об уголовном праве или уголовном процессе, о криминалистической квалификации событий и действий «по горячим следам», не научное исследование по административному или земельному праву. Это всего лишь попытка историко-правового осмысления трагических событий отечественной истории столетней давности с позиций сегодняшнего времени.

Прежде всего, следует заметить, что на сегодняшний день некоторые юридические оценки тем событиям и действиям, в том числе и крестьянскому восстанию в Тамбовской губернии 1920-1921 гг., даны органами нынешней российской государственной власти.

В преамбуле Закона Российской Федерации от 18.10.1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» сказано, что за годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам. Реабилитации и восстановлению в гражданских правах в соответствии с названным законом подлежат все жертвы политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года [14].

Впоследствии Президентом Российской Федерации был издан Указ от 18.06.1996 г. № 931 «О крестьянских восстаниях 1918-1922 годов», которым в целях восстановления исторической справедливости, законных прав граждан России были морально осуждены политические репрессии в отношении крестьян – участников восстаний 1918-1922 годов. Они признаны также нарушением основных прав человека и гражданина [13].

Сравнительно недавно распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.08.2015 г. № 1561-р была утверждена Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий [9]. В ней отмечено, что Россия не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущее место в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий. Особенно важным в этой связи является осознание трагического опыта России, пережитого страной и ее гражданами после октябрьских событий 1917 года, который характеризуется разрывом традиций, утратой преемственности культурного опыта, разрушением межпоколенческих связей.

В концепции отмечается, что память о жертвах репрессий не увековечена на государственном уровне. Планируется организовать поиск мест массовых захоронений, установить там памятники, организовать доступ к архивным материалам, связанным с политическими репрессиями. Будут созданы общероссийская информационная система музейно-мемориальной сети и единая мультимедийная книга памяти. Эти и другие мероприятия в рамках данной программы запланированы на 2015-2019 годы.

Однако делается в этом направлении явно недостаточно. На сегодняшний день фактически мало кто из участников крестьянского восстания на Тамбовщине и их родственников реабилитирован в соответствии с вышеназванным законом. Многие потомки тамбовских повстанцев умерли либо просто не знают о возможностях правовой реабилитации их родственников. Общественность же такого рода вопросами не занимается. Поэтому для начала надо хотя бы составить книгу памяти всех погибших и репрессированных крестьян – участников тамбовского восстания и их родственников и обнародовать ее.

Будем далее оперировать не только правовой категорией «реабилитация», но и другими: юридические факты, события и действия, правонарушение, преступление, квалификация деяния, состав преступления, причины и условия, причины и последствия, субъекты (организаторы, исполнители и т.п.) преступления, субъективная сторона, мотивы и цели, – а также такими как правовая политика, правовые акты: решения и действия, политическое и правовое сознание и др.

Юридически «крестьянская война в Тамбовской губернии» – это огромный фактический состав многочисленных и разнообразных действий и событий. В большинстве своем они являлись противоправными и даже преступными, об этом говорят документы, показания очевидцев и иные доказательства.

После Февральской революции 1917 года обещание «Землю крестьянам!» было не выполнено и забыто. В Тамбовской губернии вообще «триумфального шествия советской власти» не наблюдалось, она устанавливалась трудно и долго. Почти сразу же после разгона Учредительного собрания в ответ на насилие власти фактически началось сопротивление большевистскому режиму со стороны крестьянства.

Противоправное насилие шло от центральной власти, проводившей в стране в 1918-1922 гг. «политику военного коммунизма». Осуществляя аграрную (крестьянскую) политику, большевистские власти применяли преимущественно уголовно-правовые формы и средства (методы) управления, частично административно-правовые, об использовании хозяйственно-правовых (экономических, налоговых и т.п.) они вынужденно вспомнили, вводя в стране (уже после тамбовского восстания) НЭП и новое земельное законодательство (закон «О трудовом землепользовании», Земельный кодекс РСФСР 1922 г.) [2].

Весной 1918 г. ВЦИК предоставил Народному комиссариату продовольствия чрезвычайные полномочия по «борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлеб», вплоть до применения вооруженной силы [2, с. 261; 4, с. 71]. Началось формирование рабочих продовольственных отрядов, направляемых из города в деревню. 11 июня 1918 г. ВЦИК издал декрет «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметах первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями», согласно которому повсеместно учреждались волостные и сельские комитеты деревенской бедноты (комбеды) [11]. После этого и начались «коммунистические беды» тамбовских крестьян. Создаваемые местными Советами рабочих и крестьянских депутатов из неграмотных бедняков Комбеды вместе с продотрядами и отрядами Красной

Армии активно занимались изъятием земли, скота и хлебных излишков у крестьян. В конце 1918 года комбеды были упразднены, а их функции были переданы волостным и сельским Советам и продовольственным отрядам из Петрограда, Москвы и других городов. Под давлением крестьян большевистское государство вынуждено было распустить свои чрезвычайные органы в деревне – комитеты бедноты, а затем и временно свернуть свои опыты по насаждению коммун и совхозов [7, с. 32].

Так называемая продразверстка имела все юридические признаки «конфискации» и осуществлялась фактически насильно. Справедливости ради, следует отметить, что продразверстка не была изобретением большевиков, она была введена еще в декабре 1916 г. [4, с. 71-84]. Известна, например, директива Министерства продовольствия от 20.08.1917 г., которая гласила: «В случае нежелания сдавать хлеб должны быть применены меры принудительные, в том числе вооруженная сила» [8, с. 440]. Продразверстка – не просто какие-то организационные мероприятия (учреждение новых органов советской власти, ликвидация земств, изгнание из местных органов представителей контрреволюционных партий, создание совхозов, товариществ и обществ по совместной обработке земли и др.), это другое – насильственные действия (с использованием оружия), затрагивавшие основополагающие права и жизненные интересы самих крестьян и их семей. Кроме того, «масла в огонь» крестьянского недовольства подливали: мобилизация крестьян и их сыновей в Красную Армию на гражданскую войну; ограбление храмов, закрытие церквей; свертывание религиозного обучения в школах [15]. Все это не могло не вызвать недовольства и сопротивления политике большевиков. В конечном итоге на смену пассивному сопротивлению (прошения, жалобы, сокращение посевов и др.) пришло активное сопротивление и просто восстание крестьян.

Большевистская власть принимала различные политико-правовые и правовые акты, в которых содержались прямые противоправные (практически преступные) предписания и распоряжения о выполнении продразверстки и применении насилия к крестьянам (Протокол заседания ВЦИК от 29.04.1918 г.; Декрет ВЦИК от 13.05.1918 г.; Декрет СНК от 31.10.1918 г. «О единовременных чрезвычайных революционных налогах, устанавливаемых местными Советами депутатов»; Решение Политбюро ЦК КП большевиков от 27.04.1921 г. «О ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии», Приказ Полномочной комиссии ВЦИК от 11.06.1921 г. № 171 «О начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей», Приказ Полномочной комиссии ВЦИК от 23.06.1921 г. № 116, Приказ Командующего войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского от 12.06.1921 г. № 01/16 (оперативно-секретный, о применении химических ядовитых газов) и др.) [2; 11].

Выполняя нереальные продовольственные планы, продотряды совершали конкретные противоправные, по сути – преступные действия, начавшиеся с 1918 года и носившие системный характер. В их числе: бессудные расстрелы; заложничество (с требованием выдать хлеб, сдавать оружие и т.п.); избиения и пытки крестьян и членов их семей (разнообразные и с тяжкими последствиями); аресты (тотальные и многочисленные) [12, с. 97-105; 18, с. 62-88].

Подавляя крестьянское восстание, власти использовали эти же преступные методы, но не брезговали и другими (в том числе самыми бесчеловечными, антигуманными) во имя своих целей. Фактически была осуществлена полная оккупация повстанческих местностей губернии войсками Красной Армии, о чем заявлял сам М. Н. Тухачевский [22, с. 53]. Преступными являлись: выселение (эвакуация) жителей и уничтожение (сжигание) сел и деревень (например, д. Кареевка и др.); высылка родственников уже репрессированных крестьян; отправка крестьян в концлагеря и др.

Все это – абсолютно жестокий произвол, подпадающий под конкретные статьи уголовного закона. Однако уголовная ответственность за него в тот период была невозможна. Это было время правовой неурегулированности и неопределенности. Во-первых, потому что злодеяния совершала сама власть, которая объективно не могла себя судить. Во-вторых, в то время фактически не существовало законодательной основы для уголовной ответственности за подобные деяния. Декрет СНК РСФСР «О суде» № 1 отменил действие старых законов, поскольку они противоречили «революционному правосознанию» [5, с. 350]. Именно революционное социалистическое правосознание и стало не только источником права в отсутствие новых писанных норм, но и практическим руководством к совершению любых противоправных действий (см. Руководящие начала по уголовному праву, принятые Наркомюстом РСФСР 12 декабря 1919 г.) [Там же, с. 353]. Революционное правотворчество и правоприменение осуществлялись не столько самими судебными органами, сколько высшими органами власти (Съезд, ВЦИК, СНК), руководящими органами политической партии большевиков (ЦК), ВРК, НКВД, ВЧК и даже местными органами и подразделениями Красной Армии. В Программе коммунистической партии большевиков указывалось: «Отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых или неполноты их руководствоваться социалистическим правосознанием» [19, с. 41].

В числе отмененных законов было так и не вступившее в силу в полном объеме Уголовное уложение от 22.03.1903 г. – это своего рода уголовный кодекс, сопоставимый с лучшими мировыми образцами уголовного законодательства того времени, а также аналогичное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.) [21, с. 5]. Заметим, что данные законы практически не имели статей, которые бы предусматривали ответственность за противоправные деяния самой власти и ее представителей за должностные преступления.

Только в середине 1920 г. началась разработка нового Уголовного кодекса, который вступил в действие с 1 июня 1922 г. [6, с. 389]. К этому времени крестьянское восстание на Тамбовщине уже было полностью разгромлено.

В правовой науке есть понятие «причины и условия», относящееся к тем или иным юридическим фактам (значимым событиям и действиям, преступлениям и т.п.). С точки зрения философских канонов добра и зла, разумного и неразумного, справедливого и несправедливого, крестьянскую войну в Тамбовской губернии породили неправомерные, точнее говоря – преступные действия представителей большевистской власти.

Причины преступной жестокости и насилия объяснимы, но вряд ли могут быть оправданы. Что предопределяло жестокость большевистской власти к крестьянству? Причины – социально-экономические. Имели место постановка нереальных целей и невыполнимых задач, культивирование и формирование ложных ценностей и мифов. Прозрачность заведомо превышала возможности тамбовской деревни [3, с. 152]. Советскому государству во главе с большевиками нужен был хлеб (сельскохозяйственная продукция). Его нужно было достать во что бы то ни стало. А как это сделать, выполняя необоснованно завышенные директивные планы и указания? Самым простым и основным методом большевистского государственного управления стало насилие по отношению ко всем и каждому несогласным. Поэтому ответ для большевиков лежал, как говорится, на поверхности – отобрать хлеб у крестьян силой.

Условием же такой преступной деятельности большевиков было революционное политическое и правовое сознание, точнее отсутствие правосознания как такового, абсолютный правовой нигилизм. Полное отрицание ценности человеческой жизни, прав и свобод человека, крестьянина, женщины, ребенка.

Человек и право оказались за рамками целей и задач нового советского государства (вопреки демагогии и политической риторике). В лучшем случае люди, и прежде всего крестьяне, рассматривались как средство (как расходный материал) для решения поставленных задач как текущего (подавление буржуазии, помещиков и кулаков, прекращение гражданской войны и др.), так и перспективного порядка (построение коммунизма, мировая революция и т.п.).

Кто-то резонно задаст вопрос: а разве восставшие крестьяне (повстанцы) не проявляли жестокость, не совершали преступных деяний? Объективно оценивая имевшие место факты, следует ответить: да, тоже совершали жестокие и преступные деяния по отношению к большевикам и красноармейцам. Тамбовские повстанцы потеряли убитыми и ранеными свыше 11 тыс. человек, а от их рук погибли свыше 2 тыс. партийных и советских работников [20]. Но это будет неполный и неправильный ответ. Потому что мы должны, говоря об этом, помнить о таких юридических вещах как «причина и следствие», «преступное деяние и необходимая оборона» (или хотя бы о древнем правовом обычае «кровной мести») и, пользуясь крестьянской терминологией, «не запрыгать лошадь задом наперед» или «не ставить телегу впереди лошади».

Таким образом, как юридический факт истории Тамбовское восстание не было локальным антиправительственным выступлением (какими были предыдущие), оно было антиправительственным, антибольшевистским, массовым, организованным, региональным восстанием, имевшим общероссийское политическое и правовое значение.

Изложенное нами базируется в основном на общих принципах права и правопонимания, в том числе на общих положениях уголовного права. В то же время события и действия, имевшие место в период крестьянской войны в Тамбовской губернии, можно и нужно анализировать с позиций государственного (конституционного) права, а также административного, муниципального, аграрного и земельного права.

Список источников

1. **Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А.** Тамбовская Вандея: Антоновщина // Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918-1922 гг.). М.: Голос-Пресс, 2010. С. 298-432.
2. **Декреты Советской власти.** М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. 686 с.
3. **Дьячков В. Л., Есиков С. А., Канищев В. В., Протасов Л. Г.** Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы Международной конференции. М.: РОССПЭН, 1996. С. 146-154.
4. **Есиков С. А.** Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900-1921 гг.). Тамбов: Тамбовский гос. техн. ун-т, 1998. 108 с.
5. **Исаев И. А.** История государства и права России: учебник для юридических вузов. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996. 544 с.
6. **История государства и права России:** учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Былина, 1996. 502 с.
7. **Кабанов В. В.** Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 27-49.
8. **Казарезов В. В.** Крестьянский вопрос в России (конец XIX – первая четверть XX в.). М.: Колос, 2000. Т. 1. 472 с.
9. **Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий** [Электронный ресурс]: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.08.2015 г. № 1561-р. URL: <http://government.ru/media/files/AR59E5d7yB9LddoPH2RSIhQpSCQDERdP.pdf> (дата обращения: 26.04.2017).
10. **Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг.** «Антоновщина»: документы и материалы / отв. ред. В. Данилов, Т. Шанин. Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994. 334 с.
11. **Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920-1921 гг.:** документы, материалы, воспоминания / Государственный архив Тамбовской обл. и др.; отв. ред. Л. Г. Протасов. Тамбов: ЮЛИС, 2007. 800 с.
12. **Мельгунов С. П.** Красный террор в России. М., 1990. 207 с.
13. **О крестьянских восстаниях 1918-1922 годов:** Указ Президента Российской Федерации от 18.06.1996 г. № 931 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 26. Ст. 3059.

14. **О реабилитации жертв политических репрессий:** Закон Российской Федерации от 18.10.1991 г. № 1761-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 44. Ст. 1428.
15. **Сазонов В. В.** У истоков крестьянского восстания на Тамбовщине // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 75-83.
16. **Самошкин В. В.** Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 357 с.
17. **Сенников Б. В.** Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1929-1933 гг. / под ред. Р. Г. Гагкуева и Б. С. Пушкарева. М.: Посев, 2004. 176 с.
18. **Сенников Б. В., Самошкин В. В., Литовский А. Н.** История уничтожения лучших людей Тамбовщины. Тамбов, 2009. 207 с.
19. **Советское уголовное право. Общая часть.** М.: Юридическая литература, 1977. 544 с.
20. **Тамбовское восстание 1920-1921 годов. Справка** [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/history_spravki/20100616/246962919.html (дата обращения: 26.04.2017).
21. **Уголовное право России. Части Общая и Особенная:** учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рапог. М.: Проспект, 2015. 548 с.
22. **Фельдман Д.** Крестьянская война // Родина. 1989. № 10. С. 52-57.

PEASANT REBELLION IN TAMBOV REGION: LEGAL VIEW ON HISTORIC EVENTS

Vorob'ev Nikolai Ivanovich, Ph. D. in Law, Associate Professor
Russian New University (Branch) in Tambov
nikolai-vorobev@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of legal aspects and juridical assessment of the events and actions that took place during the peasant rebellion in Tambov province in 1918-1921. Tambov rebellion is regarded as a massive and organized regional uprising, which had all-Russian political and legal significance. The author associates the activity of the Bolsheviks in Tambov province of the period under study with complete denial of the value of human life, human rights and freedoms.

Key words and phrases: peasant rebellion; rehabilitation; legal facts; events and actions; crime; causes and conditions; legal acts; political and legal consciousness.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье на материалах Государственного архива Рязанской области рассматриваются отдельные события не совсем обычного крестьянского восстания – так называемой огольцовщины (Ряжский уезд Рязанской губернии, май-декабрь 1920 г.); отмечаются особенности его возникновения и протекания, связанные с личностными качествами вожаков, возглавлявших его на разных стадиях. Впервые автором осуществлена документальная проверка приводимых в литературе сведений о связи «огольцовщины» и «антоновщины», сделана попытка сравнения их вожаков, что еще не являлось объектом изучения; обосновывается версия подготовки «огольцовщины» чекистами и фиксируется тип революционного авантюриста как неперемного участника подобных операций.

Ключевые слова и фразы: «огольцовщина»; «антоновщина»; провокация ЧК; ненасильственное сопротивление; Никушин и Антонов; Киселев и Муравьев.

Гольцева Галина Константиновна

Государственный архив Рязанской области
ggk30@mail.ru

«ОГОЛЬЦОВЩИНА» И «АНТОНОВЩИНА»: СВЯЗЬ МИФИЧЕСКАЯ И РЕАЛЬНАЯ

«Огольцовщина» является ярким событием периода Гражданской войны в своей местности, оставившим заметный след в памяти населения. В конце 1990-х – 2000-х гг. началось документальное изучение и переосмысление восстания, но, к сожалению, процесс этот не был завершен. Сведения об «огольцовщине», вошедшие в справочную и учебную литературу первого десятилетия XXI в., представляют ее как рядовой эпизод Гражданской войны, являются неполными, страдают общими местами, одно из которых – неувязаемый «факт» связи рязанских и тамбовских повстанцев [1, с. 115, 116; 27, с. 172-173; 28, с. 177; 29, с. 300; 31, с. 230-231; 32, с. 378-379].

Цель данной статьи – выявление взаимосвязи обоих событий, протекавших географически на пограничных территориях и вызванных одними и теми же причинами. Оба восстания несопоставимы ни по количеству участников и вовлеченного в его орбиту населения, ни по территориальному охвату, ни по взаимной ожесточенности сторон и кровопролитности, ни по затраченным на подавление силам и средствам. Восстания не были одновременными, их начальные стадии, демонстрировавшие вызов государству, отстояли друг от друга по времени не менее чем на три месяца: рязанское восстание к августу 1920 г. было уже давно разгромлено, в то время как тамбовское набирало силу [2; 9; 33].

И, тем не менее, «огольцовщина» была неординарным событием в Рязанской губернии. Она укоренилась в сознании многих людей как своеобразный опыт, о чем свидетельствуют неожиданные рефлексии памяти, которые нашли отражение в некоторых документах Государственного архива Рязанской области (далее – ГАРО). Так, например, основоположник советского архивного и музейного дела в Рязанской губернии, первый директор рязанского архива и музея С. Д. Яхонтов в своих воспоминаниях (середина 1930-х гг.), в основе которых лежат его переписка и дневники, назвал «огольцовщиной» отношение к архивам властей, которые своим невежеством способствовали гибели документального наследия, – по имени деятеля середины 1920-х гг., секретаря губисполкома Огольцова [21, д. 90, л. 68]. Еще один эпизод периода Великой Отечественной войны несомненно имеет подкладку «огольцовщины». Летом 1942 г. начальник управления милиции УНКВД, докладывая в облисполком о действиях дезертирских банд против местной власти в Сараевском и Ермишинском районах, приравнял их к проявлениям Гражданской войны [22, д. 88, л. 141-142]. «Огольцовщина», опиравшаяся на дезертиров, как раз и была в свое время наиболее ярким проявлением Гражданской войны на рязанской земле.

Название восстания впервые было употреблено в докладе председателя президиума Ряжского уездного исполкома в июне 1920 г. («в районе агальцовщины», «на время агальцовщины») на основании ассоциативной связи с традиционными наименованиями крестьянских войн [11, д. 159, л. 180] по имени первого вожака восставших – Федора Семеновича Афанасьева (Огольцов – уличная фамилия, Агалец, или Оголец – прозвище), чье руководство относится к подготовительной и начальной стадиям выступления [6; 7]. Официально, как правило, не употреблялось.

Огольцов (1896-1920), уроженец Ясеновской волости, происходивший из бедной семьи бывших дворовых людей, в годы «германской» войны проходил службу в запасных частях в Орле. К 1919 г. прочно утвердился в роли верховода молодежной дезертирской банды, выделившейся среди других дерзостью и безнаказанностью и завоевавшей этим своеобразный авторитет. Ярким антисоветским актом Огольцова стал налет на Ясеновский волысполком в марте 1920 г., предпринятый им с целью освободить своих товарищей, захваченных отрядом по борьбе с дезертирством и запертых под стражей в помещении при волысполкоме. Таким образом в волости появилась боевая единица, внятно заявившая о себе как о политической оппозиции.

Объективно восстание было прогнозируемым и ожидаемым. Секретно-оперативный отдел Рязанской губернской чрезвычайной комиссии (РГЧК) сообщал в октябре и ноябре 1919 г., что фактом, определяющим настроение населения, является продовольственная политика (в то время как дезертирство «прогрессивно уменьшается») [12, д. 19, л. 80, 91, 93]. Отчеты Ряжского уездного исполкома о продовольственном положении в волостях за март, апрель и май 1920 г. ставили губернский центр в известность о том, что «мешочничество сократилось, так как запасы хлеба почти совсем иссякли», «истощились почти все картофельные запасы из-за отсутствия хлеба» [14, д. 726, л. 163, 164, 174, 198, 203]. На заседаниях волостных исполкомов тогда же на первый план вышли вопросы продовольствия и снабжения, утверждались кандидатуры ходоков, направляемых за разъяснениями в Москву, как, например, в начале мая в Ясеновском вике [15, д. 59, л. 73]. Но главное, власти губернии уже были готовы к продолжению продовольственной войны со своим населением. Секретные приказы за февраль-апрель 1920 г., отложившиеся в документах 6-й отдельной бригады войск ВОХР (г. Рязань), передают содержание приказов и распоряжений из Москвы подразделениям ВОХР, действующим *по ликвидации восстаний* и работающим по заданиям Наркомата продовольствия, с подробными инструкциями о том, как и какие собирать сведения о восстании, как работать с захваченными материалами, как составить легенду (т.е. пояснение, отчет) восстания; как должны действовать отряды и отдельные бойцы, какова их личная ответственность, как усилить отряды (например, создавать резерв, в котором должно быть не менее роты с пулеметами), чтобы они «могли отстаивать свои интересы с оружием в руках, не сдаваясь в плен», и т.д. [20, д. 7, л. 10, 14].

Население Ряжского уезда было дополнительно взвинчено «широкими картофельными кампаниями»: декабрьской 1919 г. и апрельско-майской 1920 г. [8, с. 59]. В докладе от 20 мая 1920 г. начальника Рязанской уездной милиции Турбина, возвратившегося из командировки в Ряжский уезд, поводом к восстанию было названо проведение «картофельной недели» в уезде на фоне почти полного отсутствия картофеля [11, д. 112, л. 184]. Большую роль сыграли грубое насилие в проведении продовольственных мероприятий и их аморальный характер¹ [25, с. 9, 14].

В возникновении и развитии самого восстания останавливает внимание совпадение нескольких обстоятельств. Оно вспыхнуло именно тогда, когда практически одновременно вышли главные на тот момент документы правящей власти и ушедшей в подполье партии социал-революционеров (ПСР): Постановление ВЦИК и Совета обороны от 11 мая 1920 г., объявившее Рязанскую губернию на военном положении (было введено 14 мая) [11, д. 159, л. 1-4], и циркулярное письмо ЦК ПСР от 13 мая 1920 г., подписанное В. М. Черновым, содержавшее указание местным организациям приступить по всей стране к созданию союзов трудового крестьянства (СТК). И. П. Донков указывает, что в Тамбовской губернии фактически «эсеровские активисты» начали создавать нелегальные союзы трудового крестьянства как органы подготовки «широкого антисоветского восстания» еще раньше, упомянув, однако, что ПСР это отрицала [24, с. 19]. В опубликованных

¹ На «грубость и “неправду” советчиков» как причину «бунта крестьян» (крестьянских восстаний в ноябре 1918 г.) указывал и М. И. Воронков – председатель Рязанского горисполкома (1919), губисполкома (1920), комиссар продовольствия (1919-1920) (запись в дневнике от 9 февраля 1919 г.) [4, с. 113].

Д. П. Ивановым в 2013 г. воспоминаниях участника тамбовского восстания свидетельствуется, что подпольные «комитеты Трудового Крестьянского Союза» работали уже в первой половине 1919 г., якобы руководствуясь выработанной совместно с Антоновым тактикой [3, с. 369]. Как бы то ни было, но факт существования в соседней Тамбовской губернии формы нелегальной сельской оппозиции, видимо, имеет значение для понимания природы выступления рязских крестьян с их сочувствием партийной программе левых эсеров.

Был еще один фактор, последний, без которого восстание могло и не состояться: кто-то должен был поднести спичку к горячему материалу.

Иван Михайлович Киселев, известная в уезде личность¹, появился на Веревкинских лесоразработках в тот самый момент, когда сошлись все вышеназванные обстоятельства. Он выступил вдохновителем, агитатором и организатором выступления. Приводя в пример Огольцова, призывал работавших присоединиться к нему и возбуждал их чувства против «грабителей-коммунистов». Для Огольцова сформулировал отчетливую политическую цель: свержение Советской власти. От Киселева исходили провокационные сведения о падении Советов и призывы к наступлению на Рязск – крупную узловую станцию и оплот Советской власти в уезде. Он же взял в свои руки управление восстанием, организовав восставших фактически в партизанский отряд СТК, провозгласив известные лозунги ПСР. «Штаб» Киселева сразу обрел структуру: определился политический руководитель и идеолог (Киселев), появилось разделение на военное (Никушин) и общее руководство (Огольцов). Под диктовку Киселева была написана единственная листовка восставших, стоившая жизни написавшему ее Д. Е. Максиму², которому, вероятно, назначались секретарские и хозяйственные функции. Листовка декларировала свержение большевиков, гражданский мир, Учредительное собрание и мир во всем мире. Киселев был организатором митингов и главным оратором. Но люди не спешили вступать в «зеленую» армию³.

Первые (и последние) демонстративные акции Огольцов провел 14 и 16 мая 1920 г. небольшими отрядами, в трех волостных центрах, связанных почти прямой дорогой, очертив тем самым географию очага: Ясенок – Ухолово – Кораблино (совр. Ухоловский и Кораблинский районы Рязанской области). С ним выступили не более 120-150 «слабовольных» дезертиров, избегавших призыва под предлогом работы на лесных разработках – предприятиях оборонного значения. Вооружение было частью свое, частью добыто путем нападения на местные продовольственные отряды. На этом этапе восставшие получили моральную поддержку населения. Первые легкие победы над местными красноармейскими отрядами вызвали эйфорию у жителей ближайших селений. В следующие несколько дней выступление было образцово подавлено с помощью приехавших из Рязани войск ВОХР⁴ во главе с начальником штаба Андроновым, который видел свою основную задачу в том, чтобы преподать «хороший урок для будущего всему уезду» [11, д. 159, л. 184]. Были проведены публичные заседания выездной сессии губернского революционного трибунала и показательные расстрелы⁵.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что рязское восстание могло быть вызвано искусственно и представляет собой операцию, проведенную рязанскими чекистами. Об этом свидетельствуют некоторые косвенные документы. В своем дневнике (запись от 5 апреля 1919 г.) М. И. Воронков отметил по поводу доклада в губкомпарте председателя Рязанской губчека Н. И. Лырёва о борьбе с врагами Советской власти: «В целях защиты социализма приходится подсылать провокаторов к эсерам – противно, но очевидно неизбежно: деревня снова начала волноваться, как осенью, в связи с переучетом хлеба» [4, с. 135]. Имеются сведения секретно-оперативного отдела губчека за 1919 год о практике засылки агентов в уезды с целью проникновения в среду левых эсеров и достижения «желательных результатов» [11, д. 66, л. 359; 12, д. 19, л. 48]. Прямых подтверждений этому предположению нет из-за отсутствия документов. Но идеи внедрения агентов пронизывают, например, военную документацию – теркадра, уездного военкомата. В начале 1920 г. против банды Огольцова активно используется внутренняя разведка, а осенью в борьбе с «огольцовщиной» стали появляться в качестве агентов даже дезертиры [18, д. 654, л. 274, 275, 301].

Естественно предположить, что губчека в соответствии со своими докладами о левоэсеровской активности в Рязском уезде в 1919 г. и сведениями армейской разведки начала 1920 г. о противосоветском настроении населения в районе действия банды Огольцова могла осуществить превентивную операцию против предполагаемого народного возмущения. Была и подходящая кандидатура в лице И. М. Киселева. Данные, которые

¹ И. М. Киселев (1893 – ?) – из крестьян с. Ухолова, учитель, левый эсер, делегат Всероссийского съезда крестьянских депутатов (Москва, 11 декабря 1917 г.), участник Рязского уездного съезда Совета крестьянских депутатов (23 декабря 1917 г.). С конца мая по середину июля 1918 г. – уездный комиссар просвещения, скандально сбежавший после восстания левых эсеров в Москве.

² Д. Е. Максимов (1890-1920) – заведующий земельным отделом Ясеновского волысполкома, левый эсер с дореволюционным стажем, с марта 1920 г. – член РКП(б). Вероятно, родственник деятеля ПСР П. Д. Максимова (1879 – ?). Расстрелян 26 мая 1920 г. в Рязске.

³ Восставшие вошли в Ухолово небольшим отрядом с зелеными веточками на фуражках [18, д. 2327, л. 281].

⁴ На подавление «огольцовщины» был также вызван отряд 1-го запасного полка Моршанской школы – 104 человека с 2 пулеметами, расположившийся в Щурове – родной деревне Огольцова [7].

⁵ 26 мая в Рязске вместе с Д. Е. Максимовым были расстреляны жители с. Кипчакова, не признавшие себя виновными Г. Н. Пимкин, 25 лет, и Г. А. Пимкин, 21 года. В этот же день в с. Кораблине за выдачу подложных удостоверений дезертирам были расстреляны 2 сотрудника военкомата Сапожковского уезда. На другой день в Ясенке был проведен внеочередной волостной съезд с объявлением приказа № 3 начштаба ВОХР, предписания упорядочения и отношения уездного штаббюро, принятых к сведению и немедленному исполнению. Таким образом, урок был многоцелевым. Своего рода соглашение с населением, скрепленное кровью.

косвенным образом подтверждают версию о вербовке Киселева, имеются в материалах допроса Д. Е. Максимова¹. Киселев действовал как хорошо подготовленный и осведомленный человек: он не просто спровоцировал бунт, но организовал выступление и выбрал Огольцова, угадав в нем харизматичного лидера [6]².

Подняв людей на восстание, он исчез на третий день с подложными документами и деньгами «штаба», награбленными накануне выступления. Этот трюк он проделывал не впервые. В свое время членов Рязского Совдепа поразила реакция комиссара просвещения Киселева на известие о мятеже левых эсеров в Москве: он инсценировал собственное убийство неким «Союзом 10» и скрылся. 20 июля 1918 г. дело об этом происшествии было заслушано на экстренном заседании уисполкома, 23 июля «особая чрезвычайная следственная» комиссия, расследовавшая дело, доложила, что «Киселев, чувствуя свое неустойчивое положение как левый эсер, совершил преступный симулярный акт, взявши народные деньги в сумме 8753 руб., как жалкий изменник, нагло-постыдно бежал из рядов революционеров Советской власти. При этом коллегия постановила: дать по всем железнодорожным организациям и всем совдепам городов Российской республики о задержании и доставлении Киселева в Рязский Совдеп» [13, д. 1, л. 91]. В секретно-розыскной книге Рязанского губернского отделения уголовного розыска И. М. Киселев значился как сбежавший с казенными деньгами [16, д. 34 а, л. 133 об.].

Странно, что в этот раз власти как будто махнули рукой на главного поджигателя, на которого следствию указывали и свидетели, и главные обвиняемые и который даже не был объявлен в розыск.

К сожалению, отсутствие в архивном фонде РГЧК (ГАРО) и архиве Управления ФСБ по Рязанской области материалов о деятельности отделов губчека, в первую очередь секретно-оперативного, превращает документальное исследование в этой части в конспирологическую историю.

Характеризуя работу секретно-оперативных отделов, А. Г. Тепляков отмечает: «Главной стороной негласной работы являлось сознательное провоцирование секретными агентами лиц, подозревавшихся в нелояльности режиму, на какие-либо активные действия... Секретные сотрудники должны были играть роли заговорщиков и их активных пособников, передавать гражданам нелегальную литературу, документы, оружие, подталкивать их к резким нелояльным высказываниям, написанию листовок и т.д. – вплоть до участия в спровоцированных вооружённых выступлениях» [35].

«Огольцовщина» была фактически разгромлена, но не побеждена. Вопреки утверждениям авторов современных справочных статей, Огольцову не удалось создать своей «зеленой армии», он не оправился от поражения. Его легко завербованные сторонники разбежались и скрывались от следствия кто как мог. В ситуации военного положения, запуганности населения и активного преследования военно-милиейскими силами Огольцов предпочел раствориться в окрестных лесах, хорошо ему знакомых как бывшему лесному сторожу. В отчетных сведениях Рязской уездной совмилиции отражена география его передвижений в мае и июне, отмеченная ограблениями мельниц, контор и советских учреждений в селениях Кипчаково, Благодарное, Пехлец, Григорьевское (Кривка), Пахомовка, Ключ, Кензино, Ухолово, Покровское, Кирилловка (Бухтинка) (совр. Кораблинский преимущественно и Ухоловский районы) – местах, далеких от границы с Тамбовской губернией³.

Тем не менее, друг за другом историки повторяют: «Существуют данные о том, что он был связан с тамбовскими повстанцами, действующими под руководством А. С. Антонова, через “Карася” (командира бригады партизанских полков Козловского уезда В. В. Никитина-Королева). Рязанские “зеленые” получали из Тамбовской губернии оружие и возвания, поставляя, в свою очередь украденных лошадей» [1, с. 115, 116; 31, с. 230; 32, с. 378]. Но отряд «Карася» возник осенью 1920 г. в непосредственной близости от Тамбова и занимался «самообороной» «своей» территории от продотрядов и отрядов по борьбе с дезертирством вне всякой связи с Антоновым. Таким образом, к Огольцову «Карась» не имеет никакого отношения. Позже он был вытеснен в восточную часть Козловского уезда, к Антонову примкнул лишь в конце марта 1921 г., когда последний предводитель «огольцовщины» Сергей Никушин ожидал исполнения приговора [2, с. 742; 33, с. 44]. Эта история имеет отношение не к «огольцовщине», а к рязанским отрядам, брошенным в 1921 г. на борьбу с «антоновщиной». Кроме того, конокрадством как таковым Огольцов не занимался. Да и название «зеленые» по отношению к кругу Огольцова в этот период не оправдано, в документах его называют: банда, шайка, отряд, партия, люди Огольцова. Это определение («зеленая армия Огольцова») появилось позже, было связано с личностью Никушина, с другими обстоятельствами и имело мифическое, а не реальное наполнение. Сам Огольцов был убит 1 июля 1920 г.

¹ Ранее Киселев, его близкий приятель, сообщал ему о своем намерении «бросить» должность комиссара просвещения и уйти на новое поприще, какое – не сказал. После «оставления» службы навестил его как-то раз в 1919 г. Сам Максимов узнал о появлении Киселева в шайке Огольцова месяца два назад [18, д. 1733, л. 119, 120]. В это самое время было отмечено резкое снижение активности Огольцова, так что судья полкового суда 81-го батальона ВОХР Н. Ф. Куров, рассматривавший дело о банде, 10 мая 1920 г. сделал заключение, что в результате работы отрядов по его поимке шайка распалась, а сам Огольцов бежал из пределов Рязского уезда [Там же, л. 83].

² Внешне Огольцов как нельзя более соответствовал возвышенному образу народного защитника: красивый чернобрый брюнет с курчавыми волосами, высокого роста, широкий в плечах. Наряд и снаряжение подчеркивали его статус: кожаная тужурка или плащ, коричневый френч, синие галифе, хромовые сапоги, офицерская желтая португеза, карабин, за ремень заткнуты два нагана, две бомбы. Он был молчалив, не агитировал, голос имел «вежливый и тихий» [Там же, д. 1737, л. 211, д. 2327, л. 240 об.].

³ Пока отряды Андронова прочесывали местность, часть повстанцев под водительством С. Никушина отошли в соседнюю Коноплинскую волость. Они дошли до с. Рагузина (Воронежские Верхи) и двинулись назад. Маршрут, занявший 3 дня, описан Никушиным в его «Дневнике путешествий с 19 мая 1920 года» [4, с. 464-468].

С этого дня начинается самая длительная стадия «огольцовщины» во главе с С. К. Никушиным, военным руководителем восстания, на долю которого выпало быть живым воплощением идеи «огольцовщины», небезосновательно беспокоившей губернские власти ввиду набравшего силу восстания в Тамбовской губернии.

Сергей Казьмич Никушин (04.10.1888 – 29.03.1921) – уроженец с. Кипчаково Княжовской волости, к концу войны старший унтер-офицер 10-го уланского Одесского полка, георгиевский кавалер (Георгиевские кресты 4-2 степеней, Георгиевская медаль 4 степени), помощник командира эскадрона. Первый председатель Княжовского волостного Совета (январь-апрель 1918 г.) и комиссар Княжовской волости (январь 1918 г.), с 1919 г. счетовод конторы Веревкинских лесных разработок, с 14 мая 1920 г. военачальник Огольцова [5]. Влияние его личности изменило ход восстания: открытое крестьянское возмущение перешло в область внутреннего неприятия власти, действия Никушина – в упорное противостояние ей.

Стало общим местом, что «только в июле», после гибели Огольцова, «власти смогли взять ситуацию под контроль» [27, с. 172-173; 28, с. 177]. На самом деле губернские власти с самого начала держали ситуацию под контролем, что позволило оперативно подавить восстание, но позже они почувствовали, что «огольцовщина» не закончилась. Это тревожило власти также ввиду приближения очередной продовольственной кампании. В августе чекисты, руководство 6-й бригады ВОХР, военный следователь поставили перед президиумом губисполкома вопрос о необходимости принятия репрессивных мер по отношению к населению в районе действия не уничтоженной до конца банды Огольцова [11, д. 114, л. 56]. Последовало ужесточение мер борьбы с бандитизмом и дезертирством по всем уездам губернии, усиление мер охраны и слежки, что отчасти восполняло нехватку военных сил и оружия¹, продление военного положения, и все это напрямую связывалось с именем Никушина [11, д. 159, л. 4; 12, д. 3]. Его действия не давали повода властям к ответной жестокости, но допустить наличие авторитетного идейного оппонента в среде, способной, с их точки зрения, пойти за потенциальным вожаком, было нельзя. Поэтому широко использовался прием морального унижения, уничтожения Никушина, его сравнивали с самыми отпетыми уголовными главарями, как и Антонова. Эту оценку воспроизвели партийные мемуаристы, из чьих воспоминаний она перекочевала в литературу заодно с «фактом» взаимодействия двух восстаний².

В глазах чекистов, милиции и военных, которые в этой ситуации объединились, позиция Никушина предстала как идейное сопротивление. Живой силы у Никушина не было, кроме доставшихся от Огольцова двух-трех верных сподвижников. Целей физического уничтожения по идейным или идеологическим основаниям он не преследовал. Организацией дезертирских банд в «зеленую армию» не занимался. Со временем распространил свои рейды по жизнеобеспечению на соседние Спасский и Пронский уезды Рязанской губернии. В отношениях с населением соблюдал определенный, не лишенный обаяния этикет, никогда не отступая от принятых правил. Наладил обмен добытых грабежом в советских учреждениях дефицитных товаров (соли, тканей, муки, зерна, фуража) на хлеб, обувь, одежду и разного рода мелкие бытовые услуги. Существовая в одном пространстве с дезертирскими бандами, Никушин вынужден был вступать с ними во взаимодействие, но сохранял независимое положение. Образ «атамана зеленой армии», левого эсера им создавался искусственно и поддерживался исключительно для внешнего мира. Вопросы самоидентификации и личного будущего для него были остро актуальны. Он сознавал, что не может рассчитывать на прощение властей, и пытался найти выход. Одной из попыток была поездка Никушина к Антонову, который в это время активно формировал свою партизанскую армию, в с. Нижнеспаское 27-28 октября 1920 г. Документов, подтверждающих это, кроме поддельного мандата Никушина на имя красноармейца Сергея Тимофеевича Кузьмина, командировавшегося в Тамбов, и показаний самого Никушина, нет. Пробыл у Антонова несколько дней. Что было предметом их долгой беседы, остается только предполагать. Речь могла идти о способности рязанского крестьянства подняться снова и присоединиться к Антонову³.

6-9 ноября, возвратившись из Тамбовской губернии, Никушин совершил серию нападений, самым дерзким из которых был захват члена революционного военного трибунала 5-й армии С. М. Бирюкова, приехавшего в отпуск. Пленение Бирюкова – переломный момент в судьбе Никушина. В беседе с высокопоставленным лицом он высказался против власти коммунистов – пьяниц и воров. В обмен на сохраненную Бирюкову жизнь просил его о взаимном одолжении: похлопотать в Москве об отправке его с товарищами на фронт для искупления вины и об освобождении из тюрьмы членов их семей. При этом уверил его в своих связях с Антоновым и «Марусей Спиридоновой» и пригрозил назначенным «на днях» совместным выступлением [30].

¹ Например, начальник 2-го района Рязской уездной милиции, с. Пехлец (эпицентр «огольцовщины»), 1 августа 1920 г. просил начальство о высылке револьверов, винтовок, патронов милиционерам, «иначе дело совсем плохое». Начальник же уездной милиции в конце октября докладывал: «...огромное большинство милиционеров не имеют совершенно никакого оружия и пользуются одним ружьем на несколько человек, в то время как в Рязском уезде до сего времени часто приходится иметь стачки (так в документе – Г. Г.) с бандой Никушина». Отряд же конной разведки губчека, присланный для борьбы с бандой, постоянно отвлекался на другие цели [17, д. 67, л. 214, д. 74, л. 105-107].

² Для заслуженных партийцев важен был их факт участия в борьбе с контрреволюцией и бандитизмом, который давал им право на получение персональной пенсии. Для органов социального обеспечения нужен был документ о соответствующей должности, а не о фактической точности событий, поэтому будущий автор мемуаров писал в заявлении, что «в 1918-1919 гг. будучи командиром Рязского коммунистического отряда, принимал активное участие в разгроме бандитизма *Агальцова-Антонова* (курсив автора статьи – Г. Г.)». Эти сведения были подтверждены документами и воспоминаниями другого мемуариста, и Рязский райсовет выдал соответствующую справку, заменив Антонова на «кулацкие восстания в районе» (1946 г.) [10, д. 99, л. 37, 42].

³ О надеждах на присоединение к восстанию крестьян Рязанской и Нижегородской губерний упоминает участник «антоновщины» [3, с. 379].

Естественно, никакого совместного выступления не было. Отряды антоновцев в пределах Рязанской губернии появились впервые в феврале 1921 г., т.е. спустя почти три месяца после окончательной победы власти над «огольцовщиной». Никушин, находясь в это время в Рязанской губернской тюрьме, ожидал решения своей участи¹.

Документальные материалы органов власти, военных учреждений, в которых отложилась исключительная по многообразию документация об «огольцовщине», содержат также документы, отражающие совместные действия рязанских и тамбовских властей в борьбе с дезертирством, бандитизмом, уголовными преступлениями на пограничных территориях Ряжского и Козловского уездов в 1920 г., участие рязанских отрядов в борьбе с Антоновым в 1921 г. Эти последние дают возможность увидеть в сравнении два разных способа выражения крестьянского сопротивления. Налеты Никушина, до самого последнего, совершенного им 28 ноября 1920 г., ровно за неделю до рокового ранения, ставшего причиной его ареста, предстают визитами вежливости в сравнении с одним из первых на территории Рязанской губернии «наездом», совершенным отрядом антоновцев на с. Казинка Сапожковского уезда 20-23 февраля 1921 г. [5].

В контексте данной статьи уместно рассмотреть еще один мотив участия рязанцев в тамбовском восстании, связанный с именем Е. Ф. Муравьева (1896-1980), агента ЧК в стане Антонова. Бросается в глаза его сходство с одним из главных персонажей «огольцовщины» – Киселевым. Главные черты, объединяющие их, – авантюризм и аморальность. Свою политическую карьеру Муравьев начал в Рязани, где в 1916 г. окончил Александровскую учительскую семинарию с характеристикой, которая была оправдана дальнейшей деятельностью Муравьева. В декабре 1917 г. он председатель Совета крестьянских депутатов, комиссар земледелия и губернский комиссар по организации Советов, с 12 марта по 22 апреля 1918 г. – председатель Рязанского губернского военно-революционного комитета, деятельность которого была пресечена за разгул самовластья в городе, расстрелы и реквизиции и попытку поставить ВРК над Советами. Очевидцы оставили свои свидетельства о Муравьеве и его «художествах» в Рязани². С ними совпадает приведенное А. Г. Тепляковым мнение Г. Г. Ягоды о нем, доведенное им до председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского, от 05 января 1925 г.: «...со времени подавления “антоновщины” Муравьев “разложился”, а “к основному его недостатку... авантюризму – прибавилось и усилилось склочничество и шкурничество, иногда скрещивающиеся с шантажом» [34].

Итак, рязанско-тамбовские связи в период борьбы с дезертирством и крестьянскими восстаниями действительно существовали: ввиду общей угрозы свои усилия объединили власти обеих губерний, но не повстанцы.

Имея общие причины и мотивы для недовольства, среди крестьянских выступлений 1920-1921 гг. ряжское восстание выделяется быстрой сменой вожаков и своеобразной формой проявления протеста, связанной с позицией его последнего лидера, которую можно назвать ненасильственным сопротивлением.

В отличие от стихийной и пассионарной «антоновщины», «огольцовщина» представляется операцией, подготовленной чекистами с целью спровоцировать на открытое выступление наиболее активных противников политики, проводимой властью в деревне. В лице С. К. Никушина они столкнулись с фактором непредсказуемости, который помешал успеху запланированной операции³. Предводитель без войска, оппозиционер без партии, народный заступник без народной поддержки, он, понимая обреченность восстания перед лицом государственной машины, стал носителем идеи «огольцовщины», заключившей в себе дух народного сопротивления.

Никушин и Антонов – не просто разные люди или партийные оппоненты, но типологически разные личности и, более того, архетипически разные фигуры. Различия предводителей настолько велики, что разносят их в разные лагеря, причем Антонов удивительным образом по организации своего движения, идеологии, своим действиям и личностным качествам оказывается в лагере своих противников большевиков. В основе различия, как представляется, лежит принадлежность к несовместимым культурам. Антонов – представитель революционной субкультуры, Никушин – народной, основным живым компонентом которой является христианство. Нетипичное поведение Никушина не менее явственно, чем повстанческая война Антонова, оно доносило до властей мнение деревни и в то же время было фактором, сдерживавшим эскалацию жестокости. Понимая бесчеловечность Советской власти по отношению к крестьянству, Никушин понял и основное настроение народа – его нейтралитет и традицию безмолвного осуждения.

¹ При захвате Никушина у него был изъят обрывок листа с адресами и фамилиями людей, отношения которых к описываемым событиям оставить не удалось: Петроград, Петроградская сторона, Малый проспект, 36-38, кв. 20 – Григорий Аполлинариевич **Картези**; Воронеж, Девичий монастырь, келья № 13 – Елизавета Карловна **Соколовская**; Ростов-на-Дону, Покровская ул., 49, – Иван Иванович **Иваников**; Тамбовская губерния, Липецкий уезд, ст. Писковатка ЮВЖД, с. Писковатка – Николай Андреевич **Козминский** или Максим Афанасьевич **Кучин** [18, д. 2327, л. 45/147].

² И. И. Проходцов: «Муравьев Евд., как прибыл сюда в Рязань... называл себя правым с.-р.; потом оборотился в октябре в левые с.-р., а теперь в анархиста. Менял шкуру, как змея. Общее мнение – мозгляк-дегенерат» и т.д. [26, с. 94-99, 102, 106, 116]. С. Д. Яхонтов, схваченный вместе с другими рязанскими педагогами на собрании по поводу «изгнания» Закона Божьего из школы в апреле 1918 г.: «Позади меня солдаты и позади них “Муравей”, бывший ученик учительской Рязанской семинарии. Муравьев сделался предс. чека (*ошибка автора – Г. Г.*). Пьяница, неврастеник; он в пьяном виде без разбора расстреливал. Авторитетом не пользовался. Муравьев ругался, сквернословил, грозил: “Знаю я вас всех! Всех перестреляю!”» [21, д. 89, л. 71].

³ В сведениях милиции за май 1920 г. «огольцовщина» предстает как контрреволюционное выступление [17, д. 71, л. 214], а в «Обзоре деятельности РГЧК за 1-е полугодие 1920 г.» – как дело о ряжских бандитах, которыми были ограблены две советские конторы, и занимает в списке наиболее крупных дел, раскрытых чекистами, лишь 12-е место (на втором, например, дело о спекуляции керосином, на пятом – арест группы анархистов-коммунистов) [23, д. 444, л. 5 об.].

Список источников

1. Акульшин П. В., Пылькин В. А. Бунтующий пахарь. Рязань: Рязанский обл. ин-т развития образования, 2000. 142 с.
2. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. 800 с.
3. Взгляд изнутри: воспоминания участника восстания / публ. Д. П. Иванова (Тамбов) // Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 359-413.
4. Воронков М. И. Интеллигент и эпоха: дневники, воспоминания и статьи (1911-1941 гг.) / сост., вступ. ст. и коммент. А. О. Никитина. Рязань, 2013. 684 с.
5. Гольцева Г. К. Императивы «атамана» Никушина // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 308-313.
6. Гольцева Г. К. Мифология «огольцовщины» // Шестые Яхонтовские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Рязань, 12-15 октября 2010 г.) / отв. ред. И. Г. Кусова. Рязань, 2012. С. 343-353.
7. Гольцева Г. К. Огольцовщина. Новые материалы и факты // Пятые Яхонтовские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Рязань, 14-17 октября 2008 г.) / отв. ред. И. Г. Кусова. Рязань, 2010. С. 450-468.
8. Гольцева Г. К. Опыт археографического прочтения мемуаров старых большевиков (на примере воспоминаний И. Ф. Вышегородцева) // Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 48-69.
9. Гольцева Г. К. Разгром, или Почему «огольцовщина» не стала рязанской «антоновщиной» // Рязские вести. 2009. 23 апреля; 30 апреля.
10. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. П-5294. Оп. 2.
11. ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1.
12. ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 2.
13. ГАРО. Ф. Р-15. Оп. 3.
14. ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1.
15. ГАРО. Ф. Р-1262. Оп. 1.
16. ГАРО. Ф. Р-2115. Оп. 1.
17. ГАРО. Ф. Р-2139. Оп. 1.
18. ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1.
19. ГАРО. Ф. Р-2667. Оп. 1.
20. ГАРО. Ф. Р-2758. Оп. 1.
21. ГАРО. Ф. Р-2798. Оп. 1.
22. ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9 (2 вн.).
23. ГАРО. Ф. Р-4983. Оп. 1.
24. Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. М.: Политиздат, 1977. 127 с.
25. Журнал заседаний 6-го Рязского уездного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 29-30 ноября, 1-2 декабря 1920 г. Рязск: Типография Укомпарта № 1, 1920. 38 с.
26. «...изощрение удержаться у власти»: дневник И. И. Проходцева. Март 1917 – март 1918 / публ. Г. К. Гольцевой // Рязанская вивлиофика: исторический альманах / науч. ред. А. А. Севастьянова. Рязань: Александр Рутман, 2001. Вып. 3. С. 82-123.
27. История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778-2000 гг. / под ред. П. В. Акульшина. Рязань: Пресса, 2000. 480 с.
28. История Рязанского края 1778-2007 / под ред. П. В. Акульшина. Рязань: Изд-во Рязанской обл. тип., 2007. 447 с.
29. Пылькин В. А. Огольцовский фронт рязанских коммунистов // Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 295-306.
30. Рапорт члена реввоен трибунала 5-й армии С. М. Бирюкова / публ. Г. К. Гольцевой (Рязань) // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 308-313.
31. Рязская энциклопедия / Администрация Рязского р-на Рязанской обл.; Рязанский областной институт развития образования; гл. ред. Б. В. Горбунов. Рязань: Повременный, 2002. 448 с.
32. Рязанская энциклопедия. Рязань: ПервопечатникЪ, 2014. Том дополнительных материалов / Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 36 / под ред., сост., введение и предисл. Б. В. Горбунова. 644 с.
33. Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 360 с.
34. Тепляков А. Г. Кровавое в кривом: органы госбезопасности СССР в зеркале ведомственной историографии [Электронный ресурс] // Клио. 2012. № 6 (66). С. 141-148. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=57826> (дата обращения: 13.03.2014).
35. Тепляков А. Г. «Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб в 1920-1930-е годы [Электронный ресурс] // Российская история. 2013. № 4. С. 101-115. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=63379> (дата обращения: 21.03.2017).

“OGOLTSOVSHCHINA” AND “ANTONOVSHCHINA”: MYTHICAL AND REAL RELATION

Gol'tseva Galina Konstantinovna
State Archive of Ryazan Region
ggk30@mail.ru

The article by the materials of the State Archive of Ryazan region examines the events of a rather unusual peasant revolt – the so called “Ogol'tsovshchina” (Ryazhsk uyezd of Ryazan province, May-December, 1920); the paper identifies peculiarities of its origin and development associated with the personal qualities of the leaders, who were in command in different periods. The author for the first time provides documentary examination of available data on relation between “Ogol'tsovshchina” and “Antonovshchina”, makes a comparison between their leaders, which has not been previously done. The researcher argues that “Ogol'tsovshchina” was inspired by security officers and describes the type of the revolutionary adventurer as a necessary participant of such operations.

Key words and phrases: “Ogol'tsovshchina”; “Antonovshchina”; Cheka provocation; nonviolent resistance; Nikushin and Antonov; Kiselev and Muravyov.

УДК 316.323.72

Исторические науки и археология

В статье цитируются фрагменты электронной переписки автора с Л. Г. Протасовым и В. В. Канищевым по ряду методологических вопросов на завершающем этапе подготовки сборника документов «“Антоновщина”. Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.» (издание 2007 г.). Тогдашняя дискуссия, актуальная и ныне, затронула проблемы понимания синергизма факторов Гражданской войны в России, исторического места и характера «антоновщины» как ее части, определения социального бандитизма и остальной научной терминологии, а также соответствующей структуры сборника и его научного аппарата.

Ключевые слова и фразы: сборник документов; синергетика; сельский мир; «внутренние» крестьянские источники; социальный бандитизм.

Дьячков Владимир Львович, к.и.н., доцент

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
mayormp@mail.ru*

«АНТОНОВЩИНА»: АКТУАЛЬНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ 2007 ГОДА

Летом 2007 г. мы – редколлегия и составители второго сборника документов по истории «антоновщины» – завершали подготовку этого издания. Собранный том [1], несомненно, получился много лучше книги 1994 года [3]: документов публиковалось кратно больше, поднялся уровень научного комментария и археографической обработки источников, в структуре сборника появились новые разделы, посвященные жизни А. С. Антонова и пути Тамбовской губернии к массовому крестьянскому восстанию, нашлось место и новым видам источников – крестьянским воспоминаниям и фотодокументам. Оставалось, исходя из высокого профессионального класса редакторов, предварить сборник достойным концептуальным введением. Дискуссия по его содержанию стала пиком моих тогдашних методологических разногласий с коллегами. Концептуальные **реальные тогда** предложения-споры разной для меня успешности шли все время подготовки сборника: я полагал (и ныне убежден), что в издании о **крестьянском** восстании должно быть принципиально больше свидетельств от самих крестьян, что составление важных приложений по данной теме, требующей обширнейших знаний, нельзя было поручать пусть и лучшим студентам и аспирантам «образца 2000-х», что нейтральный научный комментарий и примечания обязаны быть более обширными и детальными...

Но во введении от редакторов и составителей требовалось говорить с той методологической вершины, на которую лучшие тамбовские историки уже вззошли.

Главную роль в написании введения, с учетом мнения остальных редакторов, играл Л. Г. Протасов (огромность потери его для науки и спасительного общения растет для меня с каждым днем). Другим моим товарищем по спорам над сборником оказался В. В. Канищев, но если с ним у нас шли жаркие «коридорные» и телефонные разговоры, то с Л. Г. Протасовым я не только «сотрясал воздух», но «отписывал» свои претензии-предложения по электронной почте. Эти рукописи тоже не горят и предоставляются сегодня вам как (убежден) актуальное и (надеюсь) полезное чтение.

Минуло 10 лет тем спорам – приличный срок в «нормальное» время для прогресса историографии. Но за годы после выхода второго сборника по «антоновщине» и только из числа высококлассных отечественных «спецов» по революции 1917 года и Гражданской войне выбыли С. Н. Семанов, Ю. А. Поляков, Э. М. Щагин, С. А. Есиков, Л. Г. Протасов... Опустевшие «святые места» занимают в лучшем случае менее подготовленные историки. Общий историографический регресс по прежде самым развитым сегментам истории 1917-1922 гг. очевиден.

За прошедшие 10 лет мое видение истории революции 1917 года и Гражданской войны в России нашло отражение во многих индивидуальных и совместных (с Л. Г. Протасовым и В. В. Канищевым) публикациях. Но нынешний социокультурный кризис породил явные трудности «со слухом» и пониманием предлагаемого даже в профессиональной среде. Потому делаю еще попытку достучаться, предлагая часть наших споров 10-летней давности по «антоновской» проблематике.

Из письма Л. Г. Протасову, 4 июля 2007 г.

Сейчас перед нами, с нашими-то «командными» возможностями, – редкий шанс если и не «закрыть тему» восстания в концептуально-аналитическом отношении, то, по крайней мере, выступить через подбор документов и введение с комментариями с по-настоящему прорывным, новейшим, непротиворечивым осмыслением «микрокосма» антоновщины как неотъемлемой части космоса революции 1917 г. и Гражданской войны.

Прямо скажу, старался читать глазами стороннего, но осведомленного читателя, взявшего издание в руки с желанием раскритиковать. Это для того, чтобы потом перед подобными внешними критиками из научной и обывательской среды не оправдываться.

Главная «проблема» нашего введения – методологическая эклектичность; рассмотрение разных сторон исторически единого явления с использованием разнородных методологических парадигм, подходов. Мы не соблюдаем рассмотрения проблемы на стержне «синергетической иерархии факторов». У нас –

то синергетика с природными, экологическими и демографическими факторами, то инструментарий из политической доктрины марксизма вылезает, то модернизация, то вообще в романтическую апологию мятежников ведет. Это, в свою очередь, ведет к очевидному отрыву значительной части содержания введения от содержания блоков документов, которым и предпосылается введение. Более того, содержание целых блоков документов прямо противоречит многому из сказанного во введении или никак в нем не отражено. Очень многое из сказанного о восстании и его лидерах не имеет (и не может иметь) доказательств в предлагаемых документах. О многом очень важном, что содержат документы, в нашем введении не говорится. Также заявления в одной части введения прямо противоречат оценкам в его другой части (если прямо, то это наше введение в большинстве своем – ремикс введения к первому сборнику с некоторыми добавками из некоторых последних работ. Но большая часть того, что было во введении 1994 г., не годилось, по-моему, уже тогда и отражало больше нашу антибольшевистскую эйфорию конца 1980-х гг. с минимальным научным продвижением. Да об этом есть в данном введении).

Наверное, написать нам сейчас введение на едином методологическом стержне не так просто, да и некогда. Но что, по-моему, можно сейчас поправить? (вообще-то, практически все мои претензии относятся ко второй половине введения, когда речь доходит до собственно восстания и его характеристик. До того все очень даже прилично и на уровне).

1) Надо, чтобы значение используемых слов, стиль повествования соответствовал существу явлений, бывших в истории и отраженных в предлагаемых документах. Пока, к примеру, мы умудрились ни разу не сказать слово «бандит» о подлинных бандитах. Практически без исключения к стороне восстания применяется «высокий штиль» с включенной в слова-определениях положительной оценкой мятежа и мятежников, а большевистская сторона характеризуется словами с отрицательным значением. Совершенно невозможно в 2007 г. усваивать после прочтения введения, что «антоновцы» – выдающиеся борцы и герои, а «красные» – отбросы общества и маниакальные злодеи. От нечего делать предлагаю сплошной «контент-анализ» лексики, употребленной в характеристиках сторон (удален ради сокращения данного текста – В. Д.). Может быть, хоть это сдвинет непонятно на чем основанное упорство коллег и товарищей. Ведь слова не безобидны. За ними – концептуализация явления...

2) Надо бы нам хоть коротко ответить любознательному читателю на напрашивающийся вопрос типа: «Почему в нынешнем Ржаксинском районе было восстание, а в Старогорьевском не было?». Это можно сделать, не усложняя текста.

3) Надо бы нам развернуть положение о противостоянии и о разном отношении к восстанию и его активистам внутри деревни. Пока восстание, восставшие и сельская Тамбовщина, со всеми ее крестьянами, полностью накладываются друг на друга, а это неверно.

4) Наверное, можно было бы дать тезис о том, что крестьянский вариант «решения» аграрного вопроса (не говоря о способах его реализации), устройства отношений с государством-городом не могли быть приняты ни одним типом государства, ни одним режимом.

5) Надо бы дать наше понимание и развернутое определение бандитизма, его социально-политической разновидности, исторических особенностей «того» бандитизма, применить это определение к разным группам «наших» фигурантов с разных сторон. Банда, бандитизм, бандиты – нормальные, научные, четкие, строгие термины, и не нужно их стыдливо закавычивать. Получается странно – беспартийные, политически не ангажированные и «темные», но чуткие современники и свидетели других слов, кроме «ярые звери, бандиты», для наших «героев» почему-то не находили, а мы – ученые – величаем их «повстанцами», «борцами за подлинное народовластие».

6) Надо бы нам дать более основательный анализ содержания новых документов (в частности, воспоминаний).

7) Надо бы нам дать личные характеристики главных деятелей с красной стороны, а то обидно за настоящего хороших, идейных и умных людей. И герои-краснознаменцы ни в чем не виноваты и исторически правы. Если они не нравятся, то хотя бы доказать на документах, почему Плузников или Ишин лучше Уборевича с Антоновым-Овсеенко и Какурина.

Остальное – в моих репликах и предлагаемых поправках в тексте...

Данная «затравка», указание на «узкие места» черного варианта введения потребовала разъяснений по концептуальным вопросам причин, характера, географии и «кадров» «антоновщины».

Из письма Л. Г. Протасову, июль 2007 г.

«Внутренние» крестьянские источники (современные той поре свидетельства, воспоминания, материалы генеалогий и анкет и т.п.) настойчиво напоминают нам о синергетической иерархии факторов, обеспечивших конкретную многомерную историю российского села в первой трети XX в.

Если на верхних и порой поверхностных «этажах» крутились, сталкиваясь, и стучали вниз вожжи, партии, государственные механизмы, то глубоко под ними люди по-своему боролись за место «наверху», часто безотносительно страстей за пределами сельского мира. В содержании крестьянских по происхождению материалов по революции 1917 года и Гражданской войне как объект мысли, претензий и т.п. практически не присутствует какое-либо государство, нет ни единого слова о партиях (эсеров вообще нет, а коммунисты представлены конкретными людьми – не как организация), чаще всего (несмотря на последующее знание) не фигурируют производные от «Антонов» и не упоминается продрозверстка.

Что-то, конечно, можно объяснить малостью сегмента узкого горизонта индивидуального, часто детского или подросткового, зрения.

Но главное – не в этом.

Помня и учитывая то, с чем приходили в село город и государство, нельзя забывать и о самой яростной борьбе внутри локальных деревенских миров, с нарастанием ее остервенения с последних десятилетий царизма к пику Гражданской войны и последним «выхлопом» в коллективизации. Только рассматривать ее надо глубже уровня социально-классовой борьбы, проходя к объяснению эпидемии «обычного социального бандитизма» (У. Розенберг) и его психологии факторами социально-демографического и природно-демографического свойства, работавшими в конкретном историческом пространстве-времени.

О парадигме, причинно-следственной связи «аграрное перенаселение – массовый и индивидуальный стресс – рост массовой социальной и индивидуальной агрессии с формированием слоя соответствующих активистов – развитие убийственного социального конфликта – сброс демографического давления в системе за счет физического устранения из популяции значительной части плодородного населения» говорить не раз. О большевистской политике в селе как факторе «антоновщины» сказано в сотни раз больше. Не обижены подобревшим вниманием и выдающиеся бандиты. Тысячекратно констатировался район восстания (правда, указания на то, что «антоновщина» охватила Тамбовский, Кирсановский, Борисоглебский уезды, частично – Моршанский, Козловский и Усманский, слишком общи, а в сочетании с «глухим» и неряшливым географическим указателем могут и вовсе запутать).

Но почему (даже в широком указании) именно такой район? Он не совпадает с районами самого активного изъятия большевиками сельхозпродуктов и плохо соотносится с зонами неурожая 1920 г. Он не совпадает с зонами мобилизационных изъятий мужчин в РККА. Он не имеет прямого (да и другого) отношения к центрам эсеровской деятельности. Не «ложится» на конкретный район (районы, «пятна») восстания и социально-экономическая градация региона в смысле «кулацкого» фактора. «Яро бандитскими» сплошь и рядом были те села, в которых к 1920 г. толком не было не только подразверстки и армейских мобилизаций, но и какого-либо управления, кроме общинного гомеостаза, равно как и те, в которых государственные безобразия и насилие проявились в полной мере. Если мы повернемся к достаточно массовой просопографии активистов восстания, то и в такой выборке биографий также не разглядим ни общего имущественно-классового ядра, ни общего личного страдания от власти, ни дезертирской общности, ни идейно-романтического, «освободительного» стержня. Нет даже объединяющего рода занятий – земледелие как довоенный род занятий активного, достаточно заметного «антоновца» присутствует в весьма малом меньшинстве бандитских биографий.

Объединяющее начало, базовый фактор всех форм гражданской войны, вспыхивавших в селе в первой трети XX в., сформировался на уровне конкретной социально-демографической и природно-демографической истории края и четко определил географическое ядро, «котел» сельских восстаний в Тамбовской губернии в 1917-1921 гг.

(В 1905-1907 гг. «ядра» были другие – Козловский уезд и др. – вытолкнули, сбросили в города активистов до 1917 г.)

В 17-18 вв. волнообразное, ритмичное, от рубежа к рубежу, дугообразное заселение края с общим вектором на юг и юго-восток шло тремя путями. Движение служилых русских по 1-му пути – по Иловаю, Воронежам, Челновой и Цне из рязанско-московских пределов с севера и немного из орловско-курских пределов с запада – заняло конец 16-го и 17-го веков и дошло до южного рубежа района Кузьминой Гати.

С самого конца 17-го и в течение 18 века «наталпываются» 2-й и 3- пути. По 2-му из рязанско-владимирских-нижегородских пределов к востоку от Цнинского леса по Керше, Ломовисам, Вороне, Караю, Ржаксе, Пандам, Савале шли служилые русские и татары и монастырские крестьяне.

В том же 18-м веке с запада, с Украины, от Белгорода и Орла на Битюг, Бурнак, Липовицу, Карян, на верхнюю Цну, на Савалу вплоть до Ржаксы, Панды и Вороны шли переводимые помещиками крепостные. Это был 3-й путь.

Тогда же в две волны первой четверти 18-го и конца 18-го – первой трети 19 веков из переполненных старых притамбовских служилых сел (особенно с рубежа Кузьминой Гати, под южный край Цнинского леса) возобновился «сброс» значительной доли молодых семей на берега тех же верхней Цны, Савалы, Ржаксы, Вороны и т.п.

Таким образом, к середине 19 в. образовался выгнутый на юго-восток эллипс района грядущих крестьянских восстаний. Стенки данного демографического «мешка», пополнявшегося через три горловины до запредельной набивки, с содержимым из смеси растущих владельческих и бывших служилых сел образовала условная кривая: Знаменка – Мордово – Жердевка – Терновка – Алабухи – Мучкап – Николино – Царевка – Умет – Пересыпкино – Рудовка – Кутли – Пахотный Угол – Нижнеспаское – Сухотинка – Знаменка. Чем ближе к центру этого «мешка» были те или иные села, а значит, чем меньшими были социально-географические возможности выбраться из него, тем более «яро бандитским» было в 1917-21 гг. население этих мест. В «антоновщине» в середине «мешка» находились районы Верхоценья, Пановых Кустов, Ржаксы, Богданово, Золотовки, Бондарей.

Социально-демографическим «мешком» очерченный район стал потому, что, когда с последней четверти 19 в. земледельческую популяцию прижал очередной (сильнейший и последний) подъем демографического давления, из него не оказалось сколько-нибудь широкого выхода, а только небольшие «дырки».

«Сбрасывать» лишних и активных дальше на юг и юго-восток оказалось невозможным – все уже было занято воронежской, саратовской и пензенской публикой. В дальнюю миграцию за пределы региона подняться могли очень немногие. Беда острейшего аграрного и растущего перенаселения пришла не только в наш «мешок», а ко всем крестьянам. Но у других был путь к спасению, были каналы, клапаны сброса демографического давления и всех его последствий. То были пути массового движения в мир крупных городов, в индустриально-городскую жизнь (эти открытые дороги к Липецку, Туле, Рязани и, главное, к Москве в значительной мере сняли давление аграрного перенаселения в западных, северо-западных и северных уездах Тамбовской и других губерний. К тому же градус агрессивной, стрессовой активности в аграрных популяциях этих районов в течение предшествовавших трех веков периодически понижался сбросами местных сельских «активистов» в города и в тот же «мешок»).

Ближние, но слишком маленькие Борисоглебск, Балашов, Кирсанов, Моршанск не могли принять даже малую долю из тех, кто рвался из углов нашего «мешка». Крупные Воронеж, Саратов, Пенза, Нижний Новгород были слишком далеко, и к тому же путь к ним преграждали плотные «воротники» из собственных перенаселенных сел. Спасительным пунктом назначения, как для десятков тысяч других «лишних» тамбовской деревни, мог стать Тамбов. Но, увы, губернский центр был также окружен 25-30-верстным плотнейшим «воротником» из старых служилых и частью бывших владельческих сел. Покрово-Пригородное и Арапово, Перикса, Бокино и Кузьмино-Гать, Новая Ляда, Столовое и Рассказово, Донское, Татаново и Горелое, Стрельцы, Пушкарки и Сабурово были первыми на очередь «в город». К тому же значительную часть дороги из «мятежного мешка» на Тамбов преграждала широкая полоса Цнинского леса, а через лес наши земледельцы отродясь не ходили.

Что же в итоге получилось? Наш «мешок» изначально наполнялся социально и генетически активным человеческим материалом. С ростом давления аграрного перенаселения стрессовая активность, агрессия росла и не находила ни демографического, ни социально-экономического, ни социокультурного выхода (сублимации). Огромное большинство молодого агрессивного населения перераспределялась, стремительно накапливаясь, внутри одного исторически сложившегося региона (то же происходило и в макро-системе России как неколонизальной империи. Подобные по происхождению, расположению и форме «мешки» вырываются и в «чапанной войне», в «вилочном мятеже», в мятеже Сапожкова, в западносибирском мятеже). Стрессовая агрессия подстигивалась конкретными и известными социально-экономическими, политическими, социокультурными обстоятельствами. Крайне малые возможности, предельно узкие каналы продуктивной, положительной сублимации массовой социальной и индивидуальной деревенской агрессии, активности переводили ее на дорогу к уголовной психопатологии, к социальному и просто бандитизму со всеми его отвратительными приемами. А мир городского и полугородского стресса подавал характерных вождей «крестьянской революции», «романтиков с большой дороги». В тех же воспоминаниях крестьянского происхождения разделительная линия социальной борьбы, ненависти проходит внутри сельского мира между его маргинальной, прямо бандитской частью и нормальными трудягами.

Еще одним подкреплением сказанного по поводу истории описанного демографического «мешка» является (отраженное в воспоминаниях И. Е. Макеева) распространение мятежа, бандитизма в ареалах социально и генетически родственных сел, по точкам жительство отдаленных и более близких по историческому времени и расстоянию родственников от моршанско-личаевских, бондарских пределов до Терновки, Алабух и Турок.

Частое использование мной термина «социальный бандитизм» обернулось предложением В. В. Канищева дать четкое, «словарное» определение этому явлению, «вызов» был принят.

Из письма В. В. Канищеву и Л. Г. Протасову, июль 2007 г.

БАНДИТИЗМ социальный – 1) (социально-историческое определение; от него исходят 2) – юридическое и 3) – бытовое) – форма повышенной социальной активности, агрессии; способ индивидуального и группового самоутверждения, маргинальной вертикальной социальной мобильности части молодого мужского населения (и малой части женского в российских социоестественных условиях, обеспечивших революцию 1917 года и тотальную Гражданскую войну).

Общей основой, источником **Б.с.** является ситуация ломки индивидуальных и групповых укладов жизни, жизненных ритмов, обеспечивающей состояние индивидуального и (или) массового стресса с последующим всплеском агрессии.

В социально-географическом отношении преимущественными историческими зонами развития **Б.с.** явились районы острейшего аграрного перенаселения и города, куда стекались потоки избыточного и наиболее активного, молодого сельского населения.

На индивидуальном уровне важнейшим стимулятором **Б.с.** являются существенные отклонения от нормы в структуре и психологическом состоянии семьи будущего бандита, психосексуальные комплексы детства, порожденные как особенностями семьи, так и собственными психофизическими недостатками. В этих случаях переход к **Б.с.** как образу действий становится способом вытеснения комплексов детства. По той же причине **Б.с.** имеет почти исключительно «мужское лицо».

Выбор **Б.с.** в качестве способа самоутверждения молодого человека обеспечивается недостатком индивидуальных способностей и социальных возможностей для реализации высокой активности, погашения агрессии на иных путях вертикальной социальной мобильности (гос. гражданская и военная служба, наука, искусство, спорт, предпринимательство и т.п.).

Психосексуальные и социокультурные основы **Б.с.** как канала самоутверждения, реализации мужской социальной агрессии определяют его способы и приемы, которые всегда предусматривают насилие с применением оружия как компенсации собственной физической и иной недостаточности. К таковым относятся все виды физического насилия и унижения, физического устранения другой личности: хулиганство, оскорбление действием, грабеж, разбой, уничтожение чужого имущества, изнасилование, искалечение, убийство. Те же индивидуальные психосексуальные и социокультурные основы **Б.с.** обеспечивают и проявляются в особой жестокости расправы над жертвой, в мучительстве и глумлении над ней. **Б.с.** теснейшим образом связан с алкоголизацией и наркотизацией его носителей, т.к. алкоголь и наркотики являются биохимическими средствами временного снятия или ослабления индивидуального стресса.

В периоды общего социального кризиса, ослабления и (или) крушения государства с его системами социального контроля и наказания за преступления против личности **Б.с.** от отдельных, индивидуальных проявлений разворачивается в массовое явление. В истории наших революций его основными зонами становились районы острейшего аграрного перенаселения, зоны сильнейшего демографического сжатия и города с повышенной концентрацией молодых сельских мигрантов. Имея единую социальную основу и будучи всеобщим явлением в переходную эпоху, **Б.с.** как образ мысли и действий в разной степени присутствовал на всех этажах социальной пирамиды, но особенно – в нижней части городских средних слоев, в остальных городских «низах» и в маргинализованной части крестьянства. В повстанческих формированиях психология и практика **Б.с.** была преобладающей уже на уровне среднего руководства и практически абсолютной на уровне рядового состава.

Начинаясь всегда как обычное уголовное преступление, но не имея оправдания в рамках существующей культуры, традиции, морали и права, **Б.с.** находит таковую санкцию в политических идеях и учениях, «как бы» оправдывающих образ мысли и действий своих носителей (левая социал-демократия, социал-революционизм, анархизм, черносотенство, фашизм, радикальный ислам и т.п.).

Б.с. как способ социального самоутверждения, вытеснения мужских психосексуальных комплексов направлен и прямо связан со стремлением к власти над людьми, достижения высших мест в социальной иерархии, получения «любви народа». Потому, организуясь усилиями своих лидеров, **Б.с.** в пору ослабления государства легко переходит в бандитизм политический, т.е. в борьбу отдельных бандитов и бандитских групп за власть собственными способами хотя бы в рамках своих регионов. С получением желаемого места в социальной, политической, сексуальной иерархии **Б.с.** в своем носителе гаснет.

Б.с., бандиты растворены в обществе, являются «возбужденными атомами» в его структуре и не представляют отграниченного социального слоя, группы с конструктивными интересами и программой. При этом действия каждого отдельного бандита всегда направлены на непосредственное личное половое, физическое, материальное самоутверждение. Поэтому **Б.с.** при любых его размахе и организации никогда и нигде не поднимается до уровня общественной и государственной пользы, всегда и везде являясь разрушительным для общества и государства, и потому всегда и везде требует скорейшего подавления и раскрытия конструктивных каналов реализации массовой социальной агрессии.

Вот так я говорил и писал друзьям и коллегам в 2007 г. и иногда слышал в ответ: «А у нас другое мнение!». Надеюсь, что и в условиях 2017 г. прозвучат аргументированные альтернативные точки зрения.

Список источников

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов: ЮЛИС, 2007. 800 с.
2. Дьячков В. Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1. С. 128-141.
3. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы. Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994. 334 с.

ANTONOVSHCHINA: RELEVANCE OF METHODOLOGICAL DISPUTES OF 2007

D'yachkov Vladimir L'vovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
mayormp@mail.ru

In the article the fragments of the author's electronic correspondence with L. G. Protasov and V. V. Kanishchev on a number of methodological issues at the final stage of the preparation of the collection of documents «“Antonovshchina”. Peasant Rebellion in Tambov Region in 1920-1921» (edition of 2007) are cited. The presented discussion is relevant today as well, and it touches upon the problems of understanding synergism of the factors of the Civil War in Russia, the historic place and character of “Antonovshchina” as a part of it, issues of defining social banditry and the rest of the scientific terminology, and the corresponding structure of the collection and its scientific apparatus.

Key words and phrases: collection of documents; synergy; rural world; “inner” peasant sources; social banditry.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена деятельности яркого представителя отечественной аграрной истории В. П. Данилова по организации международных проектов по изучению проблем крестьянского движения в годы Гражданской войны в Тамбовской губернии. Целью данных проектов было получение новых знаний по аграрной истории России XX века на основе глубокого и всестороннего изучения архивных документов, а также выработка и применение инновационной методологии исследования. Подчеркивается, что благодаря международному научному сотрудничеству отечественная наука получила много высокопрофессиональных специалистов в области аграрной истории.

Ключевые слова и фразы: аграрная история; международные проекты; революционные потрясения; крестьянское движение; Гражданская война; «антоновщина»; тамбовские историки.

Есикова Милана Михайловна, д.и.н., профессор
Тамбовский государственный технический университет
hist@nnn.tstu.ru

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ В. П. ДАНИЛОВА

В последней трети XX – начале XXI в. научную историю советской деревни, в том числе в ее самые трагические периоды существования – в годы Гражданской войны и коллективизации, удалось создать Виктору Петровичу Данилову (1925–2004) – одному из самых ярких представителей советской, российской и мировой исторической науки второй половины XX – начала XXI в., лидеру аграрной истории России последних десятилетий.

Важные перемены в общественно-политической жизни страны помогли ему воплотить свои творческие замыслы, результатом которых стали крупные международные проекты по аграрной истории России первой трети XX в. Это российско-британский проект «Крестьянская революция в России» и российско-французский проект «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» [22; 27; 32; 35, с. 111]. Во время работы над этими проектами появились сборники документов, посвященные крестьянскому движению в России в годы Гражданской войны, в том числе в Тамбовской губернии, в Поволжье, на Дону, Украине и в других регионах [25–27; 29; 31; 40].

Виктор Петрович Данилов впервые обратил внимание исследователей на то, что фактически позиции крестьянства в Гражданской войне были ранее не изучены. В рамках проектов В. П. Данилов совместно со своей коллегой-единомышленником, профессором Манчестерского университета, социологом Теодором Шаниным сформулировал, обосновал и представил на широкой доказательной базе новую историческую концепцию крестьянской революции в России. Ее главная идея базируется на том, что во великие революционные потрясения России в первой трети XX в. определялись тем, что крестьянство принимало в них массовое участие, а также играло самостоятельную роль в революции и Гражданской войне [2; 4; 41].

Крестьяне Центральной части России нещадно эксплуатировались царской властью и землевладельцами. По этому поводу В. П. Данилов заявлял: «Крестьянская революция, начавшаяся стихийным взрывом в 1902 г. и вылившаяся в мощные народные революции 1905–1907 гг. и 1917–1918 гг., явилась глубинной основой социальных, политических и экономических потрясений в России. Кроме того, она оставалась основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. – до 1922 г. включительно» [5, с. 13; 25, с. 6].

В своих многочисленных работах В. П. Данилов подчеркивал, что в победе большевистской революции крестьянству было уготовано сыграть важнейшую роль: «Ликвидация помещичьего землевладения и нежелание воевать крестьян, одетых в серые шинели, отдали власть большевикам» [5, с. 13].

В. П. Данилов неоднократно указывал, что под давлением крестьянской революции большевики были вынуждены отказаться от политики «военного коммунизма», ввести нэп и признать за деревней ее права, которые были приведены в соответствие с требованиями крестьянского Наказа 1917 г. и в 1922 г. закреплены в Земельном кодексе РСФСР. Поэтому исследователь с горечью заключал: «Победа крестьянской революции оказалась равносильной поражению, ибо крестьянство не могло создать отвечающую его интересам государственную власть, институционально закрепить результаты своей революции» [25, с. 6]. В январе 1999 г. в своем выступлении на Шестом Международном симпозиуме «Куда идет Россия?» В. П. Данилов констатировал: «Советское общество было создано великой социальной революцией в России начала XX века, в основе своей являющейся крестьянской революцией» [5, с. 13].

Данилов считал, что в годы Гражданской войны крестьянское движение приобрело самостоятельный характер, а также повлияло на исход войны. С точки зрения историка в данный период времени крестьянство являлось активным субъектом исторических действий. Это положение проходило красной нитью во всех сборниках документов, вышедших под редакцией В. П. Данилова и Т. Шанина, в которых принимали участие большое количество историков и архивистов, чьи попытки преодолеть жесткие идеологические каркасы предыдущих политических эпох увенчались успехом.

В 1990-е гг. и в начале XXI века к изучению крестьянского движения в России в годы Гражданской войны подключились историки из регионов, чему способствовало их участие в международных проектах

«Крестьянская революция в России» и «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД». В процессе реализации этих проектов в некоторых российских регионах сформировалась определенная тенденция изучения аграрной истории России в русле собственных научных традиций. Участие в проектах также повлияло и на творческий рост и зрелость научной концепции их исполнителей. Так, успешно защитили свои докторские диссертации С. А. Есиков (Тамбов), В. В. Кондрашин (Пенза), Н. С. Тархова (Москва) [12; 23; 33].

С. А. Есиков (друг, соратник и последователь В. П. Данилова) в своей диссертации с конкретными цифрами убедительно доказал, что объективной основой крестьянского восстания в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг., названного «антоновщиной», было аграрное перенаселение, т.к. оно главным образом и создало почву для недовольства крестьян и, как итог, – для «общинной революции» в 1917 г. [9].

Необходимо особо отметить, что наибольший вклад в разработку истории крестьянского повстанчества в Советской России в годы Гражданской войны на региональном уровне внесли именно тамбовские историки [6, с. 100-102; 7; 8; 10; 12-15; 17-21; 25; 27; 30, с. 66-76; 36-39; 40]. Они были первыми участниками проекта «Крестьянская революция в России» и в 1994 г. выпустили сборник документов по истории «антоновщины». В этой работе принимали участие многие замечательные ученые, в том числе В. П. Данилов, С. А. Есиков, Л. Г. Протасов, Г. И. Ходякова, В. В. Канищев и др. Документы, включенные составителями в сборник, в основном были опубликованы впервые. Главное внимание авторы уделяли тем документам, которые содержали информацию как о крестьянской позиции в происходивших событиях, так и об отношении к политике советской власти в деревне [24]. 13 лет спустя, в 2007 г., сборник был дополнен новыми важными материалами и переиздан [1]. В других своих трудах тамбовские историки С. А. Есиков, Л. Г. Протасов, В. В. Самошкин также убедительно показали причины, ход и результаты самого мощного крестьянского восстания в России в годы Гражданской войны [8; 16; 20; 29].

В частности, С. А. Есиков, анализируя проблему взаимоотношений советской власти и тамбовского крестьянства в период с 1917 по 1921 гг., пришел к выводу, что произошедшая в этот период в Тамбовской губернии аграрная революция оказала глубокое воздействие на судьбу крестьянского хозяйства. Для крестьян оказалось слишком обременительной и подчас непосильной чрезмерная регламентация хозяйственной деятельности, которую им навязывало государство. Большинство крестьянских хозяйств были заняты в натуральном производстве, а малочисленных рыночно ориентированных хозяйств почти не оставалось, т.к. их практически уничтожили. В итоге события аграрной революции 1917-1921 гг. отбросили крестьянское хозяйство Тамбовской губернии на несколько десятков лет назад. Таким образом, С. А. Есиков согласился с В. П. Даниловым, что в данном случае можно было говорить об архаизации хозяйства [11].

Тамбовские историки обнародовали большое количество документов, которые демонстрировали крестьянскую повстанческую организацию в 1919-1921 гг. (программа и устав Союза трудового крестьянства, лозунги, призывы участников Антоновского восстания и т.д.). Также впервые они аргументированно охарактеризовали личности лидеров движения, в том числе сложную, неоднозначную личность самого А. С. Антонова [29, с. 66-76].

В объяснении основных причин крестьянского восстания под руководством А. С. Антонова большинство тамбовских историков поддержали точку зрения В. П. Данилова. Однако они особо подчеркнули антигосударственный характер крестьянского протеста, т.к. суть «антоновщины» состояла в противостоянии государства и крестьянства, потому что государственная политика в деревне была полностью антикрестьянской [7]. Так, С. А. Есиков и В. В. Канищев пришли к выводу, что крестьянство восставало против государства только в тех случаях, когда оно явно противоречило интересам крестьян, когда не оправдывало их социальных ожиданий и когда показывало крестьянам собственную слабость. В период 1919-1921 гг. совпали все эти три момента [19, с. 29].

В итоге тамбовские исследователи сделали важное заключение о том, что партия эсеров не принимала участие в организации Антоновского восстания. По мнению историков, несмотря на некоторое влияние эсеровской идеологии и участие в восстании отдельных эсеров, крестьянское движение носило стихийный характер [20].

Несколько слов хотелось бы сказать отдельно о вкладе Сергея Альбертовича Есикова в разработку проблемы «антоновщины». Он был правой рукой Данилова при подготовке к печати первого выпуска этого сборника [24]. Историк рассмотрел причины крестьянского восстания, его ход, результаты, роль партии эсеров в восстании и другие проблемы. Он доказал, что «антоновщина» была вызвана военно-коммунистической политикой большевиков, разорявшей крестьянские хозяйства. Повстанцы успешно вели партизанские действия в трёх лесных уездах Тамбовской губернии, поскольку действовали в родных местах, и во главе повстанческих отрядов оказались опытные люди, уже прошедшие Первую мировую войну, а также успешные повоевать и в Гражданскую. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии было стихийным, оно не было подготовлено какими-либо антибольшевистскими партиями или белогвардейскими консультантами. Однако, несмотря на стихийный характер вооружённого выступления, крестьяне сумели создать органы повстанческой власти – союзы трудового крестьянства, выработать собственные программные документы, издавать печатную продукцию, проводить мобилизацию, реквизиции хлеба и другие мероприятия, напоминая мероприятия советской власти.

С. А. Есиков считал глубоким заблуждением идеализировать крестьянскую войну, поскольку она нанесла существенный урон экономике и сопровождалась большими человеческими жертвами. По его мнению, по жестокости обе стороны не уступали друг другу [Там же, с. 225].

Так же, как и Данилов, он обнаружил в «антоновщине» необычные обстоятельства, подчёркивающие трагичность ситуации. Во взаимном противостоянии оказались две одинаковые по национальному и классовому

составу (русские крестьяне) армии, а также две идеологические организации (с институтом комиссаров, политотделов и т.д.), которые присягнули красному знамени и боролись за победу революции. Но парадокс состоял в том, что эти две армии боролись за полное уничтожение друг друга [Там же, с. 226].

Во время работы над первым сборником «антоновщины», погруженный в раздумья о трагической судьбе тамбовского крестьянства, С. А. Есиков, наделенный ярким образным мышлением, решил создать символ этой народной трагедии в виде надломленного пшеничного колоса. Спустя несколько лет этот символ стал своеобразным брендом целой серии сборников документов по истории крестьянских движений в России из серии «Крестьянская революция в России. 1902-1922 гг. Документы и материалы» под редакцией В. Данилова и Т. Шанина [25; 26; 28]. Затем он был повторен и на обложке переизданной «Антоновщины» в 2007 г. [1].

История крестьянского движения в Тамбовской губернии, в Поволжье и других регионах страны против политики большевиков в годы Гражданской войны была отражена и в другом сборнике документов, выполненном в рамках международного проекта под руководством В. П. Данилова. Это первый том российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» [30]. В нем были опубликованы информационные сводки, обзоры и другая служебная документация органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ за годы Гражданской войны (1918-1922 гг.), которые освещали события в советской деревне. В них отразились масштабы и ход крупных крестьянских восстаний в стране в этот период. Та информация, которая в них содержалась, полностью опровергает существовавшие в советской историографии домыслы о «кулацком» составе участников восстаний, а также о том, что их руководителями были антибольшевистские элементы.

Таким образом, проблема крестьянского движения в годы Гражданской войны в России (на примере Тамбовской губернии) была всесторонне и глубоко освещена в сборниках документов, изданных в рамках международных проектов по аграрной истории России, которые организовал и возглавил В. П. Данилов. Тем исследователям, которые принимали участие в научных проектах В. П. Данилова, эта работа по осмыслению, подготовке и публикации документов, безусловно, предоставила прекрасную возможность для активизации и расширения собственных научных поисков. Поэтому закономерно, что основополагающие тезисы его концепции нашли большое число приверженцев среди тамбовских исследователей.

И сегодня, когда уже с нами нет ни самих основателей этой концепции (В. П. Данилова и Т. Шанина), ни их тамбовских единомышленников и учеников (С. А. Есикова, Л. Г. Протасова, В. В. Самошкина), тем не менее можно с полной уверенностью констатировать наличие сложившейся тамбовской школы В. П. Данилова [7; 8; 21; 35; 38; 40].

Список источников

1. **«Антоновщина»: крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг.:** документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов, 2007. 800 с.
2. **Данилов В. П.** Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона; пер. С. А. Белова и др. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 310-321.
3. **Данилов В. П.** Аграрные реформы и крестьянство России (1861-1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / Российская академия наук, Отд-ние истории; редкол.: отв. ред. Л. В. Милов. М.: Изд-во МГПУ им. В. И. Ленина, 1995. С. 22-39.
4. **Данилов В. П.** Крестьянская революция в России, 1902-1922 гг. // Крестьяне и власть: материалы конф. / Тамбовск. гос. техн. ун-т, Московск. высш. шк. соц. и экон. наук. М. – Тамбов, 1996. С. 4-23.
5. **Данилов В. П.** Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год: Шестой международный симпозиум (15-16 января 1999 г.). М.: Логос, 1999. С. 11-28.
6. **Дементьев В. Д., Самошкин В. В.** Восстание крестьян на Тамбовщине в 1920-1921 гг.: обзор литературы // История СССР. 1990. № 6. С. 99-110.
7. **Дьячков В. Л.** Предисловие // Соболева А. А. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920-1921 гг.): библиогр. указатель. Тамбов, 1993. С. 7-18.
8. **Дьячков В. Л., Есиков С. А., Канищев В. В., Протасов Л. Г.** Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы Международной конференции (14-15 июня 1994 г.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 146-154.
9. **Есиков С. А.** Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861-1905 гг.): историко-правовое исследование. СПб.: Нестор, 2007. 189 с.
10. **Есиков С. А.** Крестьянское производство в Тамбовской губернии в годы революции и гражданской войны (1917-1921 гг.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.): сборник научных статей / М-во общ. и проф. образования РФ; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина; отв. ред. А. Л. Аврех. Тамбов, 1998. Вып. 2. С. 99-114.
11. **Есиков С. А.** Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900-1921 гг.). Тамбов, 1998. 108 с.
12. **Есиков С. А.** Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900-1921 гг.): дисс. ... д.и.н. М., 1998. 391 с.
13. **Есиков С. А.** Новые источники по истории «антоновщины» – крестьянского повстанческого движения в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 308-310.
14. **Есиков С. А.** Октябрьская революция и земельный вопрос // Октябрь 1917 года: разлом и связь времен: материалы научной конференции (ноябрь 1997 г.) Тамбов, 1998. С. 18-19.

15. **Есиков С. А.** Партия социалистов-революционеров и Тамбовское восстание 1920-1921 гг. // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век: материалы Межвузовской научной конференции (февраль 1997 г.). Тамбов, 1997. Вып. III. С. 43-52.
16. **Есиков С. А.** Тамбовские эсеры в 1920 году // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век: тезисы докладов и сообщений Межвузовской научной конференции (июнь 1993 г.). Тамбов: ГМП «Исток», 1993. С. 40-42.
17. **Есиков С. А., Канищев В. В.** Антоновский нэп: организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии, 1920-1921 гг. // Отечественная история. 1994. № 4. С. 60-72.
18. **Есиков С. А., Канищев В. В.** К вопросу о партийной принадлежности А. С. Антонова // Политические партии. История. Современность: тезисы докладов и сообщений Научной республиканской конференции. Орел, 1994. С. 196-199.
19. **Есиков С. А., Канищев В. В.** Специфика антигосударственного протеста крестьян (Тамбовская губерния 1861-1921 гг.) // Крестьяне и власть: тезисы докладов и сообщений Науч. конф. (7-8 апреля 1995 г.). Тамбов, 1995. С. 28-30.
20. **Есиков С. А., Протасов Л. Г.** «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 47-57.
21. **Канищев В. В., Мещеряков Ю. В.** Анатомия одного мятежа (Тамбовское восстание 17-19 июня 1918 г.). Тамбов: ТГУ, 1995. 295 с.
22. **Кондрашин В. В.** Историко-социологические исследования российских деревень // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 229-240.
23. **Кондрашин В. В.** Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг.: автореф. дисс. ... д.и.н. Самара, 2001. 41 с.
24. **Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («антоновщина»):** документы и материалы / Интерцентр; Гос. архив Тамбовской обл.; под ред. В. Данилова, Т. Шанина. Тамбов, 1994. 334 с.
25. **Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922 гг.:** документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с.
26. **Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918):** документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.
27. **Мякинчиков С. И.** Презентация международных научных проектов по истории российского крестьянства XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 1999. М., 1999. С. 299-306.
28. **Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921:** документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.
29. **Самошкин В. В.** Александр Степанович Антонов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 66-76.
30. **Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939:** документы и материалы: в 4-х т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1918-1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. 864 с.
31. **Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939:** документы и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, Н. Верта, В. Данилова. М., 1998, 2000, 2003, 2004.
32. **Тархова Н. С.** История российского крестьянства в серийных документальных публикациях 1990-2000-х гг. // Новый исторический вестник. М., 2006. № 1 (14). С. 60-71.
33. **Тархова Н. С.** Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928-1933 гг.: автореф. дисс. ... д.и.н. Саратов, 2006. 44 с.
34. **Фадеева О., Никулин А.** Исследования и исследователи: замыслы, проекты, результаты, люди (1999-2001 гг.) // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук; РОССПЭН, 2002. С. 93-114.
35. **Фатуева Н. В.** Крестьянские волнения и восстания в Тамбовской губернии (1918-1921 гг.): дисс. ... к.и.н. М., 1994. 188 с.
36. **Фатуева Н. В.** Противостояние: кризис власти – трагедия народа. Рязань: Русь, 1996. 304 с.
37. **Федоров С. В.** Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920-1921 гг.: современная историография // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.): сборник научных статей / М-во общ. и проф. образования РФ; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина; отв. ред. А. Л. Аврех. Тамбов, 1998. Вып. 2. С. 115-126.
38. **Федоров С. В.** Крестьянство Тамбовской губернии в годы гражданской войны (1918-1921 гг.): современная историография: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2000. 26 с.
39. **Филипп Мионов (Тихий Дон в 1917-1921 гг.):** документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. 772 с.
40. **Шадский О. Г.** Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 – лето 1920): «предантоновщина»: автореф. дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2000. 44 с.
41. **Шанин Т.** Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг. / пер. с англ. Е. М. Ковалева. М.: Весь мир, 1997. 560 с.

DEVELOPING PROBLEMS OF PEASANT MOVEMENT IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR IN TAMBOV PROVINCE WITHIN V. P. DANILOV'S INTERNATIONAL PROJECTS

Esikova Milana Mikhailovna, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
hist@nnn.tstu.ru

The article is devoted to the activity of a striking representative of domestic agrarian history V. P. Danilov, which involved organization of international projects to study problems of the peasant movement in the years of the Civil War in Tambov province. These projects were aimed to acquire new knowledge on Russian agrarian history of the XX century on the basis of deep and comprehensive analysis of archival documents and to develop and introduce innovative research methodology. The author emphasizes that due to international scientific cooperation domestic science obtained many highly qualified specialists in the sphere of agrarian history.

Key words and phrases: agrarian history; international projects; revolutionary perturbations; peasant movement; The Civil War; Antonovshchina; Tambov historians.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Впервые в историографии предпринята попытка комплексного рассмотрения Тамбовского восстания 1920-1921 гг. с точки зрения терминологии. В отличие от предыдущих работ, в данном исследовании выделены и определены в соответствии с современным состоянием науки основные этапы крестьянского движения в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. и дана их подробная характеристика. В результате проведенного исследования сформирован терминологический аппарат Тамбовского восстания 1920-1921 гг., позволяющий в полном объеме дать характеристику как всего крестьянского движения в целом, так и отдельных его этапов.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война; малая война; крестьянское восстание; бандитизм; зеленое движение; атаманщина; партизанская война; повстанчество.

Иванов Дмитрий Павлович, к.и.н.

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
eskadron.stk@mail.ru*

ТАМБОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1920-1921 ГГ. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

История Тамбовского восстания 1920-1921 гг. оказалась бы неполной без формирования терминологического аппарата. Необходимость подробной дефиниции понятий и их четкого определения вызвана тем, что мотивы участия крестьян в движении находятся в прямой зависимости от его характера, поскольку одних только тактических (земля, рабочий скот, хлебные излишки и др.) и людских ресурсов недостаточно для крестьянского восстания, хотя обладание ими увеличивает вероятность активного сопротивления. Для восстания нужна смелость, и не столько чтобы, восставши, бороться, сколько чтобы восстать. По мнению бывшего сотрудника Генерального штаба Российской империи Е. Э. Месснера, долгое время занимавшегося исследованием революций и мятежей, ни политический гражданин, ни доведенный до отчаяния обыватель не хватается за оружие вдруг: обычно их психика должна пройти через серию подготовительных упражнений – пассивное сопротивление, активное сопротивление, уход активнейших в партизанские отряды, – чтобы быть, наконец, способной к массовому восстанию [15, с. 156].

В связи с этим четкое определение этапов зарождения и развития «антоновщины», а также и военно-политических условий, предшествовавших восстанию и во многом его организовавших, является целесообразным.

Период 1918-1921 гг. в истории России как в отечественной, так и в западной историографии квалифицируется как Гражданская война. Это положение станет исходным.

В документах власти, а также в работах 1920-х гг. использовался традиционный для своего времени ряд терминов, некоторые из которых затем прочно закрепились в советской и постсоветской историографии. Вооруженная борьба крестьян с властями обычно описывалась как «кулацко-эсеровский мятеж», «кулацкое восстание», «бунт». Однако открытие архивов и появление широкого круга источников позволяет современным исследователям критически оценивать характер крестьянского движения в годы Гражданской войны и оговаривать используемую терминологию [6].

Однако в ряде работ, посвященных крестьянскому движению в годы Гражданской войны, для обозначения участников все же использовался термин «партизан», а действия отрядов повстанцев трактовались как партизанские; мы считаем необходимым, не претендуя на абсолютную точность дефиниции, уточнить содержание некоторых понятий, используя определения, принятые в мировой историографии. Применительно к партизанской войне мы учитываем наличие «тонких» дефиниций.

Согласно наиболее распространенному определению, партизанская война – это одна из форм борьбы против иноземных захватчиков, составная часть войны, которая ведется на территории, контролируемой неприятелем, и способами, отличными от действий регулярных войск. В ней участвуют специальные части и подразделения регулярных войск, а также иррегулярные формирования. Партизанская война обычно строится на широкой поддержке народных масс [2, с. 15].

Партизанское движение. Как социальное явление оно включает в себя вооруженную борьбу собственно самих партизан, а также тех лиц, которые оказывают партизанам разнообразную помощь и поддержку, укрывают их от врагов, собирают для них информацию и т.д. Таким образом, речь идет о борьбе с оружием в руках и о борьбе невооруженным путем. Естественно, тот, кто помогает партизанам только невооруженным путем, не может считаться партизаном. Он всего лишь участник партизанского движения.

Партизанская борьба. Главной формой партизанского движения, его конкретным явлением следует считать партизанскую борьбу. Она предполагает, в первую очередь, вооруженную борьбу специально организованных партизанских формирований. К ним впоследствии примыкают партизанские формирования, сложившиеся стихийно, но подконтрольные центру.

Партизанские действия. Партизанская борьба осуществляется в виде партизанских действий. Главными отличительными их особенностями являются: отсутствие постоянной линии соприкосновения с противником (сплошного фронта); скоротечность боевых действий; возможность решения поставленных задач без вступления в боевое столкновение с противником (например, путем диверсий); сочетание рассредоточения, сосредоточения и перемещения сил [Там же, с. 14-15].

Тамбовское восстание 1920-1921 гг. по форме напоминало партизанскую войну. Не было четкой линии фронта, боевые действия велись иррегулярными формированиями, а поддержку движению оказывало местное население. Однако главным противником тамбовских крестьян все же выступало свое правительство. Боевые действия происходили на территории, подконтрольной Советской власти, а в конфликте не были замешаны иностранные вооруженные силы. Поэтому мы не можем отнести события в Тамбовской губернии в 1918-1920 гг. к традиционной партизанской войне, поскольку они противоречат ее основным признакам.

Для обозначения подобных явлений в научной литературе существует несколько определений. Но в силу идеологических причин и особенностей политической обстановки советского времени в отечественной литературе данная проблематика, в отличие от западной, разработана слабо и не отражала всей сути явления [4; 10; 14; 17]. До сих пор не существует однозначных определений действий крестьян в годы Гражданской войны. Анализ работ В. И. Ленина, советских военачальников, документов того периода и трудов историков показал, что основными понятиями, характеризовавшими происходившие в России в тот период крестьянские движения, были бандитизм (и его разновидности), зеленое движение (и движение дезертиров), вооруженные выступления (бунты, мятежи и восстания) и малая война (партизанщина, атаманщина и повстанчество).

1. Бандитизм и его разновидности

Бандитизм является многогранным явлением, имеющим свои разновидности. В современной литературе выделено несколько форм бандитизма, но мы остановимся на трех, так как прочие являются местными вариантами основных проявлений.

1.1. Уголовно-разбойничий бандитизм

Наиболее часто употребляемое в документах советских учреждений и сводках ЧК определение, характеризующее, как правило, период зарождения движения. К этой категории бандитов, в основном, относили беглых арестантов, воров, конокрадов, поджигателей, авантюристов и вообще любителей легкой наживы, которые «часто прикрываются черной маской анархизма, призывают к безвластию, сознавая, что в общем хаосе легче погреться у чужого добра» [12, с. 364]. По данным ЧК, этот элемент имелся в годы гражданской революции везде, во всех губерниях и областях, наиболее спокойных даже в политическом отношении, действовал отдельными шайками или же в зависимости от окружающих условий, вливался в крупные повстанческие бандитские шайки.

Британский историк Орландо Файджес считает, что чисто криминальные, преступные элементы представляли определенную часть того, что в общем было принято называть «крестьянским сопротивлением». Историк выделял четыре разновидности бандитизма:

- 1) **разбойничьи шайки**, всегда существовавшие в сельской местности и расцветшие в хаосе Гражданской войны;
- 2) **налетные банды**. Конные, как правило, крестьянские банды, совершавшие налеты на совхозы, коммуны и небольшие города;
- 3) **«анклавный» бандитизм**, который, по мнению Файджеса, был распространен в Тамбовской губернии во время антоновского восстания. Бандиты организовывались в небольшие армии, уничтожали линии коммуникации с городом, контролировали движение по дорогам, срывали реквизиционную работу, нападали на совхозы и колхозы, терроризировали советских и партийных работников, устанавливали независимые (как правило, советские) формы крестьянского самоуправления в контролируемых районах;
- 4) **большие «бандитские армии»**, которые вели полномасштабные «крестьянские войны» против большевиков (описанные черты в большей степени относятся повстанчеству) [18, р. 323-324].

1.2. Социальный бандитизм

Термин введен в научный оборот английским историком Эриком Хобсбаумом и употребляется в большей степени применительно к крестьянским движениям в истории стран Запада [19]. В научном понимании **социальный бандитизм** – это форма повышенной социальной активности, агрессии, провоцируемая ломкой привычных укладов жизни, состоянием массового стресса, которая особенно развивается в районах острого аграрного перенаселения. Именно этот термин применительно к социальному составу большей части участников Тамбовского восстания 1920-1921 гг. посчитали приемлемым авторы вступительной статьи к сборнику документов об «антоновщине» 2007 года [5, с. 11].

1.3. Политический бандитизм

Получил широкое распространение в советской литературе благодаря работам В. И. Ленина, который, однако, не дал точного определения данному понятию. В работах современных историков под **политическим бандитизмом** понимается групповая организованная вооруженная деятельность, нацеленная на захват государственной власти на местном, региональном или центральном уровне или изменение политики государства в той или иной сфере [7, с. 81].

2. Дезертиры и зеленое движение

В годы Гражданской войны слово «**дезертирство**» было собирательным понятием и охватывало все формы уклонения от военной службы и выполнения общественных повинностей.

Под «**зелеными**» следует понимать организованные, преимущественно дезертирские, партизанские группы, осуществлявшие террористическую деятельность в сельской местности [16, с. 147].

2.1. Дезертиры

Дезертирами называли лиц, уклонившихся от явки по призыву, беглецов из воинских частей и людей, самовольно оставивших принудительные работы на государственных предприятиях, а также в советских хозяйственных учреждениях.

К категории **дезертиров по «слабости воли»** относились красноармейцы, отсутствовавшие в расположении своей части менее двух недель, или беглецы, причина ухода которых признавалась комиссией уважительной. **«Злостными»** считались **дезертиры**, «пробывшие в отлучке более 14 дней; побег которых сопровождался уносом казенных вещей...; скрывшие при задержании свое имя; оказавшие при задержании сопротивление; бежавшие 2 раза и более». «Слабовольные» дезертиры составляли подавляющее большинство уклонившихся от службы в вооруженных силах Советской России. «Злостных» дезертиров было сравнительно немного, но из их среды выявлялись лидеры крестьянского повстанческого движения [8].

2.2. Зеленоармейцы

По мнению тогдашних чекистов, это была промежуточная категория между дезертирами и зелеными, представлявшая собой «сырой материал, из которого вожак лепят что угодно». По социальному своему положению, которое в тот период оценивалось властью и крестьянством по-разному, зеленоармейцы большей частью представляли собой зажиточные элементы деревни, «обалделые, очумленные, деклассированные, боящиеся и красных и белых, стремящиеся зажить скорее спокойной “хозяйской” жизнью». Они бросались из одного лагеря в другой, но попадали в лапы белогвардейцев, явных и тайных, которые их организовывали, вливали в шайки, объединяли и т.д. [12, с. 364]. Как показывала практика, в зависимости от состояния фронта и частей Красной Армии, численность дезертиров постоянно менялась, и вместе с этим колебался и размах бандитизма.

2.3. Зеленые

Группы «зеленых» состояли из наиболее отчаявшихся, наиболее разочарованных и, как следствие, наиболее политизированных элементов крестьянства. Большинство «зеленых» составляли дезертиры, однако это не значит, что к ним не могли присоединиться озлобленные большевиками крестьяне и представители других социальных групп. По мнению тамбовского историка О. Г. Шадского, «зеленые» являли собой крайнюю форму сопротивления Советскому государству в сельской местности [16, с. 147].

Таблица 1.

Сводка губисполкома в ЦК РКП(б) о результатах работы по ликвидации дезертирства (по данным на 24 сентября 1920 г.) [13, с. 267-268]

Уезды	Дезертиров		
	Задержано	Явилось	Всего
Тамбовский	6426	7654	14080
Кирсановский	3023	2362	5385
Козловский	571	4886	5457
Моршанский	2758	7794	10552
Спасский	1119	328	1447
Шацкий	193	947	1140
Лебедянский	42	2613	2655
Липецкий	456	774	1230
Темниковский	317	2438	2755
Борисоглебский	1440	1169	2609
Сасовский	736	840	1576
Усманский	3261	нет	3262
Итого	20342	31805	52147

Из Таблицы 1 опять-таки явствует, что более половины всех дезертиров губернии скрывались на начальный период восстания в Тамбовском, Кирсановском, Моршанском и Борисоглебском уездах, а также в Усманском, который близко примыкал к зоне восстания.

Таблица 2.

Численность дезертиров в Тамбовском уезде в 1920 г. [16, с. 140-141]

Месяц	Всего		в т.ч.		
	по документам	реальные цифры	сдалось	поймано	злостные
Январь	2231	2231	638	1593	0
Февраль	1680	1602	394	1208	78
Март	3024	2805	349	2456	219
Апрель	1380	1273	154	1119	107
Май	5427	5031	1674	3357	396
Июнь	2589	4517	1764	2753	72
Июль	4764	4672	2472	2200	92
Август	15323	15276	13033	2243	47
Сентябрь	2754	2602	1962	640	152
Октябрь	2277	2135	1402	733	142
Ноябрь	788	779	586	193	9
Итого	42237	42923	24428	18495	1314

Как видно из Таблицы 2, пик явки дезертиров после объявления амнистии в Тамбовском уезде в 1920 г. пришелся на август. Этот факт подтверждает мнения историков об «антоновщине» как о крестьянском восстании, а не движении «зеленых».

3. Вооруженные выступления

3.1. Бунт

Бунт можно определить как стихийное, неорганизованное выступление масс без четко осознанной цели [1, с. 19-20]. К «антоновщине» и другим восстаниям периода Гражданской войны это понятие никогда не применялось. Формально к этой категории можно отнести крестьянские выступления 1918 – первой половины 1920 г., вызванные конкретными причинами и подавленные властями в кратчайшие сроки. В этот период на территории губернии было около 7 вооруженных выступлений, охватывавших территорию 5 уездов. Однако, несмотря на размах выступлений, властям в течение месяца удавалось взять ситуацию под свой контроль, используя местные силы.

3.2. Мятеж

Мятежом можно назвать любое неудачное вооружённое восстание против действующей власти или попытку переворота. В советской историографии мятежами назывались также различные виды вооружённых выступлений против советской власти и коммунистической диктатуры (крайне редко это относилось к Тамбовскому восстанию 1920-1921 гг.), в позднейшие времена обозначавшиеся более нейтральным термином «восстание».

3.3. Восстание

Восстание определяется как: открытое вооруженное выступление каких-либо социальных групп или классов против существующей власти. Оно носит массовый характер и преследует политические цели. Участники восстания назывались повстанцами [Там же].

4. Малая война

4.1. Партизанщина

Термин, употребляемый в неодобрительном смысле, обозначает действия, поведение, характеризующиеся неорганизованностью, отсутствием дисциплины. Наиболее полную и точную характеристику этого явления дал В. И. Ленин в письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком: «Как огня надо бояться партизанщины, своеволия отдельных отрядов, непослушания центральной власти, ибо это ведет к гибели» [9, с. 155]. В таком же контексте Ленин и другие советские руководители применяли этот термин и к крестьянским восстаниям.

4.2. Атаманщина

Современные авторы определяют **атаманщину** как действия независимого или полунезависимого лидера, определенной группы людей по созданию модели милитаристского местного управления [11, с. 14]. Мы предполагаем, что в Тамбовской губернии атаманщина проявилась на начальном этапе крестьянского восстания 1920-1921 гг.

4.3. Повстанчество

До сих пор в отечественной литературе нет определения повстанчества. В основном его отождествляют с партизанством либо употребляют в значении совместно протекающего явления (партизанско-повстанческая война), что не совсем верно.

В западной науке термин «повстанчество» (rebellion) и как его разновидность – «крестьянское повстанчество» (peasant rebell) встречается по большей части в работах, посвященных истории Средних веков и Нового времени, а также применительно к движениям в Латинской Америке и азиатском регионе [3; 20; 21].

Однако явление повстанчества многогранно по своей сути и заслуживает более пристального внимания. Заметим, что это движение затрагивает широкий диапазон действий от акций гражданского неповиновения и массового ненасильственного сопротивления до ожесточенных и организованных попыток свержения существующей власти, правительства. Участников таких восстаний называют «повстанцами». Сюда же следует отнести и членов военизированных сил, которые восстают против существующего правительства.

Рассмотрев различные интерпретации «антоновщины», мы можем сделать следующие выводы. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг., по сути, являлось повстанчеством, каждый этап которого принимал разнообразные формы, которые соответствовали конкретной исторической обстановке отдельных отрезков периода второй половины 1920 – первой половины 1921 г. Зарождение движения и оформление его идеологического ядра пришлось на расцвет бандитизма и начала «зеленого движения». Террористический этап, в ходе которого окончательно оформился костяк будущей Партизанской армии Тамбовского края, по времени совпал с подъемом движения «зеленых». Начало третьего этапа – непосредственно самой «антоновщины» – периода атаманщины, совпало с ростом массовых крестьянских выступлений и спадом дезертирского движения. Однако в первые месяцы восстания Антонову и его окружению не удалось заручиться массовой поддержкой крестьянства, поскольку часть селян была заинтересована в скорейшем разрешении конфликта и возвращении к нормальной по крестьянским меркам жизни и спокойным экономическим отношениям с государством. Поэтому до ноября 1920 г. на территории восставших уездов не существовало единого антикоммунистического крестьянского фронта, а имели место разрозненные действия независимых повстанческих командиров (по сути – атаманов), самостоятельно боровшихся с Советской властью на подконтрольной территории. Таким образом, использование приведенной в работе терминологии допустимо в плане характеристики событий в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг., однако всегда необходимо указывать, о каком из этапов движения конкретно идет речь.

Список источников

1. Ацюковский В. А., Ермилов Б. Л. Краткий политологический толковый словарь. М., 2003. 37 с.
2. Боярский В. И. Партизанская война: история утерянных возможностей / под общ. ред. А. Е. Тараса. М., 2001. 301 с.
3. Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. 461 с.
4. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2-х кн. М., 1986. Кн. 2. 397 с.
5. Данилов В., Брончуков М., Дьячков В., Есиков С., Канищев В., Протасов Л. Введение // «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 3-18.
6. Жупикова Е. Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. М.: Академия исторических наук, 2007. Т. 1. С. 114-319.
7. Киреев А. А. Политический бандитизм в Приморье 20-х – начала 30-х гг. XX в. // Вестник Морского государственного университета. Общественные науки. Владивосток, 2005. Вып. 8. С. 79-90.
8. Кукушкин В. Л. Армейское и трудовое дезертирство в среде вологодского крестьянства в 1919-1921 годах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/3vo/log/da/6.htm#15> (дата обращения: 28.03.2017).
9. Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М., 1970. Т. 39. С. 151-159.
10. Минаев В. Подрывная работа иностранных разведок в СССР / под ред. И. Ерухимовича. М., 1940. Ч. 1. 216 с.
11. Савченко В. Атаманы казачьего войска. М., 2006. 410 с.
12. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918-1939: документы и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 1. 1918-1922 гг. 864 с.
13. Советы Тамбовской губернии в годы Гражданской войны 1918-1921 гг.: сборник документов и материалов. Воронеж, 1989. 378 с.
14. Соловьев В. М. Актуальные вопросы изучения народных движений // Отечественная история. 1991. № 3. С. 130-145.
15. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М.: Военный университет; Русский путь, 2005. 696 с.
16. Шадский О. Г. Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 – лето 1920). «Предантоновщина»: дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2000. 244 с.
17. Янелъ З. К. Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР. 1982. № 5. С. 88-101.
18. Figs O. Peasant Russia, Civil War: the Volga Countryside in Revolution (1917-1921). Oxford, 1989. 432 p.
19. Hobsbawm E. J. Primitive Rebels. Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries. Manchester, 1959. 202 p.
20. Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia / ed. J. Wilson Lewis. Stanford, Calif., 1974. 364 p.
21. Taylor W. B. Banditry and Insurrection: Rural Unrest in Central Jalisco, 1790-1816 // Riot, Rebellion, and Revolution: Rural Social Conflict in Mexico / ed. by F. Katz. Princeton, 1988. P. 205-246.

TAMBOV REBELLION OF 1920-1921 FROM THE VIEWPOINT OF TERMINOLOGY

Ivanov Dmitrii Pavlovich, Ph. D. in History
 Tambov State University named after G. R. Derzhavin
 eskadron.stk@mail.ru

In the article for the first time in historiography an attempt of comprehensive consideration of Tambov rebellion of 1920-1921 from the point of view of terminology is made. Unlike previous works, in this research the main stages of the peasant movement in Tambov province in 1920-1921 are identified and determined in accordance with the current state of science and their detailed description is given. As a result of the conducted research, the terminological apparatus of Tambov rebellion of 1920-1921 is formed, which allows presenting a full description of the peasant movement as a whole as well as its individual stages.

Key words and phrases: The Civil War; small war; peasant rebellion; banditry; green movement; ataman movement; guerrilla warfare; rebellion.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье предпринимается попытка оценить нынешнее состояние изученности темы Тамбовского восстания 1920-1921 гг., предложить коллегам некоторые направления и методы возможной дальнейшей работы, особенно использование современных информационных технологий. Автор приходит к заключению о явно недостаточном научном исследовании темы, о незнании многими авторами крупных публикаций историков, неполном использовании уже опубликованных документов.

Ключевые слова и фразы: Тамбовское восстание 1920-1921 гг.; историография; источники; методы исследования; информационные технологии.

Канищев Валерий Владимирович, д.и.н., профессор
 Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
 valcan@mail.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1920-1921 ГГ.

В данный момент можно говорить только о начальном этапе научного изучения Тамбовского восстания. В большей мере подготовлены публикации документов, в меньшей – исследовательские работы. Даже

опубликованные документы в значительной своей части еще не проанализированы. Преобладающими остаются краеведческие публикации, которые в лучшем случае имеют научно-популярный характер.

Главное, что нужно знать любому человеку, занимающемуся изучением какой-либо исторической темы, – это степень изученности или историографию данной темы. При этом следует начинать с изучения общероссийской литературы, поскольку любые региональные события являются частью истории страны в целом.

Я напоминаю тривиальные для профессиональных историков вещи потому, что многие пишущие о Тамбовском восстании 1920-1921 гг. зачастую абсолютно не учитывают историографию этой темы. Такое незнание приводит к крайне упрощенным выводам. У многих современных авторов получается просто перекидка знаков в оценках данного исторического события. Если в советское время оно оценивалось только отрицательно, то ряд нынешних историков и краеведов упрощенно меняет минус на плюс, забывая, что в гражданской войне не бывает героев, бывают только жертвы этих суровых обстоятельств.

Позволю себе напомнить, что даже главные «подавители» Тамбовского восстания М. Н. Тухачевский, В. А. Антонов-Овсеенко, Б. А. Васильев погибли в репрессиях конца 1930-х гг., когда по-новому оценивались события Гражданской войны в СССР. Отсутствие у местных властей и краеведческой общественности четких исторических знаний приводит к путанице в решении историко-мемориальных вопросов. Так, в Тамбове переименована ул. Антонова-Овсеенко, но на карте остаются улицы Бориса Васильева и Уборевича (заместителя Тухачевского в Тамбове).

Дело не только в незнании проблемы, но и в отсутствии у многих авторов концептуальных представлений о ее месте в российской истории. С 1990-х гг. большинство историков признает концепцию аграрной революции в России 1902-1922 гг. как борьбу крестьян за захват помещичьей собственности, а затем удержание ее в своих руках. В рамках этой концепции историки считают, что крестьянские восстания 1918-1922 гг. были частью завершающего этапа аграрной революции, борьбой за сохранение завоеваний крестьянского движения конца 1917 – начала 1918 г. Применительно к Поволжью 1920-1922 гг. известный современный историк-аграрник В. В. Кондрашин пишет, что на этом этапе крестьянство обороняло свое главное стратегическое завоевание – право быть хозяином на своей земле – от посягательств на него государства [11, с. 78]. Эти слова вполне подходят и для характеристики Тамбовского восстания.

Многие авторы не учитывают того, что одновременно с Тамбовским восстанием крестьянское протестное движение происходило на огромной территории от юга Украины до Западной Сибири. С другой стороны, важно учитывать, что в этот же период почти не было массовых крестьянских выступлений в нечерноземных потребляющих губерниях Европейской России. В связи со всем этим возникает много пока не разрешенных вопросов.

В первую очередь возникает вопрос о том, почему, казалось бы, «глобальные» природно-демографические кризисы традиционного аграрного общества не по всей Европейской России приводили к массовой крестьянской агрессии против власти [5]. Мы пока не знаем, насколько совпадали эти кризисы в европейской и азиатской частях страны, хотя крестьянские восстания в них проходили одновременно.

Более того, пока до конца не объяснено, почему крестьянское восстание в 1920-1921 гг. происходило не на всей территории Тамбовской губернии. В. Л. Дьячков сформулировал очень интересное положение о «демографических мешках» в Тамбовской губернии начала XX в. в районах социально-демографической замкнутости, которая рождала повышенную агрессивность. Но ведь и внутри этих «мешков» оказались поселения, которые не принимали участие в Тамбовском восстании. Возникает и вопрос, связанный с особенностями проявления неблагоприятных для земледелия погодных условий, вопрос о том, почему на территории губернии голод часто, в том числе и в 1920-1922 гг., проявлялся «локальными пятнами», по-разному даже в соседних поселениях. Значит, дело было не только в социоестественных факторах.

Только на уровне предположений тамбовскими историками решается вопрос о напряженном ожидании крестьянами губернии назревавшего в 1920 г. недорода как социально-психологической предпосылке восстания. Между тем есть хорошие образцы изучения данной проблемы на материалах соседних губерний [2].

Нерешенным остается вопрос о политической природе крестьянского протеста 1918-1922 г. Никто из серьезных историков не отрицает антибольшевистскую направленность тамбовских восстаний этого периода. Но эту оценку нужно уточнять. В. П. Булдаков еще в 1990-е гг. писал, что социальная борьба крестьян развивалась в неполитическом измерении [3, с. 105]. В. В. Кондрашин считает, что антикоммунистическую направленность крестьянских восстаний периода Гражданской войны следует понимать в узком смысле как сопротивление «военному коммунизму» [11, с. 148]. О. А. Сухова развивает его мысль, говоря о единстве уравнительного «общинного архетипа» и коммунистической идеологии, т.е. невозможности абсолютного противопоставления крестьян и коммунистов [16, с. 126]. Очень интересный факт привел воронежский историк А. Разиньков, который писал о том, что в период восстания Колесникова повстанцы не трогали портреты вождей коммунистической революции Ленина и Троцкого, как и красные флаги [13, с. 43].

При этом нельзя забывать о том, что подобные восстания в годы Гражданской войны проходили и на тех территориях, где не было власти коммунистов (против Скоропадского и УНР на Украине, против Комуча в Поволжье, против Деникина на Дону и Среднем Кавказе, против Колчака в Сибири и т.д.). Предположительный обобщенный ответ находится в том, что повсеместно традиционное крестьянство в силу своей исторической природы боролось с любой властью, которая чрезмерно вторгалась в его интересы. Этот феномен хорошо известен в мировой крестьяноведческой литературе. В частности, работы, касающиеся этой проблемы, опубликованы в хрестоматии «Великий незнакомец» [4], о существовании которой, к сожалению, многие краеведы просто не знают.

В связи с таким подходом к объяснению природы крестьянских восстаний возникает еще целый ряд требующих специального изучения вопросов. Если учитывать только особую антибольшевистскую направленность Тамбовского восстания, то получается, что тамбовские крестьяне были против большевиков, а, скажем, калужские, московские или владимирские, которые подобные восстания не поднимали, были за большевиков. Другими словами, русское крестьянство 1920-1921 гг. было неоднородно.

В какой-то мере это действительно было так. Прошлой осенью мы с В. Л. Дьячковым давали интервью съемочной группе НТВ, снимавшей фильм о Г. К. Жукове и, в частности, заинтересовавшейся эпизодом, который связан с участием будущего маршала в подавлении Тамбовского восстания. Первоначально у руководителя съемок С. Холошевского было мнение о том, что по происхождению калужский крестьянин Жуков как бы предал интересы крестьянства. Как мне представляется, нам удалось убедить этого тележурналиста в том, что дело было сложнее. Во-первых, Жуков уже в детстве фактически перестал быть крестьянином, занявшись скорняжным трудом в Москве. Промысловая деятельность была характерной для многих крестьян Калужской губернии, как и ряда соседних с ней губерний Центра России, еще с середины XIX в. Во-вторых, Жуков мог знать о том, что в 1918-1920 гг. тяжелое продовольственное положение его земляки поправляли путем поездок в качестве «мешочников» в хлебоборные губернии, особенно Тамбовскую. Понятно, что в такой ситуации возникало некоторое противоречие между голодающими калужскими крестьянами и торгующими излишками хлеба сытыми тамбовскими крестьянами. Поэтому для калужан и, может быть, Г. К. Жукова зажиточный тамбовский мужик был не совсем своим.

Но нужно еще разобраться с тем, до какой степени этот зажиточный мужик мог пользоваться своими относительными выгодами в 1920 г. Вероятно, в 1918-1919 гг. в условиях хороших урожаев и еще не сложившейся жесткой системы продразверстки тамбовские крестьяне имели возможность торговать излишками хлебами. В 1920 г. урожай точно был хуже, но никто точно не знает реальных масштабов сбора продразверстки в том году. В работах и историков, и краеведов приводятся только отдельные примеры непосильности этой обязанности тамбовского крестьянства. Требуется же сплошное изучение желательного подневной работы продорганов и местных властей не только губернии, но и уездов и волостей.

При изучении сюжетов, связанных с пространственными и временными показателями, в современных условиях можно и нужно использовать геоинформационные технологии. Они, говоря исходя из опыта, накопленного на историческом факультете ТГУ, позволяют существенно уточнить многие вопросы. В частности, созданные нами карты о территориальном расположении конкретных крестьянских выступлений периода «антоновщины» наглядно показывают дискретность отдельных выступлений по месяцам 1920-1921 гг., дают возможность связать их с борьбой крестьян соседних регионов.

Современные информационные технологии могут позволить и более точно решить вопрос о численности участников Тамбовского восстания. В литературе фигурирует цифра в 30-50 тыс. чел. [6; 14]. Но, учитывая партизанский характер борьбы и особенности крестьянской жизни, нужно понимать, что участие в восстании было прерывистым, не каждодневным. Для получения более-менее близких к истине данных о численности тамбовских повстанцев можно было бы составить базы данных с подневными сведениями о боестолкновениях партизан с правительственными войсками, которые достаточно широко представлены в архивах.

В последнее время в рамках проектов, инициированных саратовским историком А. В. Посадским, появилось немало публикаций о предводителях крестьянских выступлений. Автор этих строк также принял участие в одном из сборников по данной тематике. Я пытался призвать коллег к источниковедческой корректности, осторожному отношению к документам о «народных вожаках», особенно чекистского происхождения [9].

В том же сборнике опубликована статья М. Ю. Зайцевой, во многом основанная на документах архива Тамбовского областного управления ФСБ и даже центрального архива ФСБ [7]. Хорошо, что историки получили сейчас возможность пользоваться документами этих архивов. Но в данном случае мы имеем дело с документами, которые в значительной своей части были опубликованы в советское время в упомянутой М. Ю. Зайцевой работе Т. Самсонова и почему-то забытых ею работах А. Н. Лобозкого. В данной ситуации напрашивается сравнение публикаций советского времени и хранящихся в архивах документов, что могло бы пролить свет на «чекистскую кухню» подготовки провокаций и, соответственно, выдуманных документов. Но автор публикации восприняла привлеченные ей документы без источниковедческой критики. В результате вновь «воскресло» имя Е. Ф. Муравьева, человека с очень сомнительной репутацией [1; 12]. Разбираться нужно и с личностью адвоката Д. Ф. Федорова. По данным «Адрес-календаря Тамбовской губернии на 1916 г.», в Тамбове действительно жил и работал присяжный поверенный Дмитрий Федорович Федоров. Однако неясно, как человек с такой, мягко скажем, неприемлемой для Советской власти профессией, мог спокойно жить в Тамбове и даже использоваться в чекистских операциях. Трудно поверить и в контакты повстанцев с кадетами, совершенно чуждой для них партией. Скорее, такая связь могла появиться в фантазиях чекистов.

Сомнительные моменты при неаккуратной работе с источниками возникают и в работах профессиональных историков. В частности, в статье Д. П. Иванова об окружении А. С. Антонова, И. Е. Ишин, с одной стороны, характеризуется как торгаш, с другой – приводится его мало совместимая с этим занятием революционная биография [8]. Скорее всего, причина этого противоречия состоит в недоучете различий дореволюционных жандармских документов и советских чекистских материалов. В первых, более квалифицированных, – речь идет только о революционной деятельности крестьянина И. Е. Ишина, во вторых – появляется явно «классовый» ярлык. Но создатели этого ярлыка не понимали, что для большинства крестьян, с их антибуржуазным сознанием, лидер-торгаш был неприемлем.

Вообще, для более полной и точной оценки лидеров Тамбовского восстания необходимы не только историко-исследовательская тщательность, но и выявление новых источников. В частности, важным предполагается изучение материалов процесса партии социалистов-революционеров 1922 г., по которому вроде бы проходили тот же И. Е. Ишин и другие эсеры, связанные с Тамбовским восстанием [15]. Документы этого процесса опубликованы, но практически не изучались тамбовскими историками. Предварительное знакомство с документами показывает, что по процессу проходило немало правых эсеров, связанных с Тамбовской губернией, но практически не упоминаются участники Тамбовского восстания 1920-1921 гг.

Широко не использовались историками материалы местных газет и газет воинских частей, участвовавших в подавлении восстания тамбовских крестьян. Почти не изученными остаются документы трибуналов и политорганов этих частей, которые нередко самостоятельно вели дела арестованных ими повстанцев.

Только совокупность источников разной видовой принадлежности может помочь в определении социально-политического лица отдельных участников Тамбовского восстания.

Нужен и поиск новых методов анализа этих источников. Помимо уже указанной важности использования таких информационных технологий, как создание и обработка просопографических баз данных и ГИС-технологий, отметим перспективность построения сетевых связей предводителей восстания. В свое время автор этих строк попытался это сделать при изучении окружения А. С. Антонова в 1906-1908 гг. [10]. Анализ показал его явное тяготение к «независимому» крылу партии социалистов-революционеров, стремившемуся к террористической деятельности. Судя по всему, такую «боевую» ориентацию Антонов сохранял и в послереволюционные годы, он по-прежнему не связывал себя с правыми эсерами. Вместе с тем его нельзя признать классическим народным вожаком, который руководствовался только благородными чувствами защитника крестьян. Он явно был политическим деятелем.

Многие авторы, пишущие об А. С. Антонове, не обращают внимания на то, что в самом конце 1917 – начале 1918 г. он в качестве начальника Кирсановской уездной милиции настойчиво проводил в жизнь политическое эсеровское Распоряжение № 3, не останавливаясь перед наказанием крестьян, продолжавших громить помещичьи имения. Его позиция по отношению к Советской власти с лета 1918 г. была близка к левоэсеровской, улавливала протестное отношение крестьян к «военному коммунизму». Но он политически недооценил поворот Советской власти к НЭПу. Его «подполье» в Нижнем Шибряе, откуда Антонов пытался инициировать новое восстание, оказалось политическим просчетом. Не проявил он и необходимых политических навыков при переговорах с представителями нетамбовских повстанческих отрядов, в отношениях с руководством Тамбовского губернского эсеровского комитета. Так что приходится говорить о недостаточном уровне политической прозорливости А. С. Антонова, что, впрочем, было трудно ожидать от политика среднего уровня.

Особым вопросом являются отношения А. С. Антонова с председателем Тамбовского губкома СТК Г. Н. Плужниковым, которые напоминают политическую борьбу за лидерство в Тамбовском восстании. Но Плужников вряд ли тянул на уровень политического деятеля. Для его социально-политической идентификации больше подходит статус «народного вожака». В целях более полного выяснения его облика нужно специально изучить деятельность Г. Н. Плужникова в качестве председателя Каменского волостного совета. Многие авторы не знают, что он стал таковым еще в начале 1918 г., в условиях слабых позиций большевиков в крестьянской среде. В марте 1918 г. он был делегатом I губернского съезда Советов, провозгласившего Советскую власть в Тамбовской губернии. Соответственно, Плужников должен был претворять в жизнь решения уже большевистских властей. Почему он перестал это делать летом 1920 г., а может быть, и раньше, предстоит выяснить.

В целом можно сказать, что нерешенных вопросов в научном изучении крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920-1921 гг. намного больше, чем решенных.

Список источников

1. Акульшин П. В., Пылькин В. А. Бунтующий пахарь: крестьянское движение в Рязанской области и Тамбовской губерниях в 1918-1921 гг. Рязань: Ряз. обл. ин-т развития образования, 2000. 142 с.
2. Борисов Д. А. Колесниковщина. Антикommунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920-1921 гг. М.: Посев, 2012. 276 с.
3. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
4. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона; пер. С. А. Белова и др. М.: Прогресс, 1992. 431 с.
5. Дьячков В. Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1. С. 133-136.
6. Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 47-57.
7. Зайцева М. Ю. За оружием! Неудавшаяся экспедиция и удавшаяся провокация // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 519-531.
8. Иванов Д. П. За спиной атамана: исторические портреты антоновского окружения // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 465-477.
9. Канищев В. В. Информационные возможности источников для изучения просопографии вожаков крестьянских протестных выступлений конца XIX – первой четверти XX в. // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 20-30.
10. Канищев В. В. Политическая микросреда А. С. Антонова в 1906-1908 гг. // Тезисы научной конференции преподавателей Тамбовского государственного педагогического института. Тамбов, 1994. С. 22-23.

11. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М.: Янус-К, 2001. 544 с.
12. Особое задание. Воспоминания ветеранов-чекистов / сост. И. Поликарпенков. М.: Московский рабочий, 1988. 288 с.
13. Разиньков А. Правда о крестьянском восстании и красном терроре // Воронеж. 2002. № 3. С. 42-43.
14. Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 360 с.
15. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: сборник документов / сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов. М.: РОССПЭН, 2002. 902 с.
16. Сухова О. А. «Бунтующая деревня»: нерегулярная война (по материалам Среднего Поволжья) // Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия. Саратов, 2009. С. 123-131.

DEBATABLE ISSUES OF RESEARCHING TAMBOV REBELLION OF 1920-1921

Kanishchev Valerii Vladimirovich, Doctor in History, Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
valcan@mail.ru

In the article the author makes an attempt to assess the current state of the research degree of the topic of Tambov rebellion of 1920-1921, and to suggest some directions and methods of possible further work, especially the use of modern information technologies, for his colleagues. Conclusion about clearly insufficient scientific study of the topic, ignorance of major publications of historians by many authors, and incomplete use of already published documents is drawn.

Key words and phrases: Tambov rebellion of 1920-1921; historiography; sources; research methods; information technologies.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются невоенные меры борьбы большевиков против повстанческого движения крестьян. Выделяются основные направления организационно-идеологической работы, её роль в укреплении позиций РКП(б) в политической системе советского общества, отмечаются ее результаты, достигнутые к середине 1920-х гг. Показано влияние Тамбовского восстания на изменение тактики правящей партии.

Ключевые слова и фразы: Тамбовское восстание; РКП(б); некоммунистические партии; эсеры; кресткомы.

Комбарова Людмила Алексеевна, к.и.н., доцент

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
kombaroval@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ПРОТИВ ПОВСТАНЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Тамбовское восстание, известное также как «антоновщина», стало ярким проявлением кризиса внутренней политики большевиков, направленной на быстрейшее внедрение основ коммунизма. Учитывая размах и ожесточенность восстания, боевые действия против повстанцев требовалось дополнить другими мерами. Наиболее радикальным решением стала смена внутренней политики, переход от продрозверстки к продналогу, от военного коммунизма – к нэпу. Но важное значение имела и организационно-идеологическая работа большевиков, развивавшаяся по трем направлениям:

- борьба с некоммунистическими партиями, которые представляли потенциальную угрозу господствующему положению РКП(б) в обществе;
- «чистка» самой РКП(б);
- идеологическая и организационная работа среди крестьянства.

В рамках реализации первого направления внимание привлекали, прежде всего, эсеры и меньшевики. В начале 1920-х гг. эти партии переживали затяжной кризис. Помимо сокращения численности и падения влияния в массах, это выражалось в отходе от партийной деятельности части активных ранее работников, как, например, М. А. Спиридоновой, в усилении оппозиционных групп и течений и организационной неразберихе. Положение осложнялось массовыми арестами членов социалистических партий органами ВЧК.

В сложившейся ситуации многие левые группы, выделившиеся из некоммунистических партий, слились с РКП(б). Этот процесс захватил и местные организации. Так, в 1920-1921 гг. в Тамбовской губернии отмечалось массовое вхождение членов партии эсеров в коммунистическую партию. Были случаи, когда эсеровская ячейка почти целиком переходила в ряды РКП(б) [4, с. 5].

Однако к концу Гражданской войны в России сохранялись еще и самостоятельные организации некоммунистических партий, в том числе в Центральном Черноземье. Так, в Воронеже в 1920 г. существовали комитет ПСР и Бюро левых эсеров-интернационалистов; специальный губернский инструктор-организатор Всероссийской федерации анархистов стремился объединить анархистские силы. Сильная эсеровская организация имела в Тамбове. С приездом в Тамбов уполномоченного ЦК ПСР Ю. Н. Подбельского произошло

объединение правых и левых эсеров. Этот опыт получил одобрение на IX Всероссийской конференции эсеров. В худшем положении оказались тамбовские меньшевики. Весной 1920 г. Тамбовский губисполком отказал им в официальной регистрации [5, с. 30].

Недоверие РКП(б) к другим партиям усугублялось тем, что социалистические партии указывали на ошибки советских и партийных органов и высказывали опасение по поводу возобновления массовых выступлений из-за недовольства политикой по отношению к крестьянству и неспособностью большевиков справиться с хозяйственной разрухой. Одновременно они стремились восстановить собственное влияние среди населения, выступая за замену продразверстки налогом на основные предметы продовольствия и сырья, свободное распоряжение крестьян излишками, отмену ограничений для гужевой перевозки продовольствия, отмену декрета о посевокомах и т.д.

Предпринимались попытки создать массовые организации трудящихся, которые смогли бы стать альтернативой Советам, находящимся под влиянием большевиков. Лучше всего этот процесс освещен относительно партии социалистов-революционеров.

С весны 1920 г. тамбовские эсеры пытались восстановить крестьянские братства и создать новые организации – союзы трудового крестьянства (СТК). Наибольшее распространение крестьянские братства и союзы получили в четырех уездах Тамбовской губернии: Тамбовском, Борисоглебском, Усманском и Кирсановском [1]. Помимо этого, 13 июля 1920 г. ЦК ПСР представил план организации «приговорного движения» в деревне. Высказывая свои претензии, крестьяне выдвигали и «главное домогательство: проверочного всеобщего, поголовного голосования по всей России, кто хочет оставить власть в руках нынешних Народных Комиссаров, и кто желает сложения ими власти в руки особых всенародных избранников...» [8, д. 2, л. 110 об.].

РКП(б) крайне негативно отнеслась к подобной деятельности. СТК подвергались гонениям. Уже в сентябре 1920 г. созданный эсерами СТК с отделениями в волостях Тамбовской губернии был разгромлен местными властями. Подобная участь постигла крестьянские братства и центры «приговорного движения». Идея создания независимых крестьянских организаций, альтернативных существующей системе советских органов управления, таким образом, потерпела провал.

РКП(б) провела большую работу по дискредитации некоммунистических партий. Особое внимание уделялось партии эсеров. Участие ПСР в создании СТК было объявлено чуть ли не основным доказательством их контрреволюционной деятельности [6]. Эсеров обвинили в подготовке и организации «антоновщины». Так, в отчете Воронежского ГК РКП(б) говорилось: «Движимые собственнической психологией крестьяне ошетинились против Советской власти, когда наступила пора продразверстки. В 1921 г. разразился бандитизм. Эсеры постарались бандитизму дать идеологическое обоснование и организационную устойчивость» [7, д. 175, л. 66]. Судебный процесс по делу членов ЦК и других руководящих органов партии эсеров сопровождался серьезной агитационно-пропагандистской работой: в соответствии с постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) был издан ряд книг и брошюр, газеты и журналы опубликовали большое число статей, «разоблачающих» ПСР. Издавались также материалы процесса: обвинительное заключение, речи обвинителей и защитников, приговор.

Кампания по поводу процесса над эсерами проводилась и на местах. На рабочих собраниях обсуждались доклады о значении и характере этого процесса и роли эсеров в России вообще, принимались суровые резолюции, характеризующие ПСР как контрреволюционную партию. При необходимости созывались дополнительные собрания, отменялись резолюции собраний, принятых ранее. Например, в Отроженских мастерских г. Воронежа резолюция о процессе над правыми эсерами два раза ставилась на голосование и собирала всего лишь несколько десятков голосов, основная масса рабочих воздерживалась от голосования. Большинство голосов было собрано лишь после заявления председателя профсоюза о выдаче пайков к Троице. Были и случаи, когда большевикам не удавалось провести свою резолюцию, как, например, на Воронежской общегородской конференции месткомов и фабзавкомов. В результате конференция была распущена и созвана новая, единогласно принявшая резолюцию против эсеров [5, с. 66].

Результатом подобной политики стало выживание всех некоммунистических партий с политической арены. Отдельные организации, сохранившиеся на местах, уже не могли ничего изменить. Так, 7 июля 1922 г. начгубполитотдела докладывал в президиум Воронежского ГК РКП(б): «Левозерствующие, выбившиеся из колеи партийной работы, деморализованы и впадают в мещанско-шкурническое состояние <...> Эсдековщина-меньшевистская у нас единичное явление, особой физиономии не выявляет, жалка в своей работе» [3, д. 467, л. 18].

Последние обнаруженные нами сведения о деятельности центрально-черноземных эсеров относятся к 1924 г. 21 января и 15 февраля 1924 г. в Щигровском уезде Курской губернии состоялись совещания правых эсеров, на которых было создано бюро и организована ячейка в селе Юрасове Средне-Расховецкой волости. Помимо этого, была сделана попытка восстановить разгромленную ранее боевую дружину ПСР. Но Щигровская эсеровская организация просуществовала недолго. Уже в начале 1925 г. из Щигровского уезда рапортовали, что «эсеровское влияние, которое имело почву в некоторых районах, <...> в настоящее время <...> не проявляется, хотя в некоторых селах и остались отдельные представители эсеровской идеологии, но они превратились в обычных граждан, ничем не отличаясь от остальной массы населения» [5, с. 73].

Таким образом, восстание Антонова, на наш взгляд, ускорило переход к монопольному положению РКП(б) в политической системе советского общества.

Одновременно шла работа по укреплению самой РКП(б). Кризис политики большевиков совпал с кризисом внутри самой партии. За годы Гражданской войны в РКП(б) произошли большие потери в кадровом плане, одновременно в партию вступило много новых членов, в том числе и из других партий. Так, в 1922 г. выходцев из других партий в РКП(б) было в два с лишним раза больше, чем «старой гвардии», то есть членов с дореволюционным стажем (22,5 тыс. и 10,5 тыс. соответственно) [9, с. 35].

Бывшие члены социалистических партий принимали активное участие в советском строительстве. Так, председателем кооптдела Тамбовского губпродкома являлся бывший меньшевик Б. М. Маневич. Бывший член ПСР Н. Н. Малинин занимал руководящие посты в профсоюзных органах, в конце 1920 г. был избран членом Тамбовского губпродкома. Как указывает А. Казаков, бывшие члены ПСР входили даже в ГубЧК [4, с. 5]. В условиях мощного крестьянского восстания это способствовало формированию сочувственного отношения к требованиям крестьян среди членов РКП(б).

Делегат IX Воронежской губернской конференции РКП(б) (28 февраля – 3 марта 1921 г.) Кандыбин по этому поводу заметил: «Если были какие недочеты, то они были и будут долгое время, особенно в Воронежской губернии, которая имеет много специальных сторон, и наша партийная организация еще долго будет стоять от губерний, где партия сколочена большинством рабочих» [3, д. 285, л. 16].

Но наибольшую опасность в связи с «антоновщиной» представляли злоупотребления продотрядов, буквально терроризировавших местное население. Ярким примером являлся отряд под руководством Марголина в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии, известия о методах «работы» которого дошли даже до ЦК РКП(б) [5, с. 36].

Замена продразверстки налогом значительно сократила социальную базу «антоновцев». В то же время ошибки и злоупотребления членов РКП(б) способствовали сохранению прежнего отношения крестьян к Советской власти.

Несмотря на указание ВЦИК жестко пресекать различного рода злоупотребления, продолжались незаконные конфискации, аресты, вымогательства, взяточничество, кумовство и т.п. Особенно большой резонанс в Центральном Черноземье вызвали «Шестаковские события»: расстрел в начале 1922 г. в Шестаковской волости Павловского уезда Воронежской губернии 54 человек без суда и следствия [3, д. 467, л. 8]. Президиумом ГК РКП(б) была создана комиссия, из Москвы для расследования дела прибыл член ВЦИК Агеев. Расследование показало, что «Шестаковские события» не являлись отдельным эпизодом в Павловском уезде. Были выявлены и другие факты беззакония и произвола. Виновные попали под суд, 4 человек приговорили к высшей мере наказания. На XI Воронежской губернской конференции РКП(б) в марте 1922 г. обращалось внимание на «неправильную линию поведения местных партийных и советских организаций». Правда, причиной этого тут же было объявлено то, что «крестьянство находилось большей частью, а иногда и всецело» под влиянием остатков антоновских групп [Там же, д. 442, л. 7].

Ошибки и злоупотребления со стороны ревкомов, экономические трудности привели к тому, что в 1923-1924 гг. на беспартийных крестьянских конференциях вновь стали ставиться политические вопросы, а именно, вопросы создания независимого Крестьянского союза.

Таким образом, несмотря на то, что РКП(б) уже несколько лет являлась правящей партией, вплоть до 1924 г. в обществе существовало оппозиционное течение по созданию альтернативных организаций, представлявшее собой потенциальную угрозу для монопольного положения РКП(б).

В свете вышесказанного особое значение приобретала идеологическая и организационная работа среди крестьян. С 1921 г. в связи с переходом от военного коммунизма к нэпу начинают создаваться крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ, или кресткомы). Они были обязаны организовывать взаимопомощь крестьянства при стихийных и социальных бедствиях; заботиться о своевременном и полном обеспечении проживающего в районе деятельности комитета крестьянского населения, сирот, вдов, инвалидов, больных и т.д.; защищать их хозяйственные и правовые интересы; содействовать государственным органам в устройстве учреждений социального обеспечения и пр. Вместе с этим комитетам для осуществления возложенных на них обязанностей предоставлялось право проводить добровольное и обязательное внутреннее самообложение крестьянства как через посредство кооперации, так и самостоятельно; производить сборы и устанавливать отчисления при товарообмене; наблюдать за исполнением должностными лицами и гражданами законов, постановлений и распоряжений Советской власти в области социального обеспечения и возбуждать судебное преследование против виновных в их нарушении и т.д.

Информация о деятельности первых кресткомов стала появляться в прессе с осени 1921 г. Они организовывали закупку семян в хлеботорговых губерниях, содействовали переселенцам в Сибирь и т.п. Наиболее сильные комитеты не только проводили текущую сельхозработу (запашка земель нуждающимся, помощь в уборке урожая, в мелких бытовых проблемах), но и создавали собственные фонды: семенной, продуктовой, денежный. На средства фондов было открыто несколько инвалидных и детских домов [2].

В то же время не везде возникновение и функционирование ККОВ протекало гладко. В печати проскальзывали сообщения о недоброжелательном отношении к кресткомам зажиточных крестьян (что неудивительно, так как комитеты изымали у них часть доходов для помощи нуждающимся), середняков, пассивности бедняков. Во многих деревнях крестьянство недоверчиво отнеслось к организуемым комитетам, считало их восстанавливаемыми под другим названием комбедами.

В 1921 г. деятельность ККОВ была сосредоточена главным образом на организационных вопросах. Сказывались нехватка опытных работников, знакомых с идеей взаимопомощи, общее обнищание деревни. В Тамбовской губернии работа кресткомов в этот период заключалась преимущественно в сборах пожертвований и содержании питательных столовых для Поволжья. Лишь в конце 1922 г. они начали работу по организации взаимопомощи среди местного крестьянского населения.

Предпринимаемые усилия постепенно укрепили положение РКП(б). В конце 1922 г. большевики имели большинство голосов в волысполкомах и уисполкомах. Так, например, в конце 1922 г. в сельсоветы Воронежской губернии входило около 10% большевиков, а в волысполкомы – около 60%. Состав волысполкомов,

в свою очередь, оказывал влияние на уездные съезды, где до 70% делегатов составляли большевики (исключением являлось лишь несколько волостей). По другим документам в 1922 г. в Воронежской губернии на выборах в сельсоветы прошло около 6% большевиков, в волисполкомы – свыше 50%, в уисполкомы – свыше 80% (подсчитано автором) [5, с. 57]. В любом случае процент членов РКП(б) в местных органах власти был выше, чем в целом по республике.

Список источников

1. **Алешкин П. Ф.** Тамбовское восстание (1920-1921 гг.). «Антоновщина» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rumvi.com/products/ebook/тамбовское-восстание-1920-1921-гг-антоновщина-/5021e87d-5bf0-4c16-a541-dc4787c53ccd/preview/preview.html> (дата обращения: 01.03.2017).
2. **Воронежская Коммуна.** 1922. 15 января; 31 марта; 27 августа.
3. **Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области.** Ф. 1. Оп. 1.
4. **Казаков А.** Партия эсеров в Тамбовском восстании: 1920-1921 гг. М.: Изд-во Главполитпросвета, 1927. 16 с.
5. **Комбарова Л. А.** Общественно-политические объединения в первые годы нэпа (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний): дисс. ... к.и.н. Воронеж, 1994. 198 с.
6. **Обвинительное заключение по делу Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами.** М.: ВЦИК, 1922. 125 с.
7. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. 17. Оп. 84.
8. **РГАСПИ.** Ф. 274. Оп. 1.
9. **Шарапов Ю. П.** Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу: мелкобуржуазный революционаризм – опасность «слева». 1920-1923. М.: АН СССР, Ин-т истории СССР, 1990. 190 с.

ORGANIZATIONAL AND IDEOLOGICAL STRUGGLE OF THE BOLSHEVIKS AGAINST REBELLIOUS SPIRITS OF PEASANTS IN THE PERIOD OF TAMBOV REBELLION

Kombarova Lyudmila Alekseevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State University (Branch) in Borisoglebsk
kombaroval@yandex.ru

The article deals with non-military measures of struggle of the Bolsheviks against the rebellious movement of peasants. The main directions of organizational and ideological work aimed at strengthening the positions of the Russian Communist Party (Bolsheviks) in the political system of the Soviet society are singled out, and its results achieved by the middle of the 1920s are noted. Influence of Tambov rebellion on the change in the tactics of the ruling party is shown.

Key words and phrases: Tambov rebellion; The Russian Communist Party (Bolsheviks); non-communist parties; The Party of Socialists Revolutionaries; peasant committees.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена рассмотрению некоторых новых подходов к изучению феномена крестьянских восстаний периода Гражданской войны 1918-1922 гг. в общем и некоторым особенностям крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920-1922 гг. («антоновщины») в частности. Уточняются и наполняются новым содержанием такие «модные» в современной историографии понятия, как: «крестьянская революция», «крестьянская война», «восстание», «протестность» и «стихийность», «крестьянский фронт».

Ключевые слова и фразы: крестьянское восстание; крестьянская война; Тамбовская губерния; продовольственная политика; повстанчество.

Куреньшев Андрей Александрович, д.и.н., профессор
Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, г. Москва
kure-andrej@yandex.ru

МИФЫ И ЗАГАДКИ «АНТОНОВЩИНЫ». ЧТО СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЛО И КОМУ УГРОЖАЛО КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1920-1922 ГГ.

«“Антоновщина” как социально-политическое явление, безусловно, представляла самую непосредственную угрозу большевистскому правительству», – можно прочитать на одном из современных исторических сайтов. Возникает резонный вопрос, чем крестьянское восстание, пусть даже губернского масштаба, могло угрожать московской власти?

Почти сто лет назад произошло одно из самых крупных крестьянских восстаний в истории России XX в., получившее наименование «антоновщина». Восстание некоторые исследователи величают «крестьянской войной», наподобие «пугачевщины», восстания Степана Разина и некоторых других. Видимо, такой терминологической «игрой» упомянутые и другие исследователи пытаются усилить, увеличить роль и значение событий 1921-1922 гг. в Тамбовской губернии. Некоторые ученые в тех же самых видах расширяют хронологические рамки восстания, относя его начало к 1918 и даже 1917 годам. Эти ученые, а некоторых из них со всей определенностью можно отнести к псевдоисследователям или дилетантам, таким образом, преследуют нехитрую и очень неновую цель и задачу: противопоставить большевистскую советскую власть крестьянству, его воле, чаяниям, требованиям, вековым устоям и т.п., и т.д. В классической советской историографии, однако, мы не найдем четкого однозначного определения понятия «крестьянская война», его отличий от термина «восстание». «Под крестьянской войной обычно подразумевают наиболее крупные массовые вооруженные выступления крестьян», – читаем мы в академическом издании института истории СССР [6, с. 6.], «Иногда термины “крестьянская война” и “крестьянское восстание” употребляются как равнозначные...» [Там же, с. 8]. Все эти рассуждения относятся, однако, к периоду феодализма, а не к российскому обществу XX в. Эти рассуждения могут в какой-то степени свидетельствовать о некорректности применения термина «крестьянская война» даже к таким массовым выступлениям крестьян, как «антоновщина» и «махновщина». Во всяком случае, даже такой неистово настроенный против большевиков исследователь-краевед тамбовского восстания, как Б. В. Сенников, назвал свою книгу «Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1929-1933 гг.» [11]. В. Л. Телицын, историк академической закваски, тем не менее, позволяет себе писать: «Крестьянская война, более мощная, чем восстания XVII-XVIII вв., взметнулась весной-летом 1920-1921 гг. над Украиной, Поволжьем, Черноземьем и Сибирью, отозвалось мятежом военных моряков в Кронштадте» [12, с. 311]. Телицын, таким образом, под крестьянской войной подразумевает некий единый крестьянский фронт против Советской власти, простиравшийся от Сибири до Украины. Сюда бы еще следовало включить и «зеленое движение» крестьян Северного Кавказа, и повстанцев Севера и Северо-Запада, и много еще кого, включая даже ближнее и дальнее Подмосковье, Владимирскую, Ярославскую и Рязанскую губернии. Термин «крестьянский фронт» можно встретить и у многих других современных историков крестьянства периода революции и гражданской войны.

Было ли тамбовское крестьянское восстание составной частью этого фронта? Те историки и политологи, которые вводили в научный оборот новые термины типа «крестьянская война», «крестьянский фронт», термины чисто военные, очевидно, не задумывались об их конкретно-историческом содержании, наполнении и смысле. Вдумаемся. Единый фронт предполагает единое руководство. Если термины «война» и «фронт» использовались условно или ради «красного словца», надо было это оговаривать. На наш взгляд, дело обстоит несколько иначе. Фронт и даже координация действий крестьянских повстанческих армий во многих случаях были. Но коренная ошибка В. Л. Телицына и его последователей заключалась в том, что они писали о крестьянстве «вообще», отказавшись от принятого в советской историографии классового подхода, от термина «единый фронт» антисоветских сил и, соответственно от классификации повстанческого крестьянского движения по политической и идеологической направленности. По нашему мнению, Махно и его части никогда не могли составить единый фронт с повстанцами Антонова. В 1920 г. деятели возрожденного в Крыму Всероссийского крестьянского союза напрасно обращались к Н. И. Махно с призывами образовать единый антибольшевистский фронт. А вот у Антонова с белыми контакты и взаимодействие быть могли, и, скорее всего, были [11, с. 52].

Общепризнанной в историографии до сих пор остается точка зрения на крестьянские восстания как на исключительно протестные акции против «агрессии» большевистской власти в отношении деревни, начатой весной-летом 1918 г. Если следовать логике данной концепции, то получается, что крестьяне почти повсеместно выступали против продовольственной политики советской власти, выраженной в продовольственной разверстке, создании продовольственных армий и т.д., и т.п. Адепты этой точки зрения рассматривают крестьян только как собственников, защищающих всеми возможными способами свое имущество, результаты своего производства и т.п. Другие «защитники» интересов крестьянства трактуют их позицию более возвышенно и заявляют, что крестьянство отстаивало свое право быть свободным хозяином на свободной земле. Из концепции протестности естественным образом вытекает концепция стихийности крестьянского повстанческого движения. Тем не менее, определение тамбовского крестьянского повстанчества как «крестьянской войны» продолжает фигурировать в исследованиях. Более того, некоторые историки полагают, что тамбовское восстание было своеобразным центром общероссийской крестьянской войны. Так, Н. В. Фатуева отмечает: «К зиме 1920-1921 гг. распространяется восстание в центральной губернии России – Тамбовской, постепенно становясь эпицентром крестьянской войны» [13, с. 103]. «Разоренной гражданской войной губернии удалось поднять не один из многочисленных “бессмысленных и беспощадных бунтов”, которые потрясали основы российской государственности, а организовать дееспособную армию, органы власти и, в конечном итоге, попытаться построить справедливый, по понятиям крестьян того времени, миропорядок», – пишет тот же автор далее [Там же]. Этот же исследователь прямо заявляет о том, что именно антикрестьянская политика властей «стала почвой, на которой возникли крестьянская война 1917 г. против помещиков, восстания 1918 г. и “антоновщина”» [Там же]. В такой трактовке «антоновщины» можно увидеть отголосок концепции так называемой «крестьянской революции 1902-1922 гг.», сформулированной в работах В. П. Данилова и Т. Шанина [3; 14]. При всей симпатичности для крестьянофилов этой концепции, в ней нельзя не заметить ряд серьезных методологических и иных изъянов. Во-первых, сразу бросается

в глаза то, что в десятилетие 1907-1917 гг. никаких революционных процессов в российской деревне отмечено не было. Во-вторых, в 1917 г. крестьяне, хоть в основном и завершали свою многовековую борьбу с помещиками, конфликтовали и с новыми революционными властями все по тем же вечным для мелкого производителя вопросам: цены за свою продукцию. Последняя определялась рядом не зависевших от крестьянства существенных экономических проблем: разрушением рыночных связей, упадком с.х. производства и производства в целом, связанными с войной, инфляцией и т.д., и т.п. Большинство этих проблем досталось в наследство и советскому правительству. К ним добавился еще ряд трудностей, связанных с потерей по Брестскому миру и вследствие начавшейся гражданской войны ряда хлебопроизводящих районов. Это, естественно, не могло не увеличить давление государства, заменившего свободный рынок на оставшиеся хлебные губернии. К таковым принадлежала и Тамбовская.

К сожалению, никто из исследователей, писавших о тамбовском восстании, не акцентировал внимание на мероприятиях, усиливших «военный коммунизм» в деревне. Мы имеем в виду решения VIII Съезда Советов, направленные на усиление плановых начал в управлении сельскохозяйственным производством путем организации посевных и сельских комитетов, призванных наладить учет и контроль в отдельном крестьянском хозяйстве и отрасли в целом. Мы писали в одной из своих работ, что эти решения и их реализация на практике были последней каплей, переполнившей чашу терпения крестьянства. Недовольство этой политикой выражали не только крестьяне, но и низовые советские работники. Так, в резолюции совместного съезда представителей волпосевкомов и делегатов от фабрик и заводов Московского уезда, состоявшегося 11 марта 1921 г., было записано: «Заслушав доклад об организации и задачах волпосевкомов и селькомов, съезд констатирует, что отношение крестьянства к проведению единого сельскохозяйственного плана в том виде, как таковой принят VIII Всероссийским съездом советов, самое отрицательное. Проведение в жизнь данного законопроекта приведет не только к поднятию производительности сельского хозяйства, но, наоборот, к понижению и еще дальше заведет страну в непроходимый тупик, поставив население государства в продовольственном отношении в катастрофическое положение» [9, с. 170]. Думается, что подобного рода резолюции оказывали куда большее воздействие на центральную советскую власть, нежели даже такие крупные крестьянские восстания, как Западно-Сибирское и Тамбовское. Эти восстания не были опасны для большевистского правительства сами по себе. Они (особенно это касается Западно-Сибирского крестьянского восстания) были опасны тем, что повстанцы нарушали или сильно затрудняли работу железнодорожного транспорта. Без четкой работы этого важнейшего вида коммуникаций было невозможно доставлять продовольствие и войска туда, куда требовала военно-политическая, экономическая и гуманитарная ситуация. Уже в конце весны и в начале лета 1921 г. стало ясно: значительная часть хлебородных территорий страны будет переживать не лучшие времена в смысле погодно-климатических условий, и это природное стихийное бедствие может вызвать и гуманитарную катастрофу в Поволжье и некоторых других районах страны. Конечно, мы сейчас со всей определенностью можем утверждать, что ужасающий голод, обрушившийся на Поволжье, был следствием не только природных факторов, но и был результатом продовольственной политики Советской власти, забравшей все так называемые «излишки», к которым «нимало сумняшеся» относили и страховые запасы, создававшиеся населением этих местностей на случай частых неурожаев, которые, в свою очередь, были прямым следствием низкого уровня агротехники, агрокультуры, а также своеобразной монокультурности региона.

Некоторые исследователи отмечают, что после разгрома белых армий Юга России, а также в результате осмысления опыта антиколчаковского крестьянского повстанчества идеологи и политики антибольшевистской ориентации разных мастей – от Милюкова, Врангеля до Савинкова – сделали ставку на крестьянство. Естественно, что привлечь его на свою сторону они могли только тем, что не дали деревне коммунисты: право полной частной собственности на уже фактически находившуюся в распоряжении крестьян землю и право самим формировать низовую власть без вмешательства извне. Следствием такой установки было проведение Врангелем аграрной реформы и выдвижение лозунга «За Советы без коммунистов». Кое-где ставка была сделана на организации типа Крестьянского союза. К таковым принадлежали Союзы трудового крестьянства, а в Сибири – Крестьянский союз. Крестьянский союз, а по некоторым данным – и не один, существовал в Крыму. СТК и подобные им организации ориентировались не на советы, даже без коммунистов, а на Учредительное собрание. Организация типа крестьянского союза, руководимая Савинковым, существовала в Польше. Один из антоновских командиров, Моторыгин, сумел добраться туда и сделать заявление, что программа А. С. Антонова полностью соответствует программе «Народного союза защиты родины и свободы». «Командование народными армиями Антонова во главе с Антоновым признало вполне приемлемой и подходящей Вашу программу в данный момент с желанием народа, борющегося с самодержавием правительства Ленина», – писал в своем донесении на имя Б. В. Савинкова П. И. Моторыгин [8, с. 33]. Интересно, что текст «Программы Союза трудового крестьянства» был найден составителями сборника «Антоновщина» не где-нибудь, а «среди материалов Штаба главнокомандующего русской армией, ныне хранящихся в Гуверовском архиве войны, революции и мира в Стэнфорде США» [7, с. 293]. «В порядке комментария, – пишут составители сборника, – мы можем сказать лишь о том, что этот текст входит в состав приложений к докладу «Идеология повстанчества», представленного в марте 1922 г. начальнику упомянутого штаба, находившегося тогда в Юго-славии (Стремски Карловцы). Доклад был составлен информационным отделением штаба» [Там же].

Таким образом, концепция «стихийности», «протестности» крестьянского антибольшевистского движения 1920-1922 гг., как его ни называй – войной, восстанием, «вандеей» и т.д., – должна быть подвергнута серьезному анализу, переосмыслению и критике. Кто бы ни стоял у руководства крестьянским повстанчеством

в Тамбовской губернии: эсеры, правые или левые, офицерство, так или иначе связанное с белым движением, – сути дела это не меняет. Движение было организованным. Имело свое военное и политическое руководство, программу и идеологию.

Список источников

1. **Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А.** Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918-1922 гг.). М.: Голос-пресс, 2010. 576 с.
2. **Данилов А. Ю., Афанасьева М.** Полководец «зеленой армии» (штрихи к биографии Г. А. Пашкова) // Век нынешний, век минувший: исторический альманах. Ярославль, 2000. Вып. 2. С. 139-151.
3. **Данилов В. П.** Крестьянская революция 1902-1922 гг. // Крестьянство и власть: материалы конференции. М. – Тамбов, 1996. С. 4-24.
4. **Дмитриев Т.** Зеленая зыбь. Владимир: Калейдоскоп, 2011. 172 с.
5. **Климин И. И.** Российское крестьянство в годы Гражданской войны (1917-1921). СПб., 2004. 412 с.
6. **Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения.** М.: Наука, 1974. 466 с.
7. **Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»):** документы и материалы / Междисциплинарный академический центр социальных наук «Интерцентр»; Государственный архив Тамбовской области и др. Тамбов, 1994. 334 с.
8. **Куреньшев А. А.** Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918-1922 гг. М.: Спутник, 2011. 171 с.
9. **Куреньшев А. А.** Крестьянские организации Русского зарубежья (1920-1951). М.: АИРО-XXI, 2008. 190 с.
10. **Куреньшев А. А.** Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М.: Государственный исторический музей, 2000. 222 с.
11. **Сееников Б. В.** Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1929-1933 гг. М.: Посев, 2004. 176 с.
12. **Телицын В. Л.** «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917-1921 годов. М., 2003. 338 с.
13. **Фатуева Н. В.** Организация и методы деятельности повстанческого движения в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. // Антибольшевизм повстанческое движение «Белая гвардия»: альманах. М.: Посев, 2002. С. 103-108.
14. **Шанин Т.** Революция как момент истины. Россия 1905-1907-1917-1922 гг. / пер. с англ. М.: Весь мир, 1997. 560 с.

MYTHS AND MYSTERIES OF “ANTONOVSHCHINA”: WHAT WAS PEASANT REBELLION OF 1920-1922 IN TAMBOV PROVINCE, AND TO WHOM IT CONSTITUTED A DANGER

Kurenyshev Andrei Aleksandrovich, Doctor in History, Professor
*Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters
kure-andrej@yandex.ru*

The article analyzes new approaches to studying the phenomenon of peasant rebellions of the Civil War period (1918-1922) in general and certain peculiarities of the peasant rebellion of 1920-1922 in Tambov province (“Antonovshchina”) in particular. The author clarifies and imparts a new meaning to such “fashionable” in the modern historiography conceptions as “peasant revolution”, “peasant war”, “rebellion”, “oppositional nature” and “spontaneity”, “peasant front”.

Key words and phrases: peasant rebellion; peasant war; Tambov province; food policy; rebellion.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

На примере крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920-1921 гг. показаны сложности изучения личности и биографий лидеров повстанческих движений среднего и низшего звена. Для этого в работу включены биографии командира 6-го Савальского полка С. А. Шамова и перебежчика из Красной Армии П. З. Слюняева – командира эскадрона повстанцев. Сделана попытка выделения групп лидеров восстания в зависимости от их происхождения и рода занятий, а также приведены сводные данные Департамента полиции Российской империи об основных сподвижниках А. С. Антонова.

Ключевые слова и фразы: повстанческие лидеры и командиры; Тамбовское восстание; А. С. Антонов; Семен Шамов; разгром 2-го боеучастка; биографические исследования; сложность архивных поисков; недоступность исторических сведений.

Литовский Андрей Николаевич
*г. Рассказово, Тамбовская область
andreiniklitov@mail.ru*

**ЛИЧНОСТИ ПОВСТАНЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ СРЕДНЕГО И НИЗШЕГО ЗВЕНА:
ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ**

В историографии Гражданской войны в Советской России 1918-1922 гг. тема крестьянских волнений, восстаний и мятежей по большей части освещена однобоко и чрезвычайно идеологизирована в ту или иную

сторону. В последние годы появился ряд нейтральных исследований, посвященных событийной истории восстаний, а также личности их лидеров и организаторов. Однако фактически отсутствуют работы о персональном составе руководителей повстанческих движений среднего и низшего звена, определявших лицо и направление восстаний, что связано с наличием значительных трудностей, обусловленных спецификой развития исторической науки и архивного дела в современной России.

При изучении повстанческого движения традиционно исследуют причины, ход и последствия восстаний. Их лидерам и организаторам уделяется гораздо меньше внимания. Ну а если коснуться личности отдельных повстанческих командиров, то в лучшем случае можно узнать только их фамилии.

Из второстепенных лидеров крестьянского восстания 1920-1921 гг. под предводительством А. С. Антонова наибольшую известность получил командир 14-го Нару-Тамбовского (Хитровского) полка Иван Сергеевич Матюхин (ок. 1892 – 03.10.1921) [13, д. 1456, л. 47]. Он стал знаменит благодаря эпическому разгрому остатков его полка бригадой Г. И. Котовского. Рассказы, повести, биографические романы, воспоминания, кинофильм «По волчьему следу» (Молдова-фильм, 1976 г.), телеспектакль «Оперативная командировка» (театр им. Вахтангова, 1969 г.) – огромное количество в основном художественного материала посвящено этому событию.

Об остальных лидерах информации доступно на порядок меньше. Плужников Григорий Наумович (политический лидер и организатор восстания, председатель губернского Союза трудового крестьянства – СТК), Ишин Иван Егорович (один из организаторов восстания, председатель Кирсановского уездного СТК, заместитель Антонова по агитации и пропаганде), Токмаков Петр Михайлович (командир 2-й повстанческой армии, член Главперштаба восстания) – об этих командирах можно почерпнуть лишь скудные сведения, хотя в последнее время опубликован даже ряд документов, раскрывающих их биографии.

Особняком стоит личность воронежского союзника антоновцев, временного командира 1-й Повстанческой армии Колесникова Ивана Сергеевича, жизнь и деятельность которого подробно изучил воронежский историк Д. А. Борисов [4]. Нередко упоминаются и еще несколько повстанческих командиров: Богуславский (Чекалов) Александр Васильевич (командующий 1-й Повстанческой армией), Селянский Василий Федорович (командир 8-го Пахотно-Угловского полка), Кузнецов Иван Макарович (командир 10-го Волчье-Карачанского полка, командующий 1-й Повстанческой армией), Васья Карась, он же Василий Васильевич Никитин-Королев (командир Козловской отдельной повстанческой бригады – фактически никому не подчинившийся полевой командир полубандитского вооруженного формирования), Этков Павел Тимофеевич (командир Особого полка при 2-й армии, заместитель Антонова по Главперштабу – стал известен в связи с разгромом того полка И. С. Матюхина), Санфинов Яков Васильевич (командир Особого полка, участник ликвидации братьев Антоновых). Однако какой-либо биографической информации о данных повстанцах, кроме упоминания их участия в наиболее ярких эпизодах антоновского восстания, нигде ранее не публиковалось.

Почти вся описанная историками деятельность главных лидеров «антоновщины» связана с Кирсановским и Тамбовским уездами Тамбовской губернии, хотя центром восстания являлись три уезда: Кирсановский, Тамбовский и Борисоглебский. Связано это, прежде всего, с последующим территориальным делением губернии, когда основная часть Борисоглебского уезда отошла к Воронежской области. Из-за этого тамбовскими историками уделяется мало внимания уже «чужому» уезду, а Воронежским историкам тяжело изучать «новый» уезд из-за наличия большей части исторической информации в тамбовских архивах. Однако именно в Борисоглебском уезде фактически завершилась «антоновщина» – там были ликвидированы последние крупные военные формирования бывшей Партизанской армии (отряды Кузнецова и Шамова) и там был убит сам А. С. Антонов.

Политбюро повстанческого Губернского союза трудового крестьянства состояло из трех членов, являвшихся политическими лидерами восстания, среди которых были уже упоминавшиеся организаторы Тамбовского и Кирсановского СТК – Плужников и Ишин. Личность же третьего члена Губернского СТК – С. А. Шамова [10, д. 1110, л. 4], делегата от Борисоглебского уезда и организатора политическо-агитационной работы в нем, – историкам абсолютно неизвестна.

В рамках данной работы предпринята первая попытка осветить отдельные эпизоды биографии политическо-го лидера борисоглебских повстанцев и командира 6-го Савальского полка 1-й Повстанческой армии Семена Алексеича Шамова, в дореволюционной деятельности которого обнаружен один небезынтересный эпизод.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится уникальный фонд Департамента полиции МВД Российской империи (фонд 102 ДП), в котором имеется еще дореволюционная картотека лиц, проходивших по различным делопроизводствам и особому отделу. В данной картотеке можно найти сведения на всех лиц, проходивших по политическим делам. Там же имеется и картотека агентурного отдела на лиц, изъявивших желание сотрудничать и ставших агентами-осведомителями. Данную картотеку переписали в советское время на новые карточки, т.к. часть их содержала информацию о партийных лидерах, сотрудничавших с полицией и жандармерией, поэтому неудобные карточки и дела изъяли и засекретили.

Указанная картотека позволяет проследить революционную деятельность огромного круга лиц, в том числе и ставших позже участниками повстанческого движения. Так, на А. С. Антонова и его семью в карточках имеется несколько десятков записей и ссылок на дела, в которых упоминаются их фамилии. Участие в экспроприациях, подпольная работа, слежка, сношение с другими подпольщиками, аресты, допросы, следственные и розыскные материалы дают возможность подробно изучить его дореволюционную деятельность.

Имеются подобные сведения, состоящие из двух десятков документов в различных делах и на С. А. Шамова. Впервые его имя появляется в документах 3-го делопроизводства, ведшего надзор за политическими партиями, в 1905 г. [7, д. 1ч.25л.В, док. 21064] в связи с членством в Воронежском отделении партии социалистов-

революционеров. В дальнейшем Шамо́в проходит по делам 1-го (общеполцейские дела), 5-го (негласный надзор), 6-го (изготовление, хранение перевозка взрывчатых веществ), 7-го делопроизводства (политическое дознание) и особого отдела (борьба с политическими партиями, агентурная работа).

Семен Шамо́в родился в 1883 г. с. Старой Кирсановке, Верхне-Карачанской волости Новохоперского уезда [6, д. 9ч.60, л. 25]. В агентурной картотеке местом рождения указано с. Новая Кирсановка. В этом нет особой ошибки, так как новое и старое села соседствуют друг с другом, и теперь это одно с. Кирсановка Грибановского района Воронежской области. По профессии слесарь. Член ПСР, с июля 1907 г. по февраль 1908 г. работал в Воронежском губкоме по делам крестьянского союза. В его обязанности входила пропаганда среди крестьян задач и учений партии эсеров. Наиболее активной деятельностью Шамо́в занимался в 1908 г. За участие в подготовке терактов и экспроприаций был арестован и приговорен к смертной казни через повешенье.

Однако умирать Шамо́в не собирался. Весной 1909 г. он подает прошение о помиловании и предлагает свое сотрудничество. 7 мая 1909 г. в Тамбовской тюрьме состоялся первый допрос нового добровольного агента (потом подобные допросы повторялись еще несколько раз). При даче показаний Шамо́в подробно рассказал о всей известной ему деятельности Воронежского Губкома ПСР, а также об их связях с соседними губернскими отделениями. Им были выданы:

– К. С. Таницкий («Грицько»), член Украинского областного комитета боевой дружины ПСР, прибыл в Воронеж в 1907 г. как организатор и инструктор боевой дружины, которую предполагалось перевести из Киева в Воронеж;

– К. С. Сиротина (содержательница психбольницы), член ПСР Украинской области (в Украинскую область ПСР входили Воронежская, Харьковская, Черниговская и Киевская губернии) в Воронеже, заведовала всеми партийными делами и деньгами, содержала склад литературы;

– П. М. Портяников, организатор и лидер боевой группы ПСР, участник всех грабежей, после ареста в 1908 г. бежал в г. Уфу, скрывался там на конспиративной квартире, после чего прибыл в Воронеж;

– М. Д. Первеева, одна из главных деятелей Воронежской группы ПСР (это она посылала Шамо́ва в уезды для агитации крестьян, снабжая его программами), заведовала всеми делами крестьянского союза, работала в типографии, собирала сведения по сельским и уездным крестьянским организациям, снабжала литературой, собирала членские взносы;

– И. Д. Смирнов, член губкома, заведующий партийной типографией, распространитель литературы;

– Е. А. Дьякова («Евгения Попова»), член губкома, заведовала явками, работала в канцелярии губернатора, где похищала оттиски печатей [Там же, л. 25-27, 38-39, 42-43].

Досталось от Шамо́ва и членам «Тамбовской группы независимых социалистов-революционеров», возглавляемой А. С. Антоновым. Сидя в Козловской тюрьме вместе с М. А. Зеленым (его отец был полицеймейстером г. Козлова, а также приставом с. Рассказово) и П. Быценко, он сообщил, что именно Зеленев тяжело ранил при задержании в с. Уварово полицейского надзирателя Юмашева, а также убил крестьянина Павлова по указанию организации, считая его агентом охраны.

В декабре 1908 г. группа «независимцев» совершила ряд ограблений в южной части губернии, после чего была обнаружена на явочной квартире К. Гунина в с. Уварово (также ими посещалась квартира Е. Немтинова в с. Нижний Шибряй, с которым Антонов будет поддерживать связь и во время восстания 1920-1921 гг.). Во время задержания пулевое ранение мочевого пузыря получил надзиратель Юмашев. Двум грабителям, предположительно Антонову и Г. И. Ягодкину, удалось скрыться через явочную квартиру на ст. Обловка и уехать железной дорогой в г. Балашов (кстати, на этой ветке начальником соседней станции Мучкап служил муж старшей сестры Антонова Валентины – Я. И. Иванченко). Впоследствии доказать участие в данных ограблениях Антонова не удалось, а Зеленев от сотрудничества отказался [8, д. 7368].

Кроме того, Шамо́в выдал несколько эсеровских явок с паролями:

– г. Воронеж, ул. Нееловская, д. 34. Заведовала явкой учительница А. И. Шабашова, хозяйка дома – М. А. Попова. В доме хранились гектограф и литература;

– г. Конотоп, Черниговской губернии, заведующий Иван Пантюхов, рабочий, совместно с П. Я. Шабашовой и Е. Я. Шабашовой;

– г. Тамбов, Успенское кладбище, д. 40 или 45, заведующая М. И. Николаева, адрес получен Шамо́вым на случай побега из тюрьмы;

а также взрывотехническую лабораторию, располагавшуюся на даче Вихляева, вблизи Воронежа, где изготавливались бомбы и обучались взрывному делу крестьяне из уездов.

Предоставив вышеуказанную информацию ротмистру Тамбовского губернского жандармского управления Ганкевичу, С. А. Шамо́в заявил, что если ему заменят смертную казнь другим наказанием, то он даст сведения «о главных деятелях политических преступлений и лицах производивших грабежи» и прочие противоправные деяния. Также он предложил для наилучшего сбора агентурных сведений перевести его в Воронежскую тюрьму, где он пользовался большим доверием. Естественно, получив такие сведения, просьбу Шамо́ва удовлетворили, заменив смертную казнь каторгой.

После этого Шамо́ву присвоили агентурное имя Николай Григорьевич Шевцов, и он стал широко использоваться для внутрикамерных разработок, как в Воронежской, так и в иных губерниях. Например, в Ярославской тюрьме в 1915 г. им были выданы лица, участвовавшие в покушении на исправника [9, д. 6352, л. 208]. Агентурной работой Шамо́в занимался вплоть до Февральской революции, после чего вновь стал активным членом уже легальной ПСР. Сведения о его деятельности так и не стали известны однопартийцам, хотя тогда практически в каждой газете разоблачался очередной «агент охраны». Вероятно, его документы успели уничтожить в жандармерии или они сами погибли во время революционных погромов.

Дальнейшая биография Шамова до момента начала восстания не изучалась, хотя в художественном романе Н. Е. Вирты «Одиночество» упоминается о его работе техником в железнодорожном депо, что может быть и правдой, так как роман писался по воспоминаниям живых участников «антоновщины».

В 1920 г. судьба сделала очередной поворот в жизни бывшего агента охраны (узнав о «послужном списке» которого, Антонов лично расстрелял бы его из своего наградного маузера), выдвинув Шамова в одного из лидеров и организаторов крестьянского восстания. О его повстанческой деятельности пока известно также немного. Не изучен и вопрос появления Шамова в составе Губкома СТК, организованного Г. Н. Плужниковым около ноября 1920 г. в с. Каменка Тамбовского уезда. Можно лишь высказать предположение, что после революции он работал в Борисоглебском отделении ПСР, поэтому и стал представителем местных СТК в составе губернского комитета. Как он сменил Воронежскую организацию на Тамбовскую, также неизвестно.

Помимо политическо-организационной и агитационной деятельности, Шамов стоял во главе Савальского (первоначально 5-го, потом 6-го) полка 1-й Повстанческой армии, командиром которого был Андрей Миронов, назначенный Антоновым 23.12.1920 г. [19, д. 235, л. 40 об.], и именовался его организатором. Борисоглебский историк В. В. Самошкин почему-то именуется Шамова председателем Борисоглебского уездного СТК, хотя на основании документов, опубликованных в сборнике «Антоновщина», таковым до лета 1921 г. числился Иван Яковлевич Морозов [1, с. 247]. Кроме того, В. В. Самошкин называет командиром 6-го Савальского полка в этот период Андрея Мироновича Каверина, который, по всей видимости, являлся с Мироновым одним и тем же лицом [22, с. 65, 116].

6-й полк в количестве 1500 (из них 600 конных) человек действовал зимой 1920-1921 гг. на границе Борисоглебского и Новохоперского уездов, в том числе и в родной Шамову Кирсановке [20, д. 133, л. 14]. Гораздо позже часть повстанцев из Савальского полка во главе с Мироновым будут рейдовать отдельно от Шамова, но все равно постоянно рядом с ним, пока в конце октября 1921 г. Миронов не будет арестован Воронежским губчека вместе с К. В. Ледневым [26, д. 388, л. 285], последним командиром 9-го Семеновского полка.

Полк Шамова практически беспрепятственно действовал всю зиму и весну 1921 г. в Борисоглебском и Новохоперском уездах, вступая в бои с красными, занимая населенные пункты и предприятия, препятствуя проведению подрывных работ, разбирая железнодорожные пути, входя в коалицию с другими формированиями 1-й Партизанской армии или отрядами из Воронежской и Донской губерний (в частности, с отрядом хоперского казака П. И. Мотарыгина, которому помогал оружием и боеприпасами [27]). Повстанческие силы Хоперского округа области войска Донского также обращались к Шамову с просьбой поддержать их восстание, а он, в свою очередь, выходил с этим предложением в Губком СТК [10, д. 1110, л. 3].

Военная тактика Шамова и его 6-го Савальского полка, заключающаяся в постоянном переходе между уездами соседних губерний, а также проведении операций отдельно от основных сил повстанцев, позволила ему избежать разгрома в боях во время ликвидации армий Антонова в июне 1921 г. (2 июля 1921 г. он даже попытался захватить у обедавших красноармейцев близ ст. Терновка Краснознаменный бронепоезд № 121). Операция по уничтожению его полка началась лишь 8 июля 1921 г., но особым успехам она не увенчалась, т.к. от прямых боев с красными повстанцы удачно уклонялись [22, с. 122]. Однако постоянные мелкие стычки привели к тому, что от отряда отделилось множество мелких групп, значительно сократив его численность и боеспособность.

Несмотря на это, в отряде Шамова в конце августа 1921 г. состояло 300-350 человек, при трех пулеметах [19, д. 98, л. 15] (больше был только отряд последнего Антоновского командарма И. М. Кузнецова – 500 человек при 4 пулеметах, начавший распадаться в сентябре после нескольких неудачных боев с красными и окончательно разбитый вслед за бесследным исчезновением собственного командира в начале октября 1921 г. [22, с. 134]). На общевойсковой партийной конференции 30.07.1921 г. командующий М. Н. Тухачевский отметил Шамова как одного из крупных главарей (наряду с Антоновым и Кузнецовым), продолжавших борьбу с Советской властью [25, с. 134].

Своей постоянной базой Шамов избрал Таллермановский лес (лесной массив по берегам Хопра и Вороны, между ст. Грибановкой, Борисоглебском и Новохоперском), откуда проводил боевые операции, разбирая железную дорогу, нападая на соседние села и при опасности уходя из Борисоглебского и Новохоперского уездов в область войска Донского. На 5 октября 1921 г. отряд Шамова являлся самым большим из оставшихся осколков антоновских армий, имея численность в 190 человек [2, д. 4306, т. 4, л. 44] (отряд М. А. Канищева, бывшего командира Особого полка 1-й армии, насчитывал всего 30 бойцов).

Весь октябрь 1921 г. Шамов действовал в Новохоперском уезде и покинул свой любимый Таллермановский лес лишь к 1 ноября, вновь перейдя в Тамбовскую губернию [26, д. 388, л. 285, 318]. С наступлением холодов в отряде началось повальное дезертирство, которому командир совершенно не препятствовал, понимая бесперспективность дальнейшей борьбы. 8 декабря 1921 г. Шамов распустил всех еще оставшихся с ним партизан [21, д. 233, л. 5], поставив точку в существовании 6-го Савальского полка, последнего регулярного соединения Антоновской армии. Сам же продолжил скрываться до 6 января 1922 г., пока не был арестован местным отрядом самообороны в с. Ржавец (ныне Терновский район Воронежской области), куда пришел к своему дальнему родственнику, который накормил его, спрятал в риге и сообщил об этом властям [5, д. 791, л. 44-45].

После проведенного расследования, 22 июля 1922 г. Воронежский ревтрибунал приговорил Шамова к расстрелу за бандитизм, однако 26 сентября 1922 г. определением Верховного трибунала ВЦИК расстрел заменили десятью годами лишения свободы [23, с. 809]. В, казалось бы, странном на первый взгляд решении о помиловании одного из руководителей «антоновщины» нет ничего удивительного. Воронежское ГубЧК-ГПУ особой «ненависти» к Шамову не питало, т.к. хлопот он им доставлял гораздо меньше, чем другие местные

повстанцы. А вот пользы от живого руководителя восстания, обладавшего огромными связями и осведомленностью о делах антисоветского подполья сразу в нескольких губерниях, было намного больше. Стало ли его помилование решением свыше или сказался дореволюционный «опыт работы» с правоохранительными органами (наиболее вероятно, что Шамов вновь согласился на активное сотрудничество), до ознакомления с материалами его дела в архиве ФСБ мы так и не узнаем. Но факт остается фактом – второй раз в своей жизни Шамов избежал смертной казни. Как сложилась дальнейшая судьба С. А. Шамова, выяснить пока не удалось.

Вообще о «чудесном спасении» местных повстанческих лидеров при жизни свидетелей восстания и их детей ходило множество легенд, являвшихся на деле деревенским фольклором (впрочем, их правдивость никто всерьез и не проверял). Отчасти этому способствовала советская пропаганда, постоянно объявлявшая убитым того или иного командира, вновь «воскресавшего» через некоторое время. Так, после знаменитой операции Г. И. Котовского, 20 июля 1921 г. убитым объявили И. С. Матюхина, однако «погибший» еще два с половиной месяца с отрядом в 100 человек по-прежнему хозяйничал в Шевырляйском лесу, пока не был уничтожен вместе со своими партизанами 3 октября 1921 г. чекистом В. Г. Белугиным и пришедшими ему на помощь кавалеристами-венграми [16, с. 88-101] (части «матюхинцев» опять удалось ускользнуть – по отчетам ЧК на 5 октября 1921 г. их оставалось 30 человек [1, с. 559]).

Об одном таком «спасении» удалось узнать совершенно случайно, просмотрев документы и фотографии из семейного архива Зиновьевых и сопоставив их с документами Пичерского волсовета и Государственного архива Тамбовской области.

Перед рассветом 11 апреля 1921 г. части 2-й армии Антонова одержали одну из своих самых громких побед – захватили село Рассказово, крупнейший промышленный населенный пункт Тамбовской губернии с находившимся там штабом 2-го боеучастка по ликвидации восстания [15]. В числе прочих село защищал коммунистический батальон, помощником командира которого являлся Петр Зиновьевич Слюняев. Молодой красноармеец-коммунист (член партии с 1919 г.), окончивший школу красных командиров, происходил из соседнего села Пичер, где работал в местном волостном совете письмоводителем и состоял в Пичерской ячейке ВКП(б) [17; 23, с. 3]. В начале января 1921 г. он приехал домой в отпуск после ранения и стал проживать в с. Рассказово. В феврале Слюняев поступил на службу в 12-ю коммунистическую роту 4-го Тамбовского батальона ЧОН (части особого назначения), защищавшую с. Рассказово, а 20 марта 1921 г. его назначили помощником командира этой роты.

Слюняев заслужил доверие у начальства (командиром ЧОН был Смагин Василий из с. Лысье Горы, Тамбовского уезда), постоянно занимаясь боевой подготовкой чоновцев. Во время службы Слюняев вошел в Рассказовскую антоновскую организацию через ее руководителей Федора Николаевича Уварова (Постникова) и Василия Черемухина. Повстанческое подполье поддерживало связь с начальником антоновской контрразведки Донским (Герасевым) Николаем Яковлевичем, которому Слюняев лично за три дня до штурма Рассказово выдал гарнизонные пропуска и пароли, а также подробно сообщил об организации военной службы в селе [11, д. 167, л. 5].

На этот счет у сослуживцев Слюняева имелась и иная версия. В марте-апреле к своему сыну часто приходил из Пичера его отец Слюняев Зиновий Степанович и подолгу беседовал с ним в служебном кабинете. Отряд ЧОН, по воспоминаниям его бойцов, располагался в двухэтажных купеческих зданиях у Центральной площади с. Рассказово – в доме В. Н. Желтова (ныне ул. Советская, д. 4) и в здании будущей школы № 8 (ул. Советская, д. 2).

Арестованный З. С. Слюняев показал, что являлся связным антоновцев, и через него Петр Слюняев узнал о готовившемся налете на Рассказово, сообщил необходимые пароли, уменьшил в ночь нападения численность постов и караулов, а также предоставил отпуск некоторым бойцам [24, с. 3]. З. С. Слюняева осудили за помощь Антонову и приговорили к смертной казни в том же 1921 г. Во время захвата села Слюняев перешел с частью своих бойцов на сторону повстанцев, указал, где хранится оружие, а один из его пулеметчиков, комсомолец Петр Желтов, лично подарил нападавшим свой пулемет.

Сдавшийся Слюняев был назначен Антоновым командиром эскадрона [18, с. 80] Особого полка 2-й Повстанческой Армии и прослужил в данной должности около месяца. Затем он стал помощником командира того же полка [11, д. 167, л. 24]. После разгрома основных сил восставших скрывался в Иноковских и Паревских лесах и находился рядом с Антоновым до ликвидации его отряда в период 1-10 августа 1921 г. в районе сел Паревки и Кипец Кирсановского уезда, на острове Сухие Дубки и болоте Змеиное (именно там против повстанцев применили химическое оружие). Несмотря на предпринятые меры, двум десяткам повстанцев (из 200 человек), в том числе и братьям Антоновым, удалось скрыться [14, с. 303-309]. Слюняев также смог выйти из окружения, но 15 августа 1921 г. добровольно сдался во второй полк ВЧК [11, д. 167, л. 12].

Оказавшись под арестом, Слюняев утверждал, что перешел к повстанцам под угрозой расправы его семьи и согласился сотрудничать с чекистами. 19 августа 1921 г. его вместе с 4 коммунистами 2-го полка ВЧК направили с разведывательными целями в Тамбовский лес. Группу арестовали бойцы бывшего 14-го Хитровского полка И. С. Матюхина, т.к. она не смогла войти к ним в полное доверие. 27 августа им удалось бежать и прибыть в свой полк. 30 августа 1921 г. Слюняев участвовал в облаве на отряд Матюхина, в результате которой было убито 7 бандитов и взято 14 лошадей с седлами. 30 ноября 1921 г. Слюняева приговорили к расстрелу, но приняв во внимание деятельное раскаяние, заменили высшую меру на 5 лет концлагеря [Там же, л. 5-6, 12, 24].

В 1930-е годы большинство бывших «антоновцев» подверглись повторным и более тяжким репрессиям. Причем даже те, кто активно сотрудничал с советской властью (например, командир Особого полка Я. В. Санфиоров, убивший братьев Антоновых, или И. А. Кобзев, участник встречи с В. И. Лениным). Однако

П. З. Слюняеву удалось без особых усилий избежать этого и приспособиться жить в условиях коммунистического строя. Помог этому отчасти случай. В крестьянских семьях распространено существование у одного человека двух фамилий – родовой, которую указывали в метриках и ревизских сказках, и уличной, по которой человека называли в родном селе. Зачастую родные братья при получении официальных документов записывались под разными фамилиями (смотря кто как себя назвал), из-за чего в краеведческих исследованиях можно столкнуться с определенной путаницей.

Имелась вторая фамилия и у Слюняева. В родном Пичере, волостном совете и ЧОНе Петра Зиновьевича знали под фамилией Слюняев (когда на селе человека все знают, в особенностях его биографии не разбираются), однако документы у него были сделаны на вторую фамилию – Зиновьев. Под этой фамилией он служил в Красной Армии и под этой фамилией переехал после «Антоновщины» и тюрьмы в Донецкую область.

«Вторая» биография Зиновьева-Слюняева выглядит эталоном советского гражданина. Родился 20 августа (2 сентября) 1900 г. в с. Пичер [12, д. 7446, л. 76 об. – 77]. С 1918 г. в частях РККА, служил на Южном фронте в особом полку курсантов, в 1919 г. ранен под Воронежем. В апреле 1920 г. окончил Тамбовскую пехотную школу со званием среднего красного командира. Командовал 15-й ротой 1-го конвойного батальона на Западном фронте, где получил штыковое ранение в бою с белополяками под г. Лидой. В декабре 1921 г. снят с воинского учета по ранению (просто поменял в анкете 1920 на 1921 год). С 1927 г. проживал в с. Корсуни Донецкой области. Избирательных прав не лишился, частной собственности не имел, стаж работы на 1927 г. – 9 лет 4 месяца (по-видимому, с включением сюда службы у Антонова и тюремного заключения). Окончил 2 курса заочно в институте финансовых работ, среднее специальное образование – бухгалтер. Работал по специальности в разных учреждениях до 1941 г. 12 сентября 1941 г. призван в РККА и зачислен старшим сержантом в 75-й отдельный батальон химической защиты. Женат с 1928 г. Имеет сына Анатолия 1930 г.р.

Большинство биографических сведений известно о П. З. Зиновьеве из его личных документов (сейчас принадлежащих правнуку И. С. Беляеву): свидетельства о браке, трудовой книжки, автобиографии, анкеты, уголовно-архивного дела № 13227, заявления с просьбой о восстановлении в офицерском звании (вместо звания старший сержант). В заявлении нет ни слова о работе в Пичерском волостном совете и службе в ЧОНе, а своим происхождением он указал «рабочий с. Рассказово», хотя и родился в типично крестьянском селе Пичер. В справке, выписанной Пичерским сельсоветом в 1935 г., Зиновьев и вовсе числится служащим. Получить такую справку, даже бывшему «антоновцу», было не особенно сложно. В ход шли высоко ценимые на селе родственные связи, знания о «скелетах в шкафах» служащих сельсовета, а порой и банальный подкуп.

Прослужил Зиновьев-Слюняев в армии недолго. 6 ноября 1941 г. его арестовали за антисоветскую агитацию, т.к. в беседах с сослуживцами он выражал недовольство военным обучением красноармейцев и условиями их службы, разлагал военную дисциплину в своем подразделении, высказывая трагические настроения в пути следования эшелона с бойцами и распускал клеветнические слухи о Красной Армии, направленные на подрыв Советской власти. За данное преступление, предусмотренное ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР, Зиновьева осудили 15 ноября 1941 г. к 10 годам лишения свободы [2, д. 13337]. Во время допросов он указал и другую фамилию своих родителей – Слюняевы.

Метрические книги Богословской церкви с. Рассказово и анкетные данные в уголовном деле 1941 г. полностью подтверждают, что антоновский командир Слюняев и красноармеец Зиновьев – одно и то же лицо. Но с этим из-за недостатка времени никто разбираться не стал, и подробности о его «боевом пути» весной-летом 1921 г. так и остались неизвестны.

13 августа 1942 г. П. З. Зиновьев-Слюняев скончался в заключении в г. Челябинске. Официальный диагноз гласил: «Упадок сердечной деятельности». По удивительному стечению обстоятельств в том же городе в это время проживала дочь А. С. Антонова Ева со своей матерью Н. И. Катасоновой. Впоследствии П. З. Зиновьева реабилитировали на основании ст. 1 Закона Украины от 17.04.1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» (справка о реабилитации № 027693).

На сегодняшний день нет полноценных исследований как о непосредственных участниках повстанческого движения на Тамбовщине, так и о его многочисленных руководителях. Лидеров восстания можно предварительно разделить на несколько категорий.

Во-первых, это люди, принимавшие участие в революционной деятельности в период существования Российской империи и до окончательного установления Советской власти. Их устойчивые политические убеждения просто не могли допустить какого-либо компромиссного существования в условиях диктатуры коммунистического режима, и борьба с ним стала главной целью их жизни. К этой группе принадлежали все крупные и известные лидеры восстания, включая того же С. А. Шамова.

Во-вторых, это ветераны Мировой и Гражданской войн (с обеих сторон), которые не смогли приспособиться к реалиям новой жизни в силу различных причин: сформировавшихся у них взглядов; экономической, политической и идеологической деятельности новой власти, не устраивавшей не их, ни их близких; невозможностью реализовать себя при смене строя и обеспечить достойную жизнь своим родным; классовые, экономические, а порой и религиозные притеснения и т.д. Бывшие военные возглавили большинство боевых повстанческих отрядов, лишь изредка принимая главное участие в гражданско-политических органах восстания.

В-третьих, часть лидеров пришли в движение благодаря какому-либо стечению негативных для их жизни обстоятельств (в основном тех же, что и у предыдущей категории), возникших у них из-за многократной смены государственного строя и его основных приоритетов. Сюда вошли люди, не принимавшие до 1917 г. никакого участия в революционной деятельности или разочаровавшиеся в новой власти: сельская интеллигенция, служащие

уездного и волостного звена (как имперского, так и советского периода), крестьяне-собственники, ремесленники, торговцы и многие другие, чью привычную жизнедеятельность нарушила революция, лишив условий для нормального (в их понимании) существования. Лидеры из этой категории в основном возглавили гражданское крыло восстания: сельские СТК, отряды самообороны, снабжения, разведки, санитарные части и т.д.

При разгроме восстания все те представители второй и третьей категорий, у которых имелась такая возможность, пришли к сотрудничеству с коммунистической властью, спасая свои жизни и жизни своих родных, почти всегда называя одну и ту же причину их участия в мятеже – насильственное принуждение.

Однако повстанческое движение в Тамбовской губернии в годы Гражданской войны не ограничивается одной «антоновщиной». Его размах был намного шире. И для объективности следует упомянуть еще и внесистемных лидеров двух видов вооруженных формирований (количество бойцов в которых, судя по всему, было больше, чем в повстанческих армиях).

К первому виду относились крупные отряды мятежников. Их численность иногда превышала 1000 человек, как у В. В. Никитина-Королева («Карася»). Они действовали на территории губернии совершенно самостоятельно, не подчиняясь общему командованию Главоперштаба и не выполняя его указаний. Время от времени данные отряды действовали в союзе с «антоновцами» (А. С. Антонов от такого союза отказывался нечасто, а его агитаторы все время пытались присоединить их к регулярной партизанской армии), но в основном они преследовали свои цели, главные из которых – банальная нажива и поддержание «атаманских» амбиций собственных руководителей. Указанные отряды всегда именовали себя «повстанцами» и «партизанами», во многом копировали структуру антоновских полков, целью своей деятельности ставили борьбу с коммунистами, но всегда действовали в своих интересах, не имея органов гражданской власти и четких политических взглядов. Местное население боялось таких «партизан» и со временем начало открытую борьбу с ними. Своей деятельностью они очень способствовали созданию негативного образа Антонова среди местного населения и оказывали неоценимую помощь борьбе с восстанием в идеологическом плане.

Второй вид внесистемных вооруженных отрядов – это уголовные разбойничьи шайки, численностью до 20-30 человек, состоявшие как из местных жителей, так и дезертиров из отрядов Красной Армии и Антонова. Подобные отряды, несмотря на их малую численность, имелись близ каждой деревни, причем и в тех уездах, в которых регулярные партизанские полки появлялись лишь изредка. Их общее количество достигало нескольких тысяч человек в каждом из уездов Тамбовской губернии, и именно они чрезвычайно терроризировали местное население. Во время своих налетов данные банды для «солидности» также нередко называли себя отрядами Антонова, хотя и он сам, и части Красной Армии активно боролись с ними и по возможности уничтожали. Кровавой деятельностью означенных банд также профессионально воспользовались коммунистические идеологи, свалив их в одну кучу со всем повстанческим движением. И данная идеология до сих пор играет значительную роль в исторических работах – многие историки не различают (или не хотят это делать) повстанческое движение и уголовный бандитизм, слепо доверяя агитационным исследованиям советского периода.

Справедливости ради следует сказать, что после разгрома повстанческих отрядов во второй половине 1921 г. их осколки занялись грабежами, налетами и террором сторонников советской власти. Хотя и в этом случае причиной их превращения в разбойничьи банды являлась не нажива или жажда власти, а попытка выжить, т.к. арест не превращал ничего иного кроме смертной казни или длительных сроков заключения.

Изучая последние опубликованные документы и исследования, можно выделить ряд повстанческих лидеров местного значения и отчасти проследить их деятельность во время Гражданской войны. Однако даже основные сведения их биографии (например: дата и место рождения, классовая принадлежность, этапы становления личности) остаются неизвестными. Также полностью скрыта от нас дореволюционная жизнь того или иного участника восстания, хотя зачастую именно она является ключом к пониманию его дальнейшего участия в повстанчестве.

Основные лидеры мятежей еще до установления Советской власти в большей или меньшей степени участвовали в антиправительственной подпольно-революционной деятельности (которую продолжили и после 1917 г.). На основе данных Департамента полиции можно получить определенное представление об этом периоде. К сожалению, из-за отсутствия точной метрической информации о разыскиваемых людях (да и в самой картотеке часто встречаются только фамилии) достоверно идентифицировать указанного человека с тем или иным повстанцем без просмотра самих дел чрезвычайно сложно. Поэтому в данном исследовании представлены архивные сведения лишь об отдельных сподвижниках Антонова.

Сведения департамента полиции МВД Российской империи

Лидеры революционной борьбы	Картотека департамента полиции (ГАРФ)
Казанков Ефим Иванович*, командир 1-го Каменского полка, кр-н д. Казанковки, Александровская вол. Тамбовского у.	Ф. 102. 7-е д-во. 1908, д. 7181; 4-е д-во, 1908, д. 20884.
Ишин Иван Егорович, политический руководитель восстания	Ф. 102. 7-е д-во. 1907, д. 1135, 3576, 3685, 1909, д. 265, док-ты: 5535/909, 1240-6Д/909; 5-е д-во. 1907, д. 1747, док-т: 17764/909, 1909, д. 371. ОО. 1908, д. 9ч.60, 9ч53т2, док-ты: 339/909, 766/909, 8180/909, 9526/909, 1949/909.
Ишин Иван Григорьевич**	Ф. 102. 6-е д-во, 1916, д. 101.

Лидеры революционной борьбы	Картотека департамента полиции (ГАРФ)
Санфиоров Яков Васильевич, командир Особого полка при 2-й армии, убийца братьев Антоновых. Кирсановский уезд, с. Калугино, гренадер	Ф. 102. 4-е д-во. 1910, д. 162т68, 1911, д. 18642.
Шамов Сергей Алексеевич, командир 6-го Савальского полка, член Губкома СТК	Ф. 1652, д. 182; Ф. 102. 1-е д-во. 1908, д. 20ч47; 3-е д-во. 1905, д. 1ч25лВ; 5-е д-во. 1909, д. 14-14, 1910, д. 4-10; 6-е д-во. 1915, д. 9-16-А; 7-е д-во. 1908, д. 6352, 6936, 5625, 1537, 5230, 6875, 1909, д. 4ч58. ОО. 1908, д. 10т2, 1909, д. 9ч60.
Плужников Григорий Наумович***, председатель Губкома СТК, политический руководитель восстания	Ф. 102. 5-е д-во. 1909, д. 997-10, док-ты: 2823/909, 29517/909, 103303/909, 23184/909, 18359/910, 22627/910, 3429/910, 7708/911, 8302/911, 17647/911, 18521/911 2204/912.
Плужников Григорий	Ф. 102. 5-е д-во. 1906, д. 624, вх. 2972/913, 1913, д. 41-1Г/913.
Фролов Абрам Абрамович, начальник политотдела 1-й Армии, минер, унтер-офицер судна «Николаев», из крестьян с. Павловки Андреевской вол. Борисоглебского у.	Ф. 102. 7-е д-во. 1911, д. 907, 6т1, 597, 597т.3, 597т.5, 597т.6, 1912, д. 921; 9-е д-во. 1914, д. 5-58-Б. ОО. 1911, д. 288, 292-57-Б, 1913, д. 288б.ф.
Антонов Степан, отец А. С. Антонова, слесарь	Ф. 109. 9-е д-во. 1913, д. 9-63-Б, 1914, д. 5-63-Б/0803, 9-63-Б. ОО. 1913, д. 5-63-8.
Антонова Анна Степановна, сестра А. С. Антонова	Ф. 102. 3-е д-во. 1907, д. 26ч.37; 7-е д-во. 1908, д. 6552, 1909, д. 269, 1454. ОО. 1908, д. 9ч41а, 1909, д. 9ч41, 9ч41лА, 1911, д. 9-76-Б, 9-76-В.
Полканов Владимир Андреевич (нелегальное имя Богачев Николай Ильич), кр-н с. Церлево Мокринской вол. Елатомского у., эсер-максималист, муж Анны Антоновой	Ф. 102. 3-е д-во. 1906, д. 1ч.40л.В; 5-е д-во. 1906, д. 624, 6-31лЕ, 1907, д. 1329-1, 1329-2, 1910, д. 4-12; 6-е д-во. 1915, д. 38; 7-е д-во. 1907, д. 5-52, 1908, д. 3711, 1909, д. 3790; 8-е д-во. 1908, роз. цирк. 151006/24ст, 1911, д. 17ч.10, 17ч.11. ОО. 1907, д. 10-59, 9-52, 1908, д. 9-53, 9-53-а, 9-50-а, 1911, д. 9-76-а, 9-76-в.
Баженов Константин Николаевич, кличка «Концертный», партийный соратник и близкий знакомый А. С. Антонова	Ф. 102. 5-е д-во. 1909, д. 371; 7-е д-во. 1906, д. 3273, 3273.8, 1907, д. 3576, 1908, д. 1528, 1909, д. 265; 8-е д-во, роз. цирк., ст. 15967. ОО. 1906, д. 115-15, 1908, д. 9ч60лА, 9ч53, 9ч53т2, 9ч53лА, 9ч60, 9ч41лА, 184, 1909, д. 9ч53, 9ч59лА, 1910, д. 135, 136, 9-26-8, 9ч76лБ, 1911, д. 9-69.
Меркулов Ефрем Никитович, руководитель восстания в с. Отъясы Моршанского уезда в 1918 г., член Учредительного собрания, знакомый А. С. Антонова	Ф. 102. 4-е д-во. 1914, д. 9677; 7-е д-во. 1906, д. 11484, 1909, д. 4ч58, 175; 8-е д-во. 1907, роз. цирк. 150036/03. ГАТО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 88. ГАСПИТО. Ф. 9019. Оп. 1. Д. 955.
Меркулов Павел Никитович, руководитель восстания в Моршанском у. в 1918 г.	Ф. 102. 4-е д-во. 1914, д. 9677; 7-е д-во. 1906, д. 11484; 5-е д-во. 1915, д. 13.
Меркулов Тимофей Никитович, руководитель восстания в Моршанском у. в 1918 г.	Ф. 102. 2-е д-во. 1914, д. 8810, 13687; 4-е д-во. 1914, д. 9677. ОО. 1912, д. 9-76.

* Е. И. Казанков до революции входил в боевую группу эсеров-«независимцев» А. М. Негодяева (Казакова). Группа совершила множество кровавых и дерзких преступлений, пока не была ликвидирована вместе со своим главарем. Многие ее деяния после приписали А. С. Антонову, создавшему свою группу немного позднее и действовавшую параллельно с Негодяевым.

** Вероятно тот же И. Е. Ишин, записанный с ошибкой в отчестве.

*** Одна из карточек записана на Григория Даниловича Плужникова, крестьянина с. Каменка Тамбовского уезда, 31 г. В ней указаны те же самые дела, что и в карточке на Г. Н. Плужникова, – таким образом, здесь имеет место аналогичная ошибка при заполнении карточки.

В картотеке департамента полиции имеется еще множество имен, которых не удалось достоверно соотнести с кем-либо из повстанцев, например: И. М. Кузнецов (Иван Макарович Кузнецов, командующий 1-й Повстанческой армией); Василий Никитин из Козлова (Василий Васильевич Никитин-Королев, командир бригады партизанских полков Козловского уезда); Константин Мошков (Константин Васильевич Машков или Мошков, командир 3-й группы партизанских полков); Федор Терентьевич Долгов из Борисоглебского уезда (Долгов, председатель Туголуковского СТК, Борисоглебского уезда); Микулин из Саратова (Микулин Д., командир 1-го Саратовского повстанческого полка); Уваров Иван Иванович и Иван Сергеевич из с. Уварова (Уваров И., командир 1-го партизанского полка), Шиндяпины, несколько человек (Шиндяпин или Шандяпин, командир 13-го Битюгского полка); Даниил Венедиктов, лифляндский рабочий (Даниил Петрович Венедиктов, командир 2-го Борисоглебского полка); Андрей Васильевич Каверин из с. Костино-Отделец (Андрей Миронович Каверин, командир 6-го Савальского полка); София Васильевна Орлова, дочь диакона, сестра милосердия и эсер Боголюбская (жена А. С. Антонова, урожденная С. В. Орлова, стала Боголюбской Софьей Алексеевной по отчиму).

Гораздо большее количество сведений, как о второстепенных лидерах восстания, так и о рядовых повстанцах, имеется в различных областных архивах. Во второй половине 1990-х годов проходил процесс реабилитации участников восстания, и теперь с сотнями их дел можно ознакомиться в тамбовских архивах. Но, к сожалению, реабилитацию проводили поверхностно, и основное количество материалов об осужденных

повстанцах (не говоря уже об оперативных делах) недоступно исследователям. Кроме того, находятся они не только в тамбовских архивах, но и в архивах соседних областей (немало восставших реабилитировали и там), а также в столице.

Как видим, в условиях современной России чрезвычайно трудно заниматься историко-биографическими исследованиями, и причин тому несколько. Среди них можно выделить такие как:

– отсутствие или чрезвычайно малое количество исходной биографической информации. При упоминании местных повстанческих лидеров зачастую отсутствуют (или записаны неверно) их имена и отчества, а порой имеется только прозвище, сами фамилии пишутся с ошибками или разночтениями в их написании (Венедиктов и Бенедиктов, Шандяпин и Шиндяпин); наличие двойных фамилий (деревенская крестьянская традиция);

– биографические сведения разбросаны по множеству столичных и региональных архивов. Для того, чтобы проследить жизнь того или иного повстанца (метрические данные, происхождение, образование, собственность, трудовую деятельность, привлечение к уголовной и административной ответственности, службу в армии в годы Первой Мировой и Гражданской войн, участие в революционной борьбе, как до 1917 г., так и после, непосредственное участие в восстаниях, гибель или осуждение, дальнейшую жизнь), необходимо проводить поиски в нескольких архивах: государственных архивах регионов, региональных архивах новейшей истории (бывших партийных архивах), региональных и центральных архивах ФСБ и МВД и т.д.;

– наличие большого количества засекреченных данных и ограниченный доступ к документам. Несмотря на уже прошедшую сотню лет, в архивах силовых ведомств до сих пор большинство документов, посвященных восстанию, хранятся под грифом «секретно», без кого-либо рационального объяснения, а многие из уголовных дел отдельных повстанцев доступны к просмотру (с частично закрытыми страницами, а нередко и с запретом на ведение записей) лишь при доказательстве прямого родства с ними и выдаются месяцами (либо не выдаются вообще, если данный повстанец не реабилитирован). Нередко архивы не выдают исследователям тематические каталоги, и с делами можно ознакомиться, только сделав запрос с указанием полных данных разыскиваемого, что зачастую невозможно;

– отсутствие архивных сведений. Большое количество документов, касающихся восстаний (уголовные дела, отчеты, доклады и т.д.) и статистических сведений о жителях различных населенных пунктов, было уничтожено за истечением срока хранения или малой исторической важности;

– экономические и временные причины. В условиях современной России для посещения всех указанных архивов требуются огромные временные и финансовые затраты, которые фактически ставят крест на любых полноценных исследованиях.

На сегодняшний день остаются невыявленными большинство дел, хранящихся в российских архивах, в которых имеются сведения о повстанцах. Их изучение и каталогизация – дело будущего. Данное исследование – лишь скромная попытка обратить внимание на вершину айсберга по изучению личности участников повстанческих движений.

Список источников

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. (документы, материалы, воспоминания) / сост. В. П. Данилов и др. Тамбов: Юлис, 2007. 800 с.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тамбовской области (Архив УФСБ РФ по ТО). Д. 4306. Т. 4.
3. Архив УФСБ РФ по ТО. Д. 13227.
4. Борисов Д. А. Колесниковщина. Антикommунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920-1921 гг. М.: Посев, 2012. 210 с.
5. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 5. Оп. 1.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102ДП. ОО. 1909 г.
7. ГАРФ. Ф. 102ДП. 3-е д-во. 1905 г.
8. ГАРФ. Ф. 102ДП. 7-е д-во. 1908 г.
9. ГАРФ. Ф. 102ДП. 7-е д-во. 1915 г.
10. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
11. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-4075. Оп. 3.
12. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5.
13. ГАТО. Ф. 1068. Оп. 1.
14. Доможиров Н. Н. Эпизоды Гражданской войны // Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. С. 297-311.
15. Литовский А. Н. Ночной штурм // Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сборник статей и материалов / сост. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 350-358.
16. Лобоцкий А. Н. В схватке с антоновщиной // Пароль – мужество. Очерки о Тамбовских чекистах / сост. Г. Д. Ремизов. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1980. С. 70-101.
17. Першин Г. А. История фотографии или фото истории // Трудовая новь. Рассказово, 2001. 3 августа.
18. Покалюхин М. И. По следам Антонова // Антоновщина: статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / под ред. С. В. Евгенова и О. С. Литовского. Тамбов: Изд-во Тамбовского Губкома РКП «Коммунист», 1923. С. 65-91.
19. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 235. Оп. 1.
20. РГВА. Ф. 235. Оп. 5.
21. РГВА. Ф. 7709. Оп. 1.
22. Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 360 с.
23. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918-1939: документы и материалы: в 4-х т. / сост.: Л. Борисова и др. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 861 с.

24. **Телепин Д. Я.** Годы боевые // Трудовая новь. Рассказово, 1980. 7 августа.
25. **Фатуева Н. В.** Противостояние: кризис власти – трагедия народа: из истории крестьянских волнений и восстаний в Тамбовской губернии в 1918-1921 гг. Рязань: Русь, 1996. 304 с.
26. **Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ).** Ф. 1. Оп. 5.
27. **Яшенко В. Г.** Рассвет повстанческого движения в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (весна-лето 1921 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://socialist.memo.ru/books/html/yashenko_rassvet.html (дата обращения: 09.06.2016).

**PERSONALITIES OF REBELLION LEADERS OF THE MIDDLE
AND THE LOWER ECHELONS: PECULIARITIES OF RESEARCH**

Litovskii Andrei Nikolaevich
Rasskazovo town, Tambov region
andreiniklitov@mail.ru

By the example of the peasant rebellion in Tambov province in 1920-1921 complexities of studying the personalities and biographies of the leaders of rebellion movements of the middle and the lower echelons are shown. The work is based on the biographies of the commander of the 6th Saval'sk regiment S. A. Shamov and the defector of the Red Army P. Z. Slyunyaev, who was the commander of the rebellion squadron. An attempt to single out the groups of the leaders of the rebellion depending on their origin and occupation is made, and the summarized data of the Police Department of the Russian Empire on A. S. Antonov's main associates are presented.

Key words and phrases: leaders and commanders of rebellion; Tambov rebellion; A. S. Antonov; Semen Shamov; defeat of the 2nd military section; biographical research; complexity of archival search; inaccessibility of historical information.

УДК 947.083.7(471.313)

Исторические науки и археология

Публикуются ранее не известные исследователям биографические данные родственников и близких лидера крестьянского восстания в Тамбовской губернии Александра Степановича Антонова, а также его самого. Авторы пытались максимально приблизиться к истине, реконструируя биографии членов семьи А. С. Антонова с помощью впервые вводимых в научный оборот архивных данных и редких семейных фотографий.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война; крестьянство; Тамбовская губерния; А. С. Антонов; биографии.

Литовский Андрей Николаевич
г. Рассказово, Тамбовская область
andreiniklitov@mail.ru

Зайцева Маргарита Юрьевна
г. Тамбов
bg-master@mail.ru

ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ СЕМЬИ И БЛИЗКИХ А. С. АНТОНОВА

В процессе формирования личности на человека влияет множество факторов, делая его тем, кем он становится. Основные из них – это биологические (наследственность) и социальные (в том числе воспитание), приобретенные в процессе общения с другими людьми и от окружающего мира (географическое положение, культура, политическая обстановка), в котором проживает человек. Мы хорошо представляем себе то время и место, в котором вырос Александр Антонов: глубоко аграрная губерния в центре России с умеренным климатом и православно-патриархальной культурой; значительная социальная напряженность в обществе ввиду его глубокого классового расслоения, делающего невозможным полноценное развитие человека из-за отсутствия материальных возможностей у большинства населения.

Но вот кем был сам Антонов, какое воспитание и образование получил, в какой семье вырос, люди из каких социальных слоев его окружали – эти вопросы еще не получили всеобъемлющего ответа. Данная работа представляет собой небольшой биографический обзор, посвященный семье будущего руководителя самого известного крестьянского восстания в период Гражданской войны в России.

Отец Александра **Антонов Степан (Стефан) Гаврилович** (ок. 1855 г. [18, д. 6413, л. 47 об. – 48] – 1919 г. [4, д. П-3897, т. 2, л. 7-8]), тамбовский мещанин, на службе в армии дослужился до фельдфебеля [29, д. 122, л. 558 об.]. Женился на **Соколовой Наталье Ивановне** (1863-1907) [18, д. 6419, л. 75 об. – 76], мещанке из г. Москвы [1, с. 23], портнихе-модистке. Проживал в Рогожской слободе г. Москвы. В начале 1890-х годов переезжает с семьей в г. Кирсанов Тамбовской губернии (где у него проживала сестра). На новом месте Антоновы открыли свое дело: Степан Гаврилович – слесарную мастерскую, а Наталья Ивановна – ателье по пошиву одежды, одно из лучших в городе. В первом браке родилось четверо детей: Валентина, Анна, Александр и Дмитрий Антоновы.

Н. И. Антонова скончалась в Кирсанове 2 (15) января 1907 г. [18, д. 6419, л. 75 об. – 76]. После ее смерти С. Г. Антонов переехал в с. Инжавино Кирсановского уезда Тамбовской губернии, где также открыл слесарную мастерскую по починке домашней утвари. В рапорте сотрудника Тамбовского Губернского жандармского управления (ГЖУ) Степан Гаврилович Антонов указан как лицо сомнительное в политическом

отношении [1, с. 40]. В селе Инжавино 22 августа 1907 г. он женится на **Марии Васильевне Черняевой**, 28 лет [18, д. 6413, л. 47 об. – 48].

*Анна, Дмитрий (в центре) и Александр Антоновы
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

Во втором браке родилось двое сыновей.

Валентин Степанович Антонов родился 4 мая 1909 года [Там же, д. 6538, л. 20 об. – 21], затем на свет появился **Модест Степанович Антонов**, родившийся 26 декабря 1910 года [Там же, д. 6636, л. 45 об. – 46]. Старшие Антоновы помогали своим братьям и мачехе. К сожалению, дети рано лишились родителей. Отец, Степан Гаврилович, умер в 1919 году, а в конце 1919 – начале 1920 года не стало и мамы. Марии Васильевне в ту пору было около 40 лет. Причины смерти обоих родителей неизвестны. В марте 1920 года Валентин и Модест находились в Семеновском детском доме № 6 Кирсановского уезда [21, д. 139, л. 6 об., 11]. Там Валентин был избран в хозяйственную комиссию детдома из числа воспитанников [20, д. 87, л. 1]. Вместе в одном детдоме дети пробыли около года. Затем старшего Валентина перевели в Оржевский детдом, затем в Подвигаловский [21, д. 250, л. 235] и опять вернули в Оржевский [Там же, д. 272, л. 119], откуда летом 1924 года он сбежал [Там же, д. 299, л. 79]. Модест был переведен в Красивский детский дом [Там же, д. 238, л. 34 об.], где пробыл как минимум до 1927 года [Там же, д. 320, л. 26]. Дальнейшая судьба сводных братьев А. С. Антонова неизвестна.

Старшая сестра **Антонова Валентина Степановна** родилась в Москве 22 декабря 1883 г. [30, д. 27, л. 370 об. – 371], получила среднеспециальное образование.

*Сестра А. Антонова Валентина Степановна Антонова, фото 1896 года
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

Играла на фортепиано, окончила 6 классов гимназии, бухгалтерские курсы (счетовод), а в годы войны – курсы сестер милосердия [4, д. П-3897, т. 2, л. 7-8].

*Валентина Степановна Антонова, фото примерно 1900 года
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

В начале 1900-х годов вышла замуж за Якова Ивановича Иванченко, 1872 г.р. (бывшего до революции начальником железнодорожных станций Кариан-Строганово, Мучкап, Инжавино, Рязано-Уральской железной дороги, после революции в 1920 году служившего в билетной кассе ст. Тамбов [Там же, л. 7-9], умер около 1947 г. в Саратове) [9].

*Муж сестры А. Антонова Иванченко Яков Иванович
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

20 июня 1904 г. родила дочь Тамару (крещена в с. Шаховка, близ ст. Кариан-Строганово, где работал отец), 17 марта 1906 г. – дочь Галину [Там же].

*Валентина Степановна Антонова с дочкой Тamarой и сестрой Анной Степановной Антоновой, 1905 год
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

*Валентина Степановна Антонова, родная сестра А. Антонова
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

С 1914 г. до Февральской революции служила сестрой милосердия в Тамбовском земском лазарете № 7 [4, д. П-3897, т. 2, л. 8 – 9 об.]. В первый год войны была сестрой милосердия на фронте [Там же], где заболела туберкулезом [Там же, л. 2-6].

После Октябрьской революции Валентина Степановна с семьей жила в Тамбове около перекидного моста через полотно железной дороги, служила кассиром при железнодорожной кассе [Там же, д. Р-5391, л. 5], работала в Тамбовском уездном продовольственном комитете и уездном финансовом отделе железнодорожной колонны счетоводом [Там же, д. П-3897, т. 2, л. 7 – 9 об.]. Была членом профсоюза Тамбовских служащих. В марте 1919 года – кандидат, а затем член партии ВКП(б), партийный билет № 1942 и № 588 [16, д. 168, л. 44]. Вступила в партию по предложению коммунистки, родной сестры жены А. С. Антонова К. А. Латышевой, занимавшей в 1919 году пост секретаря Тамбовского уездного исполкома [Там же, д. 38, кор. 2, л. 5]. В 1919 году будущая жена председателя Тамбовской УЧК т. Ломакина при захвате города казаками Мамонтова указала на нее как на коммунистку. От ареста казаками сумела скрыться [4, д. П-3897, т. 2, л. 8 – 9 об.].

*Валентина Степановна Антонова в госпитале
в годы Первой мировой войны
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

*Сестра А. Антонова Валентина Степановна Антонова,
фото 1918 года
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

В конце января 1920 года была арестована Тамбовским губчека по обвинению в помощи братьям Дмитрию и Александру [Там же, л. 7]. На сотрудничество с чекистами не пошла. 8 апреля 1920 года, несмотря на начавшую прогрессировать в тюрьме болезнь, осуждена к лишению свободы в концентрационном трудовом лагере «до окончания Гражданской войны» как совершившая следующее преступление: «давала медикаменты для банды» и «имела возможность задержать брата-бандита, не сделала этого, а выдала ему пальто» [1, с. 124]. По сведениям, полученным родными из Тамбовской ЧК, умерла в тюрьме 1 мая 1920 года, место захоронения неизвестно. 20 июля 2001 года по заключению Тамбовской облпрокуратуры В. С. Иванченко была реабилитирована. Младшая дочь Валентины Антоновой Галина вспоминала, как мама передавала через нее из ЧК на волю весточки: провожая дочь, всегда помогала ей одевать шапочку и при этом ловко совала ей за ушко скрученную в трубочку записку [6].

*Племянницы А. С. Антонова, дочери В. С. Антоновой Тамара и Галина, фото около 1909 года
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

Старшая дочь Валентины **Тамара Яковлевна Иванченко (Тимофеева)** с 1920 года начала работать в учреждениях при Рязано-Уральской железной дороге (например, в 1922 году работала статистиком УПОЛГЛАВТОПА Ряз.-Уральской ж.д. г. Саратова). Ее отец и сестра Галина также переехали в Саратов. Обе сестры стали играть в Саратовском городском театре и учились в Саратовском театральном училище.

В Саратове Тамара познакомилась со своим будущим мужем – военным и партийным работником, членом коммунистической партии, дворянином по происхождению Владимиром Владимировичем Тимофеевым (1901-1938), занимавшим впоследствии партийные руководящие должности в различных учреждениях (например, в Совкино) и ставшим директором Ленинградского завода № 4 им. Калинина и членом Совета при Наркомтяжпроме СССР. В семье 11 декабря 1928 года родился сын Андрей.

Тамара работала во многих театрах Костромы, Уфы, Ленинграда и т.д., играла небольшие роли в кино.

*Племянница А. Антонова
Тамара Яковлевна Иванченко (Тимофеева)
(из семейного архива
Андрея Владимировича Тимофеева)*

*Племянница А. С. Антонова
Тамара Яковлевна Иванченко (Тимофеева)
в сценическом образе
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

В 1938 г. после расстрела мужа репрессирована как жена врага народа на 8 лет, заключение отбывала в Сеgezлаге и Карлаге. Сына поместили в детский дом, а во время войны отправили в эвакуацию. В 1944 году Андрей Тимофеев вернулся в Ленинград, поступил в техникум, затем в Ленинградский горный институт (ЛГИ), проживал у своей бабушки Анны Степановны. После освобождения 26 марта 1946 года Тамара устроилась на «Ленфильм», где сыграла более 40 ролей в различных фильмах. В 1955 году была реабилитирована. 29 сентября 1995 года Тамара Яковлевна Тимофеева скончалась. В настоящее время в Петербурге проживает ее сын Андрей Владимирович Тимофеев, инженер-электромеханик, спортсмен [9].

Младшая дочь Валентины **Галина Яковлевна Иванченко (Касьянова)** в Саратове познакомилась с актером Иосифом Иосифовичем Войцеховским (1906-1971).

*Племянница А. С. Антонова Галина Яковлевна Иванченко (Касьянова)
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

14 августа 1934 года у них родился сын Кастусь (его крестной стала Анна Степановна Полканова (Антонова), у которой он после войны часто гостил), в детстве и юности, как и родители, игравший в театре.

*Кастусь Вадимович Касьянов в сценическом образе
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

В 1939 году Галина рассталась с Войцеховским и переехала в Кострому, где вышла замуж за театрально-го актера и режиссера Касьянова Вадима Алексеевича, усыновившего Кастуся. Всю жизнь Галина играла в театрах Саратова и Костромы, рисовала, играла на фортепьяно. Ее сын, Касьянов Кастусь Вадимович, получил по настоянию отчима инженерное образование и был распределен на работу в Воронеж. В 1972 году Галина переехала жить к сыну. 9 января 1998 года скончалась и похоронена в Воронеже.

К. В. Касьянов, несмотря на преклонный возраст, до 80 лет работал на одном из Воронежских заводов [6].

Сестра **Анна Степановна Антонова**, домашнее прозвище «Кота» (свои письма подписывала как «Анет»), родилась 4 августа¹ 1887 г. в Москве [12, д. 269, л. 26]. Образование – 4 класса гимназии [4, д. П-3897, т. 2, л. 8] (общее среднее). В годы Первой русской революции сблизилась с эсерами. С 1907 года Анна находилась под негласным наблюдением Департамента полиции [10, д. 26, ч. 37, л. 118].

*Сестра А. С. Антонова Анна Антонова
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

Анна служила в Моршанской почтово-телеграфной конторе (Тамбовская губерния) [1, с. 27] и работала конторщицей в музыкальном магазине Тидемана [12, д. 269, л. 116] (Тительмана) в Пензе (с 1908 г.) [1, с. 48], став там видной эсеровской активисткой. Ее квартира на ул. Московской в Пензе стала местом для конспиративных собраний эсеров [13, д. 9, ч. 41, л. 41]. В городе проживал близкий родственник Анны – Константин Антонов, также известный пензенский эсер [14, д. 9, ч. 41, л. А, л. 116].

¹ По данным в анкете земельного уездного отдела родилась 6 августа 1887 г.

*Родные А. С. Антонова: тетя Ксения, сестра Анна и дядя Константин Антоновы
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

За Анной было установлено скрытое наблюдение и присвоены клички: «Пластинка» [Там же, л. 10] в Пензе и «Умная» [15, д. 9, ч. 76, л. В, л. 35 – 35 об.] в Тамбове. В ночь на 5 января 1909 г. А. С. Антонову арестовали вместе с другими членами Пензенской организации партии социалистов-революционеров [14, д. 9, ч. 41, л. А, л. 10]. После освобождения Анна в январе 1910 года вернулась в Кирсанов и отошла от активной партийной работы [15, д. 9, ч. 76, л. В, л. 35 – 35 об.].

*Анна Степановна Антонова, сестра А. С. Антонова
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

В 1915-16 годах Анна училась на сельскохозяйственных курсах в Петрограде, где вышла замуж за агронома Владимира Андреевича Полканова, 27 октября 1884 г.р. С ним она встречалась еще в 1911 г. в Тамбове, где они вместе находились под негласным надзором полиции [Там же]. Полканов был эсером Елатомского уезда Тамбовской губернии с кличкой наблюдения «Казенный», до революции окончил высшие Петроградские сельскохозяйственные курсы [17, д. 5, л. 337]. До 1917 года Анна Степановна работала в Минске инструктором хозяйственного отдела Всероссийского земского союза при 10-й армии. В 1917 г. переезжает с мужем в Тамбов [1, с. 117-118]. 28 августа 1917 года у них родился сын Виктор [8].

*Племянник А. С. Антонова Виктор Андреевич Полканов
(из семейного архива Владимира Викторовича Полканова)*

Проживала в с. Рассказово и в г. Тамбове по адресу 1-я Комендантская, д. 23 [17, д. 8, л. 18]. 16 января 1921 года поступила на работу в Тамбовский уездный комитет земледелия на должность инструктора по животноводству [Там же, л. 55].

29 января 1920 года Анна была арестована сотрудниками губчека в селе Рассказово [1, с. 118] Тамбовского уезда, где проживала со своим мужем, работавшим там инструктором уездного земельного отдела, а затем агрономом 9 участка Тамбовского уезда [17, д. 8, л. 18]. Получившая в эсеровском прошлом немалый жизненный опыт по умению вести себя во время обысков, допросов и арестов, Анна на сотрудничество с чекистами не пошла, сославшись, что ничего о братьях не знает и связи с ними не поддерживает [1, с. 120]. После освобождения уволилась из Тамбовского уездного комитета земледелия 7 февраля 1921 года [17, д. 8, л. 55] и уехала в г. Москву. Проживала в Анапе (1924 г.). Переехала жить в Ленинград. Ее муж, Владимир Андреевич Полканов, был отправлен в юго-восточные губернии «поднимать целину», возможно принудительно. К жене больше не вернулся. Подвергался репрессиям. Приехал в Ленинград лишь в 1960-х годах, умер в начале 1970-х годов.

*Владимир Андреевич Полканов, муж А. С. Антоновой (Полкановой)
(из семейного архива Владимира Викторовича Полканова)*

По воспоминаниям родственников, Анна вторым браком вышла замуж за Андреева, еще дореволюционного экономиста, принятого на работу советской властью и пользовавшегося большим авторитетом. В Ленинграде проживала с мужем в его трехкомнатной квартире (перед войной их уплотнили). До и после войны работала бухгалтером в ГЛАВЭЛЕКТРОСБЫТ. Сын Андреева от первого брака, Алексей, воевал на фронте, а после войны преподавал в Московском горном институте. Анна Степановна пережила блокаду Ленинграда, умерла в 1948 г. и похоронена на Охтинском кладбище.

Сын Анны Виктор работал до войны на заводе имени А. Марти (сегодня Адмиралтейские верфи) такелажником и являлся активным членом яхт-клуба. В июне 1941 г. призван на фронт в полк связи и уже

29 июня в Литве попал в плен. Освобожден в 1945 г. После освобождения из плена был назначен механиком в порт г. Штеттин в Пруссии (ныне г. Щецин, Польша), так как хорошо знал немецкий язык. По возвращении в Ленинград окончил Речное училище и работал групповым механиком наставником в Северо-Западном речном пароходстве. Жена – Таисия Александровна. Умер 26 апреля 1996 г. Похоронен на Северном кладбище Петербурга рядом с отцом. В настоящее время в Петербурге проживает его сын, инженер Владимир Викторович Полканов. Другой сын, Леонид, в настоящее время скончался [8].

Брат **Дмитрий Степанович Антонов** родился 26 октября 1896 г. в г. Кирсанове. Крещен в Ильинской церкви (интересно, что одним из его крестных стал местный полицейский чиновник, воронежский дворянин Л. М. Угрянский) [18, д. 5813, л. 144 об. – 145]. Закончил Кирсановское мужское приходское училище. После смерти матери жил с отцом в селе Инжавино [1, с. 53], служил в местной аптеке дрогистом и лаборантом [19, д. 24, л. 21-23].

*Дмитрий Степанович Антонов с племянницами Тамарой и Галиной Иванченко, Москва, 1915 год
(из семейного архива Кастуся Вадимовича Касьянова)*

В 1916 году призван на фронт. Окончил ускоренные курсы военно-фельдшерской школы и на фронте служил фельдшером. В апреле 1917 года демобилизовался из армии, проживал у сестры Валентины в Тамбове [4, д. П-3897, т. 2, л. 5-8]. Устроился работать на Тамбовский артиллерийский склад [Там же], но спустя буквально несколько дней, с 20 мая 1917 года, перешел на работу в Тамбовскую городскую милицию на должность младшего помощника 4-й милицейской части [19, д. 24, л. 21-23]. В июне 1918 года по приказу милицейского начальства принял участие в контрреволюционном восстании в Тамбове, о чем сильно сожалел и вызвал значительное недовольство брата [4, д. П-3897, т. 2, л. 5-8].

После восстания скрылся и к осени 1918 года устроился вместе с шурином своего брата Александром Боголюбским на небольшой лесопильный завод в Тамбовском уезде, где проработал до декабря. Семья о его местонахождении ничего не знала – по предположениям сестры Анны Полкановой, он вместе с братом уезжал на Волгу в губернии, контролируемые Комитетом членов Учредительного собрания [1, с. 120].

С декабря 1918 года состоял в боевой дружине Александра Антонова. Неоднократно выполнял конспиративные задания брата в Тамбове и других местах губернии [4, д. Р-5391, л. 7]. С началом крестьянского восстания Дмитрий на руководящих военных и гражданских должностях: командир 4-го Низовского полка 2-й Повстанческой армии [Там же, д. Р-14893, л. 21-22], председатель одного из районных комитетов Союза трудового крестьянства (СТК) [1, с. 487] Кирсановского уезда.

В штабе Дмитрий отвечал за пропагандистскую работу среди восставших, помогал в организации сельских и волостных СТК [4, д. Р-15005, л. 13 об.], выпускал листовки и воззвания, писал стихи под псевдонимом «Молодой лев» [1, с. 622], сочинял песни. По показаниям некоторых пленных, Дмитрий вел хронику боевых действий восставших. При нем после гибели были найдены фрагменты набросков к мемуарам. Были ли захвачены записки Дмитрия и сохранились ли его наброски – неизвестно.

После разгрома восстания скрывался вместе с братом [4, д. Р-14893, л. 21-23]. Весной и летом 1922 года скрывался в районе села Нижний Шибряй Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. По агентурным данным губчека, симпатизировал проживавшей в доме, где была подпольная явка Антоновых, Соловьевой Софье Гавриловне [Там же, д. Р-15916, л. 100].

Сам, так же как и раньше, участвовал в налаживании и поддержании конспиративных связей по губернии и Тамбову.

24 июня 1922 года во время операции ГПУ по уничтожению Антоновых был ранен в ногу и погиб вместе с братом, выносившим его с места боя. Похоронен в братской могиле на набережной реки Цны в Тамбове за Казанским монастырем, в районе спуска к летней городской площадке.

Соловьева Софья Гавриловна, 1900 г.р., из многодетной семьи священника Моршанского уезда. Окончила 7 классов Питиримовской гимназии в Тамбове, работала учительницей в школе села Нижний Шибряй [Там же, л. 146] и в Борисоглебском детдоме № 10 [Там же, л. 39].

*Софья Гавриловна Соловьева
(из семейного архива Елены Марковны Несмеяновой)*

Софья Гавриловна Соловьева после гибели братьев Антоновых вместе с другими пятью односельчанами была арестована и находилась во время следствия в течение 8 месяцев в арестном доме ГО ГПУ г. Тамбова. Сотрудники тамбовского ГПУ считали ее «живой и вполне надежной связью и шпионом» Антоновых [Там же, л. 100].

Из-за тяжелых условий содержания в тюрьме объявляла голодовку [Там же, л. 79-81]. Вину не признала, помощи следствию не оказывала. Комиссией НКВД от 9 марта 1923 г. приговорена к двухлетнему заключению в Соловецком концлагере [Там же, л. 197]. После концлагеря отправлена в ссылку в Коми область на 3 года [Там же, л. 208]. В 1937 году вновь арестована по обвинению в недоносительстве о контрреволюционной деятельности мужа, бывшего эсера Валентина Александровича Несмеянова. Муж был расстрелян, а Софья Гавриловна приговорена к 8 годам заключения в Акмолинском лагере жен изменников Родины [3, д. 2-7200, л. 12]. Реабилитирована. Умерла в г. Тамбове в 1987 году [7].

Сам **Александр Степанович Антонов** родился 26 июля (7 августа) 1889 года в г. Москве [29, д. 122, л. 558 об. – 589] в семье запасного фельдфебеля, тамбовского мещанина Степана Гавриловича Антонова и портнихи, мещанки г. Москвы Натальи Ивановны Соколовой. Крещен 30 июля 1889 года в церкви преподобного Сергия Радонежского в Рогожской слободе (церковь сохранилась и сейчас).

С начала 1890-х годов жил в Кирсанове на Тамбово-Саратовской улице в доме Гриднева [1, с. 48]. Получил образование в Кирсановском городском трехклассном училище [Там же, с. 77]. Работал в Кирсанове у хлебного торговца Милохина [Там же, с. 53].

С 1908 г. – активный член партии социалистов-революционеров (ПСР) и руководитель одной из тамбовских групп «независимых социалистов-революционеров», которая действовала в Кирсановском уезде [13, д. 9, ч. 60, л. 103] и ставила своей целью подготовку крестьян к вооруженному восстанию, для чего предполагалось вести агитацию среди крестьян, снабжать их литературой и оружием и добывать средства для нужд партии путем экспроприаций [1, с. 68]. По агентурным данным, примкнул к эсерам в 1906 [13, д. 9, ч. 60, л. 10] или 1907 [Там же, л. А, л. 169] году. Возможно, что его участие в антиправительственных подпольных организациях началось еще раньше, так как, по показаниям в губчека знакомого семьи, Александр Антонов был в составе кирсановской боевой дружины с 1905 года [4, д. Р-5391, л. 4-5]. Стоит отметить, что при экспроприациях от группы Антонова не погиб ни один человек. С 1908 года находился в составе Саратовского отделения партии эсеров, член боевой областной организации Поволжского комитета ПСР [11, д. 6552, л. 10].

Прекрасный конспиратор и организатор. Смел, дерзок и честен (при экспроприациях оставлял расписки) [1, с. 46-47]. Находился в розыске по нескольким губерниям. В разработках жандармского управления проходил под кличками «Шурка» [13, д. 9, ч. 60, л. А, л. 151], «Румяный» [Там же, л. 120] и «Осиновый» [14, д. 9, ч. 53, л. А, л. 10]. Один из немногих эсеров, избежавших ареста при разгроме Тамбовского отделения партии (бежал, прикрываясь оружием) [11, д. 4859, л. 1].

*А. С. Антонов
(из розыскного циркуляра)*

Арестован 20 февраля 1909 г. в Саратове при подготовке покушения на командующего Казанским военным округом генерала А. Г. Сандецкого [Там же, д. 6552, л. 10] (группа выдана Е. Ф. Азефом). Деньги для подготовки покушения раздобыл сам при ограблении железнодорожной станции Инжавино [Там же, л. 2].

Александр Антонов в тюрьме

Приговорен к смертной казни, замененной П. А. Столыпиным пожизненной каторгой [1, с. 71], сидел в тюрьмах, находящихся в городах Тамбов, Москва и Владимир [Там же, с. 74]. Дважды пытался бежать [Там же, с. 69]. До 1916 года содержался в кандалах [Там же, с. 76]. Пользовался в тюрьме авторитетом. 3 марта [19, д. 24, л. 13] 1917 года освобожден по амнистии [1, с. 79] и прибыл в Тамбов.

С 15 апреля 1917 года на работе в Тамбовской городской милиции в должности младшего помощника 2-й, а затем 1-й милицейской части. Зарекомендовал себя прекрасным сотрудником. В мае 1917 года вдвоем с коллегой [27] арестовал руководство [28] самопровозглашенной Кирсановской республики [1, с. 76].

23 октября назначен вторым помощником начальника Тамбовской городской милиции П. Е. Булатова [26, с. 173]. Через несколько дней получил приказ на откомандирование в Кирсанов на должность начальника уездной милиции. Женившись на С. В. Боголюбской в начале ноября [Там же, с. 174], переехал в Кирсанов и вступил в новую должность.

За время службы в милиции зарекомендовал себя с положительной стороны. Уничтожил наиболее сильные и одиозные банды Кирсановского уезда [Там же, с. 175]. По воспоминаниям современников, разоружил эшелон с чехословацкими войсками [2, с. 11]. Пресекал погромы и контрреволюционные выступления в Кирсанове. Препятствовал разорению бывших помещичьих имений с целью организации совхозов [1, с. 270]. Эффективно боролся с перегонкой хлебных запасов на самогон. Непримирымый противник пьянства среди служащих Кирсановского уезда (сам спиртное не употреблял совсем). В тех случаях, где, по его мнению, власти допускали ошибку, чреватую стеснением в работе милиции, мог без излишних церемоний указать на нее [25, с. 283].

Добивался улучшения материального положения сотрудников милиции (от положенных ему по должности доплат отказался, требуя увеличения денежного содержания и всем подчиненным) [1, с. 78]. 6 февраля 1918 года избран в Кирсановский Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов [Там же]. Награжден почетным революционным оружием, с которым не расставался до самой смерти [26, с. 176].

Своим несогласием с антикрестьянской политикой вызвал значительное недовольство Кирсановского партийного и чекистского руководства, которое опасалось большого влияния Антонова в Кирсановском уезде [24, с. 401].

К тому же после левозсеровского восстания в июле 1918 года коммунисты поставили задачу и разослали по стране распоряжением не допускать левых эсеров на руководящие должности в исполнительной власти. Всероссийской ЧК были составлены и разосланы по губерниям особые списки на группы лиц, которых необходимо было арестовать и доставить в Москву в ВЧК. О том, что Тамбовская губчека наметила арестовать или в случае сопротивления ликвидировать 8 человек, в том числе и А. С. Антонова, его подчиненный В. К. Лоцилин пытался предупредить в перехваченной сотрудниками Кирсановской ЧК записке [4, д. П-17409, л. 40].

Для разгрома кирсановских эсеров местными коммунистами и Кирсановской ЧК была разработана и проведена в жизнь спецоперация по дискредитации своих политических противников – эсеров: начальника уездной милиции Александра Антонова и начальника городской милиции г. Кирсанова Никиты Григорьевича Гридчина. На одной из проезжих дорог якобы был найден портфель с картами, документами и межевыми картами, испещренными таинственными знаками и надписями, а также 2 бомбы, револьвер и бинокль [23, с. 3]. Этого было достаточно, чтобы 15 августа 1918 года начать аресты и расстрелы людей, входивших в круг близких знакомых Антонова [4, д. П-17409, л. 16-30]. Антонову удалось избежать ареста, так как во второй половине июля он ушел в отпуск. Его заочно обвиняют в контрреволюционном мятеже и приговаривают к смерти.

Антонов переходит на конспиративное положение и в декабре 1918 года создает боевую группу, начавшую бороться против коммунистов, продовольственных и чекистских отрядов. В сентябре 1919 года Антонов производит соединение своего отряда с группой Кузнецова, находившейся в Чернавском лесу Кирсановского уезда. В группу Кузнецова входили Токмаков, Давыдов, Кузнецов, Казанков, Логвинов и другие, всего около 15 человек [22, д. 148, л. 40].

14 октября 1919 года дружина Антонова убивает одного из организаторов советской власти в губернии М. Д. Чичканова [1, с. 107]. Кроме него были убиты еще некоторые коммунисты Кирсановского уезда, произведены ограбления советских учреждений [22, д. 148, л. 42-48]. Проводились операции по освобождению арестованных сподвижников [Там же, л. 41]. В течение 1919-1920 годов для поимки Антонова и членов его дружины высылались несколько вооруженных отрядов [Там же, л. 40], арестовавших часть его сподвижников, но ликвидировать отряд Антонова им так и не удалось [1, с. 588].

25 августа 1920 года Антонов принимает руководство вспыхнувшим несколькими днями ранее в Каменской волости Тамбовского уезда крестьянским восстанием. Через некоторое время Антонов по подобию Красной Армии создает две повстанческие армии, разделенные на бригады и полки, сеть союзов трудового крестьянства – гражданских органов власти на восставших территориях – и Главный оперативный штаб по руководству восстанием, руководителем которого и становится.

Штаб Партизанской Армии Тамбовского края. А. С. Антонов в центре

В июне 1921 года армии Антонова потерпели поражение от десятикратно превосходящих только в живой силе войск Красной Армии. В последних числах июня 1921 года Антонов отдал приказ о прекращении активной борьбы и временном переходе на конспиративное положение [4, д. Р-15859, л. 14-15]. 5 августа 1921 года отряд Антонова и его лагерь в пойме р. Вороны близ села Паревка в результате четырехдневных боев был уничтожен. Братьям Антоновым удалось скрыться.

В 1922 году Александр Антонов вместе с братом скрывается в с. Нижний Шибряй Борисоглебского уезда у местного мельника В. В. Иванова [Там же, д. Р-15916, л. 2]. Александр тяжело страдает приступами малярии. От полученных ранений практически теряет свои функции правая рука. В Н. Шибряе Александр сходит с соседкой и работницей Иванова Натальей Ивановной Катасоновой, которая от него забеременела [Там же, л. 146].

24 июня 1922 года Александр вместе с братом Дмитрием гибнет в бою с выследившим его отрядом ГПУ. Похоронен в братской могиле на набережной Цны в Тамбове за Казанским монастырем.

21 декабря 1922 года у погибшего Александра Антонова и Натальи Катасоновой в тюрьме рождается дочь Ева [Там же, л. 182].

Место предполагаемого захоронения А. С. Антонова и Д. С. Антонова

Жена Александра Степановича Антонова **Софья Васильевна Орлова-Боголюбская** (иногда ее называли Соломония или Соломонида) родилась в Екатеринбурге 10 декабря 1892 г. [Там же, д. Р-4514, л. 3-6], дочь губернского секретаря, образование 5 классов. В детском возрасте удочерена Алексеем Боголюбским, поэтому нередко пишется как Софья Алексеевна. По убеждениям – социалистка. После Февральской революции работала в учреждениях, подчиненных Тамбовскому губернскому совету рабочих и солдатских депутатов [Там же, л. 52].

В 1917 году познакомилась с Александром Антоновым. В конце октября – начале ноября, после назначения Антонова начальником Кирсановской уездной милиции, вышла за него замуж и в начале ноября переехала с ним в Кирсанов.

До августа 1918 года проживала с мужем в Кирсановском уезде, после перехода Антонова на нелегальное положение переехала к матери в Тамбов. Впоследствии, видимо, получив инструкции от мужа, она часто меняла место своего жительства. В первой половине 1919 года жила в Верхнем Шибряе Борисоглебского уезда, поддерживала связь с мужем. Осенью 1919 года вновь жила у матери, переселившейся в село Расказово Тамбовского уезда. В конце 1919 года переехала в село Никольское Воронежской губернии, а затем в начале 1920 г. в г. Моршанск Тамбовской губернии, где работала конторщицей в Союзе кредитных товариществ и счетоводом в потребительском обществе [Там же, л. 46-49].

19 октября 1920 года арестована в Моршанске [Там же, л. 3-6]. Тамбовская губчека пыталась использовать ее для поимки Антонова, для чего она была освобождена 26 октября 1920 г. и через свою сестру Клавдию завела переписку с мужем [Там же, л. 38]. Попытка выманить Александра Антонова на свидание с женой успехом не увенчалась. До марта 1921 года сотрудники губчека безрезультатно использовали Софью Васильевну как живую приманку. В марте 1921 года Софья, желая прекратить свое участие в операции в этой незавидной роли, предоставила в Тамбовскую губчека копию своего письма мужу, Александру Антонову. В письме она сообщает, что «страшно устала от всего пережитого» и просит Александра оставить ее в покое, «чтобы меня не трогали ни те, ни другие стороны» [Там же, л. 44].

После такого неожиданного срыва операции 21 марта 1921 года Софья была вновь арестована и отправлена в Москву [Там же, л. 39]. Содержалась в Новинской тюрьме, Внутренней тюрьме, Бутырской тюрьме. Объявляла голодовку за перевод в Бутырскую тюрьму и улучшение условий содержания [Там же, л. 55]. Через год, 29 марта 1922 года, была отправлена в Тамбов и освобождена со взятием на учет [Там же, л. 57]. Судьба Софьи Васильевны после марта 1921 года остается неизвестной. Интересен факт, что спустя полтора месяца после перевода в Тамбов, в середине мая 1922 года, Софьи Васильевны Боголюбской не оказалось в числе десяти человек, доставленных на опознание задержанного А. И. Коваленко, принятого агентами и сотрудниками Тамбовского губотдела ГПУ за ее мужа, Александра Антонова [26, с. 342].

*Софья Васильевна Орлова-Боголюбская, фото примерно 1921-1922 года
(из архива УФСБ по Тамбовской области, д. Р-4514)*

Ее мать – Боголюбская Елизавета Сергеевна, 1860 г.р. [4, д. Р-4514, л. 3-6], вторым браком вышла замуж за Алексея Боголюбского (первый муж – Орлов Василий), родив еще двух детей – Клавдию (ок. 1895 г.р.) и Александра (ок. 1897 г.р.). Сестра – Латышева Клавдия Алексеевна, член ВКП(б), партийный билет № 2381, до конца 1919 года секретарь Тамбовского уездного исполкома ВКП(б) [16, д. 38, кор. 2, л. 5, 15, 54].

Брат Софьи – **Боголюбский Александр Алексеевич**, около 1897 г.р. [4, д. Р-4514, л. 48], член партии левых социалистов-революционеров, в 1918 году начальник 2-го района Кирсановской городской милиции [1, с. 118], с конца 1918 года член боевой дружины Антонова. Поддерживал связь между А. С. Антоновым и Тамбовским губкомом эсеров. В сентябре 1920 г. арестован в Тамбове. После ареста содержался в тюрьмах г. Тамбова и г. Москвы. По сведениям, переданным от сидевшего с ним в одной камере члена Тамбовского губкома ПСР, в тюрьме г. Тамбова сразу после ареста А. А. Боголюбский подвергался моральному и физическому давлению [4, д. Р-6267, л. 33]. Впоследствии дал показания и согласился на сотрудничество со следствием. Участвовал в 1922 году в процессе по делу эсеров свидетелем со стороны обвинения.

Гражданская жена А. С. Антонова **Катасонова Наталья Ивановна** родилась в 1887 г. в с. Перевоз Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, крестьянка, вдова, малограмотна [Там же, д. Р-15916, л. 34]. Проживала в с. Нижний Шибряй Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Работала по хозяйству в доме местного мельника В. В. Иванова [Там же, л. 37], где познакомилась с Антоновым Александром. 24 июня 1922 г. ее дом, где скрывались братья Антоновы, был сожжен. 27 июля 1922 г. Катасонову арестовали [Там же, л. 148-149]. 21 декабря 1922 года в тюремной больнице Тамбовского ГПУ родила от А. С. Антонова дочь **Еву** [Там же, л. 182]. Девочку записали на имя родного брата Натальи – Федора Катасонова. 9 марта 1923 года Катасонова осуждена за пособничество Антоновым [Там же, л. 197] к заключению в Архангельский концентрационный лагерь. Отбывала двухлетнее заключение на Соловецких островах, затем отправлена в трехлетнюю ссылку в Коми (Зырянский край) [Там же, л. 211]. Освобождена в 1927 году, некоторое время проживала в селе Н. Шибряй, затем переехала к отцу в соседнее село Перевоз. В дальнейшем подвергалась репрессиям. В 1930 году была лишена избирательных прав за активное участие в бандитизме «как жена Антонова» [1, с. 596] и уехала из родных мест.

*Катасонова Н. И.
(из семейного архива Марии Георгиевны Горелик)*

*Ева Федоровна Катасонова, дочь А. С. Антонова
(из семейного архива М. Г. Горелик)*

Проживала с дочерью сначала в Ухте, а затем в Москве, где работала на заводе «Калибр». Во время Великой Отечественной войны переехала в г. Челябинск, где скончалась в 1945 г. Реабилитирована 27 ноября 1995 г.

Дочь Натальи Катасоновой и Александра Антонова **Ева Катасонова** после окончания школы поступила в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ), но с началом войны была мобилизована в охрану Московского завода «Калибр» и эвакуирована в г. Челябинск. На заводе познакомилась с Гореликом Львом Марковичем (1917-1988) и вышла за него замуж в 1945 г. 12 декабря 1945 г. у них родился сын Борис, а 29 января 1948 г. – Георгий.

*Борис, Ева и Георгий Горелик
(из семейного архива М. Г. Горелик)*

После войны Ева закончила педучилище, а затем пединститут. Работала учителем в г. Челябинске. 9 июля 1971 г. скончалась от перитонита.

В настоящее время в Челябинске проживает сын Евы Федоровны Горелик – Борис Львович, инженер-конструктор танковой техники. Другой сын – Георгий Львович – судебно-медицинский эксперт, проживает в г. Троицке Челябинской области [5].

Подводя итог вышесказанному, можно прийти к выводу, что Антонов являлся типичным представителем средних городских слоев. Вырос в семье, которая хотя и не бедствовала, но постоянно боролась за нормальное существование. Родители смогли дать сыну только начальное образование, во время которого он сблизился с единомышленниками, так же как и он сам, недовольными своим нынешним существованием из-за отсутствия возможностей для самореализации вследствие классовых различий и финансовых возможностей и горящими желанием изменить эту ситуацию. Благодаря этому яростному желанию кирсановский мальчишка Шурка превратился в историческую личность, противоречивые исследования которой до сих пор не оставляют равнодушными ни историков, ни простых обывателей.

Список источников

1. «Антоновщина»: крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. 800 с.
2. «Антоновщина»: статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / под ред. С. В. Евгенова и О. С. Литовского. Тамбов: Изд-во Тамбовск. губкома РКП «Коммунист», 1923. 154 с.
3. Архив УФСБ России по Республике Татарстан.
4. Архив УФСБ России по Тамбовской области.
5. Воспоминания Горелик Марии Георгиевны, записал А. Н. Литовский.
6. Воспоминания Касьянова Кастуся Вадимовича, записала М. Ю. Зайцева.
7. Воспоминания Несмеяновой Елены Марковны, записала М. Ю. Зайцева.
8. Воспоминания Полканова Владимира Викторовича, записал А. Н. Литовский.
9. Воспоминания Тимофеева Андрея Тимофеевича, записал А. Н. Литовский.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102ДП. 3-е дел-во. 1907.
11. ГАРФ. Ф. 102ДП. 7-е дел-во. 1908.
12. ГАРФ. Ф. 102ДП. 7-е дел-во. 1909.
13. ГАРФ. Ф. 102ДП. ОО. 1908.
14. ГАРФ. Ф. 102ДП. ОО. 1909.

15. ГАРФ. Ф. 102ДП. ОО. 1911.
16. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-842. Оп. 1.
17. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 950. Оп. 2.
18. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 2.
19. ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1.
20. ГАТО. Ф. Р-1413. Оп. 1.
21. ГАТО. Ф. Р-1413. Оп. 2.
22. ГАТО. Ф. Р-4075. Оп. 3.
23. Известия: орган Кирсановского уездного совета крестьянских и рабочих депутатов. Кирсанов, 1918. 13 сентября.
24. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917-1918: документы и материалы / сост. В. П. Данилов. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.
25. Мещеряков Ю. В. Тамбовская губерния в начальный период Советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 г. Тамбов: Пролетарский светоч, 2012. 424 с.
26. Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 360 с.
27. Тамбовский земский вестник. Тамбов, 1917. № 119. 1 июня.
28. Тамбовский земский вестник. Тамбов, 1917. № 120. 2 июня.
29. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 203. Оп. 768.
30. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 771.

LIFE TRAJECTORIES OF A. S. ANTONOV'S FAMILY AND RELATIVES

Litovskii Andrei Nikolaevich
Rasskazovo town, Tambov region
andreinklitov@mail.ru

Zaitseva Margarita Yur'evna
Tambov
bg-master@mail.ru

In the article previously unknown to researchers biographical data on the leader of the peasant rebellion in Tambov province Aleksandr Stepanovich Antonov, as well as his family and relatives, are published. The authors tried to get as close as possible to truth, reconstructing biographies of Antonov's family members with the help of rare family photos and archival data introduced into scientific use for the first time.

Key words and phrases: The Civil War; peasantry; Tambov province; A. S. Antonov; biographies.

УДК 930.25

Исторические науки и археология

В статье рассмотрен информационный потенциал фондов волостных комитетов ВКП(б) Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области для изучения предпосылок, хода и последствий Тамбовского крестьянского восстания 1920-1921 годов. Документы фактически не вводились в научную практику. На конкретных примерах показаны возможности данного вида исторического источника для научного исследования региональных особенностей крестьянского протеста.

Ключевые слова и фразы: Тамбовская губерния; крестьянское восстание; волостная партийная организация; волком ВКП(б); источниковедение; исторический источник; крестьянство.

Муравьева Инна Ивановна

Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области
muravyova@arh.tambov.gov.ru

ФОНДЫ ВОЛОСТНЫХ КОМИТЕТОВ ВКП(Б) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ 1920-1921 ГОДОВ

Создание широкой документальной базы, всесторонне отражающей историю крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920-1921 годов, продолжает оставаться насущной научной и общественной потребностью [1, с. 3].

В научную практику фактически не введены документы фондов волостных комитетов ВКП(б) Тамбовской губернии. Обращение к архивным документам волостных партийных организаций способствует исследованию предпосылок, хода и последствий крестьянского восстания на микроуровне.

В Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области находится на хранении 109 фондов волостных комитетов ВКП(б) Борисоглебского (1 фонд), Кирсановского (51 фонд), Козловского (7 фондов), Моршанского (7 фондов), Тамбовского (43 фондов) уездов [24, с. 30-34]. Таким образом, наибольшее количество фондов относится к основным «мятежным» уездам губернии (фонды волкомов

Борисоглебского уезда находятся на хранении в Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области) [3].

Вышеуказанные фонды насчитывают более 200 дел, датированных 1920-1921 годами. По информационной насыщенности документы, несомненно, уступают фондам укомов и губкома партии. Но их главная историческая ценность заключается в наличии первичной информации в отличие от обобщенной инструкторами уездных партийных комитетов с привнесением определенной доли субъективизма в оценку происходящих событий.

Видовой состав документов традиционен для партийного делопроизводства. Это протоколы общих собраний или конференций, заседаний бюро, президиума сельских, районных, волостных партийных ячеек, в том числе совместных с членами волостных и сельских исполкомов Советов, ревкомов, воинскими частями, циркулярные и товарищеские письма, отчеты, докладные записки, заявления граждан, переписка с местными и вышестоящими партийными и советскими органами. Некоторые протоколы собраний волостных ячеек ВКП(б) написаны на обороте делопроизводственных документов середины XIX века. Основным способом воспроизведения текста – рукописный.

Среди документов следует выделить отчеты районных организаторов, секретарей райкомпартов, в которых обязательным пунктом рассматривался вопрос о политических настроениях населения. Институт райорганизаторов начал создаваться в губернии в конце декабря 1918 года после решения 3-й конференции Тамбовской губернской организации РКП(б) от 3 декабря 1918-го для связи укомов РКП(б) с волостными и сельскими ячейками [8, д. 13, л. 2 об.]. За каждым райорганизатором закреплялся определенный район деятельности в составе нескольких волостей, которые он должен был периодически объезжать, инспектировать и инструктировать. По состоянию на 1 декабря 1920 года Тамбовская губерния была разделена на 66 партийных районов, из них в 26 были образованы районные комитеты – райкомпарты, в остальных работали назначенные укомами райорганизаторы [Там же, д. 1363, л. 12, 29].

В последние годы возрос научный интерес исследователей к естественно-историческим предпосылкам восстания [22], отдельным социально-экономическим факторам, послужившим толчками к антигосударственным выступлениям того или иного населенного пункта [20], личным мотивам участия в восстании отдельных рядовых повстанцев [21].

По мнению историков-аграриев, «российская деревня, как самодостаточный организм, с давним и привычным опытом выживания, не принимала государства с его требованиями» [1, с. 4]. Тем более она не приняла новую политическую элиту, которая формировалась в основном или из социально чуждых городских рабочих, или из местной, не менее презираемой, «голытьбы».

Документы волкомов наглядно показывают, насколько политика большевиков имела активных сторонников в деревне. Тамбовская губерния, не имевшая большевистских традиций до Октябрьской революции (по мнению лидера тамбовских большевиков Б. А. Васильева [2, д. 115, л. 22]), не приобрела их и к лету 1920 года. После рейда 4-го Донского конного корпуса генерала К. К. Мамонтова к октябрю 1919 года в губернии насчитывалось 3954 коммуниста [23, с. 95]. Но уже 15 июля 1920 года 9-я конференция губернской организации РКП(б) отметила, что партийная организация окрепла и увеличилась численно (10058 членов и 3106 кандидатов) [19, с. 35], т.е. 2/3 ее составили вновь принятые в ходе партийных недель, не имевшие соответствующего политического опыта.

Архивные документы свидетельствуют как о малочисленности сельских и волостных партийных ячеек, так и единичном количестве коммунистов в них с крайне низким уровнем общей грамотности и политической подготовки. «Ячеек РКП(б) во всем районе 7. Всего членов состоит 90 человек, из коих активных работников максимум 10-11» (из доклада помощника райорганизатора Сампурского района Сыщикова от 12 июня 1920 г.) [6, д. 1, л. 68]. «50% товарищей неграмотны, а если и читают, то по складам, с трудом расписываются на партийных собраниях» [15, д. 65, л. 64 об.].

Кроме того, в мае-июле 1920 года проводилась мобилизация «лучших коммунистов» на Западный фронт. Наиболее активно она осуществлялась в Тамбовском и Кирсановском уездах, где формировались сводные коммунистические отряды для Западного фронта. На районных партийных конференциях в июле 1920 года в докладах с мест звучит: «ведение советской и политической работы совершенно состоит на точке замерзания» [9, д. 2, л. 112 – 113 об.]. «Везде и всюду все разваливается, царит расхлябанность и разгильдяйство... Нужно быть делопроизводителем, машинистом, организатором, инструктором, администратором и разного рода уполномоченным и всем, чем хотите...» (из письма райорганизатора Инжавинского района Севостьянова от 4 августа 1920 г.) [15, д. 63, л. 77 об.].

В ряде заявлений крестьян о приеме в члены «стоящей у власти Коммунистической партии» с обязательным указанием на свое крайне бедственное социальное положение отчетливо прослеживаются явно «шкурнические» интересы вступающих, желание поправить свое экономическое положение [7, д. 1, л. 50].

Таким образом, в сельской местности не оказалось реальной политической силы, способной предупредить зреющий социальный взрыв. Многие местные большевики также осуждали продовольственную диктатуру государства, так как голодали наравне с крестьянами. Именно голод вынуждал их оставлять партийную работу и заботиться о пропитании своих семей. Часть партийного руководства встала на путь злоупотреблений, открытого воровства, что в условиях «прозрачности» сельского бытия не могло остаться незамеченным и не вызвать озлобленности у рядовых крестьян [13, д. 65, л. 115].

В условиях роста социальной напряженности возрастала роль человеческого фактора в альтернативности развития событий. В документах подчеркивается, что с учетом «контрреволюционности населения необходимо нужны хорошие работники, администраторы и пользующиеся от населения доверием» [15, д. 63, л. 35 об.].

В протоколе экстренного собрания членов Инжавинской волостной организации РКП(б) от 30 июня 1920 года отмечается:

«В настоящее время волость испытывает продовольственный кризис, и волисполком осаждается тысячами женщин и детей, нуждающихся в продовольствии, с которыми вести дело нужно не только умело и с большой опытностью, но надо знать хорошо психологию местного населения, чтобы выйти в нужный момент из критического положения, как с той, так и с другой стороны, что только удавалось тов. Семенову [пред. Инжавинского волисполкома], и всегда на население его распоряжения и приказы действуют успокаивающе, что в настоящее время ввиду выкачки хлеба и усиленной подводной [гужевой] повинности очень важно...» [Там же, л. 35 об. – 36].

Термином «выкачка хлеба» оперировали не только продкомиссары, но и низовые партийно-советские работники. Эти два слова не были лозунгами или деловым жаргоном продагентов – это были реалии того времени [13, д. 44, л. 8-9].

Председатель Земетчинского сельсовета Моршанского уезда Е. И. Федяшев прямо говорил односельчанам: «Товарищи крестьяне, отдайте излишки, которые с вас полагаются, иначе – или вы меня убивайте, или я вас погублю» [18, д. 2, л. 47 об.]. Земетчинский сельсовет занимал одно из первых мест по выполнению планов продразверстки в Моршанском уезде.

«Качество» местной власти нередко определяло «мирную» или «вооруженную» линию поведения крестьян по отношению к ней. В протоколе заседания Знаменского волкомпарта от 23 сентября 1920 года приводится следующий факт: «20 сентября 1920 года в Знаменской волости при нашествии бандитов граждане означенной волости встретили последних весьма враждебно. Все граждане по отношению к партийным товарищам держали себя весьма выдержанно. Многим из граждан угрожали страхом смерти, но ни один ни одного знака к выдаче рядом стоявших товарищей партийных не показал, чем спасли жизнь многих партийных товарищей, а поэтому в честь благодарности всей власти заседание волкомпарта просит уисполком, уездсекцию и упродком возбудить ходатайство о сложении с волости всей годовой разверстки хлеба и об удовлетворении населения волости предметами первой необходимости» [4, д. 58, л. 14, 14 об.]. Не менее показательна имеющаяся на ходатайстве резолюция: «...по мнению отдела управления означенные в данном протоколе партийные товарищи нуждаются в усиленном воздействии по разъяснению смысла государственной разверстки» [Там же, л. 14].

В донесениях районные организаторы откровенно выделяют два основных «ненормальных явления», послуживших успехом крестьянскому повстанческому движению. Так, в докладе райорганизатор Оржевского района Кирсановского уезда Г. Н. Елизаров от 5 августа 1921 года отмечает: «Оно [население] помнит, как коммунисты, работающие в уезде, очень часто превышали свою власть, часто делали незаконные поступки, которые в корне дискредитировали советскую власть, и своими узурпаторскими жандармскими выходками до глубины души возмущали крестьянские массы. И это не было проявление диктатуры к не подчиняющимся советской власти крестьянским массам, а наоборот, затронуты были интересы крестьян, искренне преданных советской власти, что подтверждаю своим личным наблюдением...»

Плюс к этому прибавилась неумело проведенная продразверстка. Уполномоченные и агенты упродкома очень часто проявляли недопустимый деспотизм. Они пороли граждан плетью, нередко занимались пьянством и открыто хулиганили. Впоследствии некоторые из этих типов оказались в банде...

Отношение же вообще населения к советской власти, несмотря на то, что во главе правления стоит Коммунистическая партия, очень сочувственное» [17, д. 29, л. 10 об. – 11 об.].

Для изучения этапов и социальной базы крестьянского движения интерес представляет информация Инжавинского райкомпарта от 25 марта 1921 года о росте «уголовного бандитизма» в связи с катастрофическим экономическим положением населения к весне 1921 года: «Среди населения все более выливаются вопли, вздохи и ненависть на настоящее – “что будем делать и как кормиться”, а о засевах полей и разговора очень мало, так как крестьянство, как будто, уже совсем отчаялось от обсеменения таковых. Большинство населения питается разного рода суррогатами, лебедой, пареной чечевичной, мякиной и др., появляются уже случаи голодной смерти... В большинстве волостей возникает второй бандитизм, только на экономической основе, – вооруженные грабежи, воровство и т.п., борьба с которым предстоит серьезная» [15, д. 65, л. 115].

Документы Сампурского волкома ВКП(б) интересны попытками волкомпарта принять упреждающие меры по развертыванию восстания в волости. Фонд содержит материалы о сложных взаимоотношениях между коммунистическими организациями и судебными органами – ЧК, особым отделом ревтрибунала, народными судами [6, д. 1].

В фонде Пахотно-Угловского волкома ВКП(б) имеется протокол объединенного заседания Казыванского волревкома с военными коммунистами сводного дивизиона бригады Г. И. Котовского от 17 августа 1921 г. о взаимоотношениях волревкома и коммунистов воинских частей, «о ликвидации и искоренении плохих выходов, как со стороны крестьян, так и красноармейцев, восстановлении полного дружелюбия». На заседании было решено создать комиссию из двух коммунистов (военного и гражданского) для поездки по району и сбору более подробных материалов от граждан, как на военных, так и на членов волревкома и сельсовета. После рассмотрения предоставленных материалов и заключения собрания «виновные преданы самому строгому суду» [14, д. 5, л. 5].

Важная тема – изучение последствий крестьянского восстания, особенно его влияния на структуру и психологию крестьянского общества. На разрушение крепости крестьянских традиций была направлена вся силовая политика власти, в борьбе с «бандитами и дезертирами» крестьянин не должен иметь «ни кума, ни свата, ни брата» [16, д. 1, л. 37].

С вооруженным сопротивлением крестьян расправились с помощью регулярных частей Красной Армии, но дух вражды и ненависти между противоборствующими сторонами невозможно было подавить с помощью штыков. Ряд документов свидетельствует о неоднозначном отношении крестьян к бывшим «бандитам», отбывшим наказание. «Крестьянство страшно возмущается тем, что те бандиты, виновность которых они сами признали, выпускаются на свободу. Крестьяне только и говорят о том, что с уходом Красной Армии они снова подымут свои грязные руки, уже обгаренные кровью коммунистов, на советскую власть, и перебьют всех» [15, д. 65, л. 63].

В этом плане заслуживает внимания документ из бывшего эпицентра Антоновского движения – воззвание Каменской ячейки РКП(б) и Каменского райревкома к коммунистам Каменского района от 28 октября 1921 года [дата регистрации документа]: «...Банда ликвидирована. Нет крупных шак эсеров-бандитов, но есть дух в народе эсеровский, который еще далеко не ликвидирован в нашем районе, поэтому каждый должен помнить, что работа еще не окончена, и много придется потрудиться среди темных масс.

...Кто бы он ни был – бандит ли, простой ли хулиган – помни, каждый коммунист, что повторение зла есть зло с плохим последствием. Остынь от воинственного духа, возьми себя в руки, перейди к коммунистической работе, как бы совершенно вновь взявши в руки это дело» [5, д. 1, л. 83].

В фондах есть информация, что семьи бывших «антоновцев», а также и сами участники крестьянского движения начали возвращаться в родные места с декабря 1921 года [12, д. 1, л. 39]. Документы содержат как сведения о выдаче семьям «антоновцев» ржи, проса, картофеля из урожая, собранного крестьянской общиной с их же полей, так и заявления граждан на «ярких бандитов», отпущенных советской властью.

Для изучения повстанческого крестьянского лагеря интерес представляют протоколы дознаний, именные списки «бандитов и дезертиров» Васильевской, Куньевской волостей Тамбовского уезда за сентябрь 1921 г. – июнь 1922 г. [9, д. 9, л. 264 – 280 об., 353-364; 10, д. 6, л. 95 – 98 об.; 11, д. 6, л. 234 об. – 236 об.].

В 90-е годы прошлого века в отечественной историографии масштабно освещались карательные стороны государственной политики в отношении тамбовских повстанцев. На второй план отошли «мирные» формы завоевания политических симпатий крестьянства, восстановления доверия к существующей власти. В то время особое внимание уделялось качественному составу партийно-советских работников. «Наши советские органы, начиная с райревкомов и кончая сельсоветами, должны быть чисты, как кристалл, абсолютно честны, неподкупны и беспристрастны... Предупреждать всякую возможность проявления беззаконий или самодурства, не оставлять без внимания ни одного малейшего случая незаконных, нетактичных, невыдержанных действий представителей советской власти. Давать надлежащий ход заявлениям и жалобам крестьян на действия органов и представителей власти» [14, д. 5, л. 14].

Предлагалось искать разные формы взаимодействия с крестьянами и не только при решении их насущных экономических и хозяйственных задач. Так, Сампурский райкомпарт, используя частые жалобы крестьян на то, что «в дореволюционное время можно было гораздо легче получить какие бы то ни было справки, чем в революционное», предлагал местным партийным ячейкам оказать помощь крестьянам в этом направлении. Каждой ячейке предлагалось организовать справочное бюро, с обязательным дежурством в ней поочередно всех членов РКП(б), независимо от занимаемой должности. В справочное бюро мог обратиться любой крестьянин с просьбой оказать помощь в получении справок, направлении запросов в соответствующие организации по поводу розыска ушедших в Красную Армию родственников и т.п. [6, д. 2, л. 18, 18 об.].

Таким образом, информационный потенциал фондов волостных комитетов ВКП(б) достаточно широк и многообразен. Использование данного вида исторического источника способствует более углубленному пониманию социально-экономических, политических, психологических факторов, определивших региональные особенности крестьянского движения в губернии.

Список источников

1. **«Антоновщина»: крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг.:** документы, материалы, воспоминания. Тамбов: Управление культуры и архивного дела Тамбовской области, 2007. 800 с.
2. **Васильев Б. А.** Красный Октябрь. Четвертая годовщина. Тамбов, 1921 // Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-9019. Оп. 1.
3. **Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области:** путеводитель. Воронеж: Истоки, 2006. 420 с.
4. **Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО).** Ф. П-362. Оп. 1.
5. **ГАСПИТО.** Ф. П-363. Оп. 1.
6. **ГАСПИТО.** Ф. П-364. Оп. 1.
7. **ГАСПИТО.** Ф. П-482. Оп. 1.
8. **ГАСПИТО.** Ф. П-840. Оп. 1.
9. **ГАСПИТО.** Ф. П-843. Оп. 1.
10. **ГАСПИТО.** Ф. П-844. Оп. 1.
11. **ГАСПИТО.** Ф. П-847. Оп. 1.
12. **ГАСПИТО.** Ф. П-849. Оп. 1.
13. **ГАСПИТО.** Ф. П-850. Оп. 1.
14. **ГАСПИТО.** Ф. П-853. Оп. 1.
15. **ГАСПИТО.** Ф. П-964. Оп. 1.
16. **ГАСПИТО.** Ф. П-1049. Оп. 1.
17. **ГАСПИТО.** Ф. П-1986. Оп. 1.
18. **ГАСПИТО.** Ф. П-7843. Оп. 1.

19. **Зыбко Н. П.** Тамбовская партийная организация в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918-1920 гг.). Тамбов: Книжное издательство, 1961. 40 с.
20. **Иванов Д. П.** «Антоновские» и «неантоновские» села в крестьянском восстании в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. // Альтернативы XX века: Россия и мир в поисках идеального сценария исторического развития: сб. трудов молодых ученых. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 63-75.
21. **Иванов Д. П.** Мотивы участия крестьян в Тамбовском восстании 1920-1921 гг. // Крестьянский фронт, 1918-1922 гг.: сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 330-349.
22. **Иванов Д. П., Канищев В. В.** Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920-1921 гг.: учеб. пособие. Тамбов: Центр-Пресс, 2011. 55 с.
23. **Очерки истории Тамбовской организации КПСС.** Воронеж: Центр.-Чернозем. книжное изд-во, 1984. 503 с.
24. **Центр документации новейшей истории Тамбовской области:** путеводитель. М.: Просветительско-издательский центр «Звенья», 2002. 440 с.

FUNDS OF VOLOST COMMITTEES OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS AS A SOURCE ON HISTORY OF TAMBOV PEASANT REBELLION OF 1920-1921

Murav'eva Inna Ivanovna

*State Archive of Socio-Political History of Tambov Region
muravyova@arh.tambov.gov.ru*

The article examines the informational potential of the funds of the volost committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of the State Archive of Socio-Political History of Tambov region to study the backgrounds, course and consequences of 1920-1921 Tambov peasant rebellion. The documents have not been previously introduced into scientific use. By concrete examples the author shows the potentials of this historical source for scientific analysis of the peasant rebellion's regional peculiarities.

Key words and phrases: Tambov province; peasant rebellion; volost party organization; volost committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks; source study; historical source; peasantry.

УДК 94(470.326)“19”.001.7

Исторические науки и археология

В статье анализируются экономические итоги социализации земли. Делается вывод о том, что земельные отношения, сформированные под влиянием большевиков, наряду с политикой «военного коммунизма», привели к резкому падению площадей посевов, а затем и к сокращению валовой продукции в аграрном секторе. Данные процессы оказали негативное воздействие на динамику развития крестьянских хозяйств. Руководство страны стало рассматривать крестьянство как источник ресурсов для города. В статье изучается экономическое положение уездов, ставших очагом Антоновского восстания.

Ключевые слова и фразы: социализация земли; Антоновское восстание; деревня; урожайность; Тамбовская губерния.

Николашин Вадим Павлович, к.и.н.

*Мичуринский государственный аграрный университет
nikolashin.vadim@yandex.ru*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ И ИСТОКИ АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Проблема реформирования аграрного сектора увязана с общественно-политическими изменениями и социальными сдвигами в деревне. Данные процессы усложняются под воздействием военных действий. Накануне Антоновского восстания эти два фактора усиливали друг друга, приводили к расшатыванию вековых аграрных устоев.

В ходе Первой мировой войны крестьянство выступало основным донором военно-мобилизационных процессов. Кроме того, накануне Антоновского восстания градус конфликтности в тамбовской деревне возрастал под влиянием эскалации борьбы за землю и давления продотрядов, вызывая социальную напряженность в крестьянской среде. Экономические издержки от большевистской социализации земли обесценивали труд деревенского жителя. Общественно-политическая и социально-экономическая напряженность приводили к маргинализации крестьянства, предвеляя начало мощных социальных потрясений.

Социализация земли запустила цепную реакцию изменений в сфере управления, организации производства, социального развития, натурализации крестьянского хозяйства, дальнейшей «аграрной инволюции» [7, с. 17], т.е. выкачивания прибавочного продукта из деревни, но теперь уже не царскими чиновниками, а большевиками.

Экономическим итогом социализации земли в Тамбовской губернии стало падение урожайности ведущих сельскохозяйственных культур, а также сокращение площади посева. Результатом стало значительное падение валового производства.

Таблица 1.

Динамика урожайности ржи (в пудах с одной десятины) [2, д. 162, л. 1]

Уезды	1917 г.		1918 г.	1918 г. в % к 1917 г.	1919 г.
	крест. хоз-ва	частновлад. хоз-ва			
Тамбовский	50,9	56,7	35,2	69,2	41,0
Кирсановский	36,1	42,8	44,9	124,4	38,0
Козловский	45,4	54,9	31,9	70,3	41,0
Моршанский	32,9	41,8	40,3	122,5	45,0
Темниковский	32,2	40,0	26,9	83,5	35,0
Шацкий	29,1	42,0	31,3	107,6	43,0
Вся губерния	41,7	48,7	38,2	91,6	42,3

Данные, приведенные в Таблице 1, свидетельствуют о том, что урожайность ржи в 1918 г. в крестьянских хозяйствах снизилась в большинстве уездов и в целом по губернии. В 1919 г. данный показатель также не смог достичь дореволюционного уровня частновладельческих хозяйств. Особенно значительное снижение урожайности ржи в крестьянских хозяйствах в 1917-1918 гг. произошло в Тамбовском и Козловском уездах – соответственно на 30,8% и 29,7%. Напротив, в Кирсановском и Моршанском уездах наблюдался рост урожайности зерновых на 24,4% и 22,5%.

По нашему мнению, резкое падение урожайности ржи в 1918 г. связано с рядом причин. Во-первых, исчезли высококультурные помещичьи хозяйства. Их отдали под разверстку крестьянским общинам и коллективным хозяйствам. Но если в Тамбовском и Козловском уездах площадь земель под частновладельческими именными в 1917 г. составляла соответственно 21,6% и 18,3%, то в уездах, где наблюдался рост урожайности ржи, этот показатель составлял 23,6% и 33,4% [1, д. 1, л. 1]. То есть земли, обрабатывавшиеся лучшей агротехникой и хорошо удобрявшиеся, перешли в руки крестьян.

Во-вторых, на урожайности ржи отразились природные условия. 10 октября 1918 г. на заседании Козловского уездного земельного съезда делегат Васильев сообщал, что в уезде было «много озимого хлеба, пораженного червем» [3, д. 368, л. 4 об.]. Основную массу этих зерновых составляла рожь.

В-третьих, ритм сельскохозяйственных работ был нарушен заболеванием трудоспособного населения. На Козловском уездном земельном съезде 10 октября 1918 г. отмечалось, что «в районе свирепствует испанская болезнь, и некоторые граждане едва ли успеют обработать землю» [Там же].

Показатели урожайности ржи в Кирсановском уезде в 1918 г. оказались выше средних среднестатистических данных по сравнению с показателями частновладельческих хозяйств 1917 г. Видимо, здесь оказали влияние социально-экономические факторы. В данном уезде могли выразиться особенности состава местного сельского населения, отличавшегося высоким удельным весом бывших однодворцев, хозяйственно инициативных и самостоятельных в своих действиях. Однако уже в 1919 г. повышение урожайности в уезде сменяется заметным ее спадом, что вполне вписывается в общий контекст повстанческого крестьянского движения во главе с А. С. Антоновым, основным ареалом которого стал Кирсановский уезд.

В 1918-1919 гг. тамбовские крестьяне не имели существенных стимулов повышать производительность труда, что вело к натурализации аграрного производства, сокращению доли товарных культур в севооборотах. Тамбовская деревня «замыкалась», «отмежевывалась» от внешнего мира.

Обратимся к структуре возделываемых крестьянами сельскохозяйственных культур, изучению динамических изменений, которые больше дают для понимания мотивов экономического поведения крестьян в экстремальных условиях того времени. Эти данные отображены в Таблице 2 по тем же самым источникам и для тех же 56 волостей четырех указанных уездов, бесспорно, отражавших и даже определявших общее экономическое состояние тамбовской деревни.

Таблица 2.

Динамика площади посева основных сельскохозяйственных культур в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии в 1917-1920 гг. (в дес.) [3, д. 368, л. 4 об.]

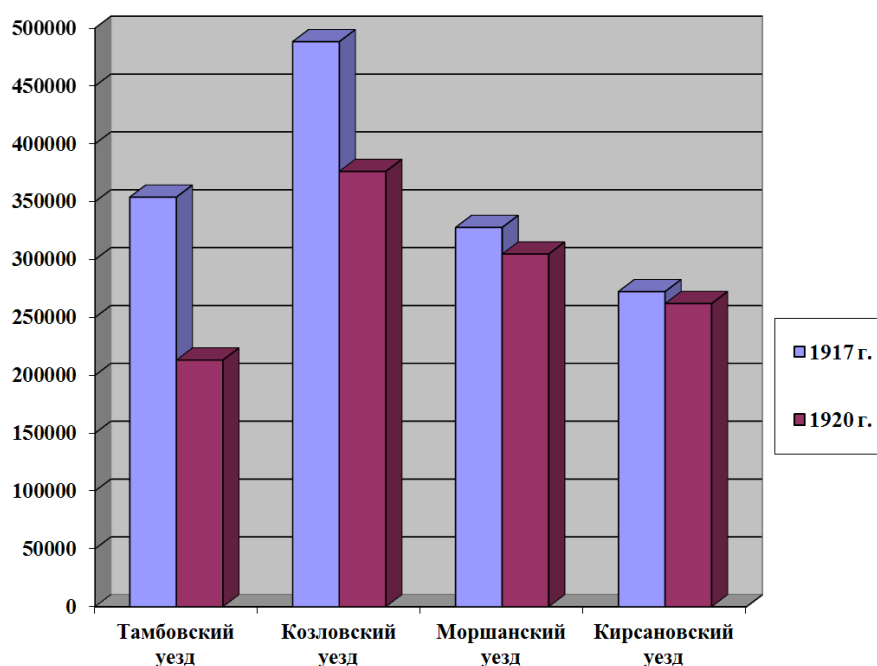
Уезды/годы	Озимая рожь	Овес	Просо	Картофель
Тамбовский				
1917 г.	112347	70783	34521	10041
1920 г.	97908	19215	63445	4515
Кирсановский				
1917 г.	86908	40238	32671	1493
1920 г.	82288	17737	54765	1637
Козловский				
1917 г.	157871	93730	53594	14399
1920 г.	119916	11819	74958	4904
Моршанский				
1917 г.	99867	58931	35761	11215
1920 г.	94210	24554	58770	4674

Из табличных данных можно сделать вывод, что в 1920 г. по сравнению с 1917 г. появились недосевы сельскохозяйственных культур. Резко сократилась общая площадь пашни. В Козловском уезде площадь пашни под озимой рожью за три года снизилась на 24%, в Тамбовском – на 13%, в Кирсановском и Моршанском – на 5-6%. Площадь посевов овса по уездам упала от 41,6% в Моршанском уезде до 12,6% в Козловском уезде от дореволюционного показателя. Это было связано с тем, что рожь по-прежнему занимала важнейшее место в рационе питания крестьянской семьи, тогда как овес был предметом сбыта на рынке. Повсеместный рост производства проса обусловлен тем, что пшенная каша в этот период была одним из основных продуктов питания крестьян и какое-то время не являлась объектом продрозверстки.

Динамика изменения всех посевных площадей в 1917-1920 гг. в Тамбовском, Козловском Моршанском и Кирсановском уездах представлена на Диаграмме.

Диаграмма

Динамика изменения общих посевных площадей в 1917 и 1920 гг. (в дес.)

Данные, приведенные в Диаграмме, демонстрируют, что Козловский и Тамбовский уезды, срединные по своему географическому местоположению, сильнее других уездов подверглись влиянию аграрной и продовольственной политики большевиков. В 1917-1920 гг. произошло сокращение посевных площадей в среднем по уездам Тамбовской губернии на 22,6% [6, с. 99].

Характеризуя положение крестьянских хозяйств накануне «антоновщины», необходимо отметить влияние на аграрное производство таких факторов, как трехпольный севооборот, дефицит семенного фонда и инвентаря, неэффективное землеустройство (длинноземелье, узкоземелье, дальнотемелье) и ряд других.

Накануне Антоновского восстания под воздействием аграрной и продовольственной политики продолжали развиваться негативные процессы в динамике крестьянских хозяйств. В уездах Тамбовской губернии не претерпели изменения 74,5-87% крестьянских хозяйств. Уезды с сильными общинными традициями, будущие очаги Антоновского восстания, такие как Моршанский и Кирсановский уезды, продемонстрировали максимальное стремление к уравнительному распределению земли. В них осуществлялись изменения в сравнении с данными переписи за 1917 г. соответственно в 23% и 19% дворов [2, д. 234, л. 7]. Значительное число крестьянских дворов либо соединялось, либо разъединялось.

Крестьянские хозяйства, согласно статистическим данным, ликвидировались редко. В целом к 1920 г. ликвидировалось в различных уездах от 2 до 12,3% крестьянских хозяйств [1, д. 304, л. 7]. Наибольшая доля ликвидированных хозяйств наблюдалась в Моршанском, Спасском и Козловском уездах, где сформировалась сложная эколого-демографическая ситуация.

Таким образом, социализация земли, наряду с продовольственной политикой большевиков, сформировала условия для возникновения на территории Тамбовской губернии «антоновщины». Впоследствии руководитель полномочной комиссии ВЦИК в Тамбовской губернии В. А. Антонов-Овсеенко в качестве одной из причин Антоновского восстания называл крестьянскую «неудовлетворенность от владения маленьким земельным участком и диктатурой пролетариата» [4, с. 213].

Социализация земли создала предпосылки для возникновения на территории Тамбовской губернии повстанческого крестьянского движения. Это происходило в силу ряда причин. Во-первых, уравнильное

распределение земли затронуло часть среднего и зажиточное крестьянство, что обострило ситуацию в ряде уездов Тамбовской губернии. Во-вторых, продразверстка, которая начислялась по едокам, напрямую зависела от величины посевов. Крупные семьи, обладавшие значительными природными ресурсами, в большей степени ощущали на себе тяжесть налогового бремени, нежели их малоземельные соседи. К тому же «военный коммунизм» закрывал дорогу на рынок более сильным и обеспеченным хозяйствам. В этих условиях крестьяне «антоновских» волостей и сел, не имея возможности решить проблему другим способом, восстали против коммунистов. «Антоновскими» в восстании стали волости и поселения, обладавшие значительными природными ресурсами для товарного земледельческого хозяйства. Таким образом, для тамбовских крестьян вопрос пользования землей, который регулировался «Основным законом о социализации земли», в 1917-1921 гг. стал ключевым. В-третьих, земельная политика большевиков и продовольственная действовали «в унисон». Крестьяне оказывались между молотом и наковальней. В частности, в коллективные хозяйства им приходилось вступать под воздействием продразверстки, когда у них изымалось последнее зерно. В-четвертых, коллективные хозяйства, возникшие после утверждения «Основного закона о социализации земли», с одной стороны, стали проводниками советской аграрной политики в деревне, с другой – выступали раздражителем для крестьян. Тамбовские земледельцы в них работали за более чем скромное натуральное вознаграждение, а иногда и совершенно бесплатно выполняли трудовую и гужевую повинности. Это также вызывало резкое неприятие у населения. В-пятых, общественная запашка, ставшая реальностью в 1918 г. после утверждения «Основного закона о социализации земли» как результат образования «запасного земельного фонда» после уравнительного распределения земли и появления незапаханных участков, также формировала оппозиционные настроения у крестьянства.

Таким образом, глубинные причины «антоновщины» крылись не только в жесткой продовольственной политике большевиков, но были связаны с целым комплексом мероприятий в сфере поземельных отношений. Руководство страны стало рассматривать крестьянство как экономического донора для города. Тамбовская деревня на этот счет имела свое мнение, трансформировав свою пассионарную энергию в активную антисоветскую борьбу.

Вспыхнувшее Антоновское восстание стало проявлением системного кризиса как в России в целом, и в Тамбовской губернии в частности. Оно выражало массовый крестьянский протест против сложившейся экономической и общественно-политической модели отношений власти и деревни. Крестьяне выступали не против советской власти, по их мнению, давшей землю, а против политики военного коммунизма, которая в массовом крестьянском сознании целиком отождествилась с голодом, несправием, насилием. Руководство страны просчиталось, рассматривая крестьянство не как субъект, а как объект экономической и политической сфер жизни.

Список источников

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 143. Оп. 7.
2. ГАТО. Ф. Р-761. Оп. 1.
3. ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1.
4. Корчагова М. Н. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе (историографический обзор) // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 205-215.
5. Поуездные итоги сельскохозяйственной переписи Тамбовской губернии в 1917 г. (население, скот, посев, сельскохозяйственный инвентарь). Тамбов, 1921. Вып. 1. 15 с.
6. Тамбовская энциклопедия / гл. науч. ред. Л. Г. Протасов. Тамбов: Юлис, 2004. 708 с.
7. Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона; пер. С. А. Белова. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. С. 5-22.

ECONOMIC RESULTS OF LAND SOCIALIZATION AND ORIGINS OF ANTONOV'S REBELLION

Nikolashin Vadim Pavlovich, Ph. D. in History
Michurinsk State Agrarian University
nikolashin.vadim@yandex.ru

The article examines economic results of land socialization. The author concludes that land relations established under Bolsheviks' influence along with "military communism" policy resulted in sharp decrease of planting acreage and later on in reduction of gross production in the agrarian sector. These processes influenced negatively the dynamics of peasant economy development. The country's leadership tended to consider peasantry as a source of labour resources for the town. The paper analyzes the economic situation in districts, which became the center of Antonov's rebellion.

Key words and phrases: land socialization; Antonov's rebellion; village; yield; Tambov province.

УДК 316.323.72

Исторические науки и археология

Рассматриваются социально-экономические и политические предпосылки Антоновского восстания. Делается вывод, что российское общество к середине 1920-го года находилось в состоянии системного кризиса, который проявлялся в разрушении экономической основы государства и полном обнищании населения. Кризис являлся следствием несостоятельности экономической политики государства и привел к росту политической напряженности между государственными структурами и населением, в первую очередь крестьянством. Реакция крестьянства выразилась в вооружённом протестном движении.

Ключевые слова и фразы: экономика; политика; «военный коммунизм»; продразвёрстка; кризис; восстание; нэп.

Никулин Виктор Васильевич, д.и.н., профессор
Тамбовский государственный технический университет
viktor.nikulin@mail.ru

**КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВА.
К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРЕДПОСЫЛОК АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ**

Каждое общество в своем развитии проходит ряд критических моментов, когда в наибольшей степени обостряются все его противоречия и наступает момент исторического выбора. Именно такой момент наступил для советской России во второй половине 1920 – начале 1921 г. Руководство вынуждено было признать несостоятельность предпринятых ранее попыток непосредственного перехода к социализму на основе «военного коммунизма». Это признание вытекало из сложившейся кризисной ситуации в стране. Кризис носил системный характер и включал в себя несколько внутренних кризисов: экономический, социальный, политический, идеологический, организационный.

Семь лет страна находилась в состоянии войны, прошла через две революции, впала в разруху, пережила периоды жесточайшего голода и эпидемий. Страна лежала в руинах. Нормальные экономические отношения были заменены политикой «военного коммунизма», в основе которой лежал принцип «всеобщего распределения». Была полностью разрушена финансовая система. В полном смысле экономический коллапс переживала российская деревня, которая в наибольшей степени испытывала на себе страшные последствия «военного коммунизма», поэтому кризис здесь отличался особой остротой. Право крестьян на землю, данное им после октября 1917 года, оказалось призрачным, так как крестьяне были лишены права распоряжаться продуктами своего труда, отобранными в ходе продразверстки.

Тамбовская губерния, регион с плодородной землей, значительными хлебными запасами, привлекал к себе продотряды, сюда ехали за хлебом. Уже к октябрю 1918 года в Тамбовской губернии, например, действовали 50 продотрядов из Петрограда, Москвы, Череповца и других городов общей численностью до 5 тысяч человек [6, с. 10]. Такого размаха конфискаций не знала никакая другая губерния. Положение крестьян было отчаянным. Общая посевная площадь уменьшилась на 25%, урожайность ржи – с 66 пудов с десятины до 18 пудов. Количество рабочего скота сократилось на 40%, количество безлошадных крестьян достигло 54%, вообще без всякого скота – 23% [3, д. 7, л. 3 об.].

Несмотря на жесточайшее проведение продразверстки, сбор зерна в 1921 г. не был обеспечен. Из 36 млн пудов чрезвычайного налога, наложенного на Тамбовскую губернию, к августу 1920 года поступило лишь 35% от задания. Несмотря на тяжелейшую ситуацию, из Центра шли жесткие указания об изъятии хлеба любой ценой. Настроения крестьян радикализировались на фоне беспрецедентных по жесткости действий продотрядов. Инструкции продотрядам требовали от них применения жестких мер принуждения. К примеру, в одной из таких инструкций говорилось: «Сход должен проводиться так, чтобы население и местная власть поняли, что разверстка есть закон. Столь же непреложен, как и закон природы. Если село к сроку не выполнило разверстки – арестовать немедленно весь Совет, конфисковать у членов Совета все имущество, забрать бесплатно весь хлеб с данного села, не оставив ни одного зерна, угнать на бойню весь скот, арестовать всех кулаков, отправив их в рабочий батальон» [Там же, д. 234, т. 1, л. 107-108]. Попытки местных властей в отдельных случаях как-то сдерживать агрессивность продкомиссаров наталкивались на жесткое противодействие. Облеченные чрезвычайными полномочиями, они даже не реагировали на распоряжения местных властей, а зачастую сами подвергали арестам ее представителей.

Особенно сложно проходила продразверстка 1920-1921 гг. Хозяйства крестьян достигли крайней степени истощения и не могли объективно выполнить разверстку, которая оставалась чрезвычайно высокой. Для Тамбовской губернии, несмотря на поразившую губернию засуху, она определялась в 11,5 млн пудов. Перед крестьянами возникла элементарная проблема физического выживания. Надвигался голод. У крестьян был утрачен всякий стимул к расширенному воспроизводству, результатом чего стало резкое сокращение хозяйств. Если в 1918 г. в Тамбовской губернии на одно хозяйство приходилось в среднем 4,3 десятины посева, то в 1920 г. – лишь 2,8 десятины [5, с. 50].

Очевидно, что поля засеивались в размерах, необходимых только для обеспечения личного потребления. На местах стали саботировать разверстку. Из Усмани сообщали, что сельсоветы категорически

отказываются даже сделать разверстку по хозяйствам, говоря: «Мы вам отдадим последний кусок, но разверстки делать не будем, потому что ни Петр, ни Иван выполнить ее не могут, а за это у него уведут последнюю корову» [3, д. 197, л. 21].

В такой ситуации хлеб можно было взять только силой. И власть усиливала нажим на крестьян. Продотряды были переведены на военное положение. Во всех этих действиях легко усматривается главенствующий принцип – «революционная целесообразность», взять хлеб любой ценой. Объективные условия (засуха, неурод) не принимались во внимание и только вели к умножению усилий властей по изъятию хлеба. Указания на обеспечение законности действий продотрядов совпадали с пониманием «целесообразности» и на действия продотрядов практически не влияли. Определяющая задача – максимальное выполнение разверстки – делала невозможным для крестьян использовать правовые средства для защиты своих интересов: апелляции, жалобы, обращения в суд и т.п. Пожалуй, законность присутствовала лишь в деятельности революционных трибуналов, которые безжалостно карали крестьян «за сокрытие хлебных излишков». Оправданием суровой бескомпромиссности и даже жестокости служила угроза голода для миллионов людей, а также условия войны, на фронтах которой решались судьбы революции. Поэтому официальная идеология определяла смысл борьбы за хлеб как борьбу за социализм, трактовала крестьянские протесты против насилия как «кулацкие», а попытки вооруженного сопротивления как «бандитизм». При угрожающем положении всеобщего голода организационная беспомощность властей в значительной степени нивелировала экономические результаты продразверстки. Огромное количество продуктов не доходило до городов, расхищаемое, сгнившее, замороженное в железнодорожных тупиках. Размеры спекуляции были чрезвычайными, «так как город ничем практически не снабжается на законном основании и живет, исключительно спекулируя и потребляя продукты спекуляции» [2, д. 188, л. 95]. В целом же по стране через черный рынок шло более 80% продуктов.

В конечном итоге продразверстка ко второй половине 1920 года «уперлась» в экономический и политический тупик, с одной стороны, не обеспечивала город необходимым количеством хлеба, с другой – порождала политическую радикализацию крестьянства. В 1918-1919 гг. было собрано 100 млн пудов, в 1919-1920 гг. – 250 млн пудов, но при этом рабочий, получавший по высшей норме (литер «А»), вел голодное существование. В получаемых продуктах по карточкам содержалось 1200-1900 калорий, а человек, который лежит, не работает, должен получать как минимум 2000 калорий. Минимальная норма для рабочего составляла 3000 калорий. Происходило физическое вырождение рабочего класса, существующая система не позволяла обеспечить даже минимального питания [4, с. 237]. Ленин вынужден был признать ошибочность расчетов на «военно-коммунистические» методы. «Мы сделали ту ошибку, что решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное количество хлеба, а мы разверстаем его заводам и фабрикам, – выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [7, с. 157].

Естественно, что продовольственная политика, методы ее осуществления в особенности, толкали крестьян на крайние формы протеста. Крестьяне поначалу отвечали на действия властей саботажем – самой распространенной формой пассивного сопротивления. По мере же возрастания репрессий деревня переходила от оппозиции к методам крестьянской войны: террору против коммунистов и советских работников, разгрому совхозов и колхозов, к партизанским приемам борьбы.

Волна локальных восстаний в губерниях Центрального Черноземья, с самого начала носивших откровенно антисоветский характер, начинается с 1918 года. В 1918-1920 гг. отмечаются восстания в Воронежской, Орловской, Курской губерниях. В 1918 г. в Тамбовской губернии в крестьянских восстаниях против насилия со стороны продотрядов и комбедов приняло участие до 40 тысяч человек [6, с. 10]. Локальные восстания, то затухая, то вновь разгораясь, продолжались вплоть до 1920 г., в конечном итоге трансформировались в крестьянскую войну. Крестьянская война в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. явилась прямым результатом «военно-коммунистической» политики советской власти, прежде всего – продовольственной. До осени 1920 г. руководство губернии не придавало особого значения движению, полагая, что это «мелочь», которая не требует особых усилий для своего разрешения. И если в начале движение характеризовалось не иначе как «бандитизм», то вскоре пришлось констатировать наличие «поголовного крестьянского восстания, а не бандитизма» [2, д. 510, л. 57].

Признав, что налицо крестьянское восстание, власти тем не менее причины восстания пытались свести к антисоветской деятельности партии эсеров (ПСР). Влиянию и руководству ПСР во многом приписывали размах движения руководители борьбы с «антоновщиной», что было средством оправдания террора и преследования политических оппонентов, подавления антибольшевистских настроений в обществе. И все же властям пришлось признать тот факт, что в основе крестьянского восстания лежат объективные причины: продовольственная политика, методы ее осуществления, а само восстание носит ярко выраженный социально-политический, антиправительственный характер. Председатель Воронежской ЧК Кандыбин дал такую оценку восстанию: «Крестьянство, участвуя в мятежах, выступало с определенным протестом и политическим требованием. Это был не просто уголовный бандитизм с политической окраской в грубой форме, а широкое движение крестьян. Главнейший стимул, который действовал на крестьян как красный платок на быка – продразверстка» [1, д. 448, л. 87].

Стихийный характер выступлений крестьян подтвердил и председатель Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом В. А. Антонов-Овсеенко, который в своем докладе отметил, что Антоновское восстание есть ответная реакция крестьян на действия продорганов, беззакония и произвол, творившиеся ответниками разных рангов по отношению к крестьянскому населению [6, с. 125-126, 229-231].

Это было признание того факта, что так называемые «злоупотребления продразверстки» приняли повсеместный характер и на всех уровнях властной иерархии и носили характер всеобщего насилия и беззакония. Постоянные угрозы, аресты, взятки, реквизиции породили полное недоверие крестьян к государственным структурам и к РКП(б). Можно утверждать, что во второй половине 1920 года недоверие к советской власти

переросло в грозное озлобление крестьянства ко всем распоряжениям советской власти. Из всех уездов Тамбовской губернии сообщали о готовности крестьян выступить против властей в любой момент. На местах принимались откровенно антисоветские резолюции и заявления. В Усмани Тамбовской губернии на уездный съезд профсоюзов было избрано всего три коммуниста. Съезд с первых же заседаний принял враждебное компартии направление. Тамбовский губком констатировал, что проведенные в феврале 1921 г. беспартийные конференции обращались часто против партии [2, д. 598, л. 37]. В таких условиях предел терпения крестьян иссяк, и они взялись за оружие, чтобы насильем ответить на насилье.

Крестьяне хотели свободы торговли, поэтому естественным было введение на контролируемой повстанцами территории свободы торговли, что сразу же привело к изменению экономической ситуации, в частности к заметному снижению цен. В зоне восстания цены на лошадь, муку, овес были в 2-3 раза ниже, чем в районах, не затронутых восстанием [3, д. 269, л. 63]. Данным обстоятельством не преминули воспользоваться крестьяне, которые продавали истощенную от голода лошадь и ехали покупать новую в районе, где действовали повстанцы.

К февралю 1921 г. повстанческое движение достигло наибольшего размаха. К этому же времени советская власть оценила всю опасность положения, осознала вероятность распространения восстания на соседние губернии, реальную угрозу существования самой власти и начала не только подавлять восстание, но и анализировать причины и последствия. Ситуация складывалась таким образом, что политика устрашения объективно вела к утрате власти большевиками. В сочетании с другими факторами (восстания крестьян в Поволжье, на Дону, в Сибири, Кронштадт, волнения среди рабочих, начавшиеся «дрязги» в самой «правящей» партии) крестьянское восстание в Тамбовской губернии могло привести к взрыву всей системы советской власти. Не случайно в начале 1921 г. в Тамбове появляются два эмиссара Москвы – Н. И. Бухарин и А. В. Луначарский. Первый участвовал в работе X губернской партконференции (28-30 января 1921 г.), второй – VII губернского съезда Советов (31 января – 4 февраля). Они пытались выяснить действительные масштабы и характер «антоновщины», оценить реальность угрозы, исходившей от крестьянского движения. Увидели они и то, что губернское руководство, раздираемое распрями, не способно справиться с положением [6, с. 15]. Выводы были сделаны далеко идущие. Определенно можно сказать, что события на Тамбовщине сыграли не последнюю роль в принятии решения о замене разверстки продналогом.

Таким образом, начиная с середины 1918 года и по начало 1921 года Тамбовская губерния, как и остальные крестьянские губернии, была охвачена массовым крестьянским движением, направленным против проводимой советской властью в деревне «военно-коммунистической» политики. Оно принимало различные формы: от отдельных локальных выступлений до крупных восстаний, каковым было Тамбовское восстание, по своим масштабам и политическим последствиям явившееся событием большой общероссийской значимости.

Можно констатировать, что объективная основа крестьянского движения в Тамбовской губернии была единой с общероссийским крестьянским движением в годы Гражданской войны. Так же как и в других регионах, на Тамбовщине оно было вызвано доведением крестьянства до состояния безнадежности. Опираясь на примитивную модель управления, где главной была наиболее простая форма управления – насилье, большевики утратили доверие со стороны большей части населения и находились на грани утраты власти. Реальную поддержку правительству оказали лишь преторианская гвардия, часть рабочего класса и партийно-государственная номенклатура. Экономически разрушенная, политически нестабильная, отягощенная региональными проблемами страна требовала перемен. Все более ясным становилось, что методами «военного коммунизма» возродить страну невозможно. Главным препятствием на пути хозяйственного возрождения, достижения политической стабильности было отсутствие единства интересов всех слоев общества. Отсутствие эффективного хозяйственного механизма порождало острые и открытые формы проявления противоречивости интересов в экономической сфере, что приводило к политическим кризисам.

Крестьянские восстания не были инспирированы никакими антибольшевистскими силами. Они явились закономерным результатом стихийного недовольства крестьян продразверткой, в целом политикой советской власти. Это был мощный социальный взрыв, закономерный итог политики «военного коммунизма», которая потерпела полный крах и в экономической, и политической сферах, породив вместе с разрушительным воздействием войны один из самых серьезных кризисов за всю историю страны.

Руководство искало выход из создавшегося тупика. И он был найден в новой экономической политике. В феврале, за месяц до X съезда партии, отменялась продразверстка и разрешался местный торговый обмен продуктами сельского хозяйства в Тамбовской губернии, ввиду продолжавшегося там крестьянского восстания. Обращение к тамбовскому крестьянству по этому поводу было распространено от имени губисполкома и губкома РКП(б) 9 февраля 1921 года, дабы не тиражировать его по всей стране, если бы оно исходило от высших органов власти. В обращении говорилось: «Учитывая всю тяжесть положения, в котором находится сейчас тамбовский крестьянин, и учитывая также, что большая часть разверстки выполнена, и те остатки, которые есть у некоторых кулаков, сравнительно ничтожны, Народный Комиссариат по продовольствию постановил: прекратить дальнейшее взимание хлебной разверстки в Тамбовской губернии... Немедленно по получении сообщения прекратить собирание хлебной разверстки и снять все продотряды» [8, с. 299-300].

Но ограничиться одной губернией уже не было возможности. Общий кризис достиг апогея. Это был тугий узел проблем, разрубить который можно было только решительной мерой в масштабе всей страны. И такой мерой стала резолюция X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом». Резолюция съезда оказалась переломной в ходе формирования нового хозяйственного механизма, способствовала преодолению политического и экономического кризисов. «Крестьянский Брест» спас власть от разрушения. В политическом смысле нэп – передышка, необходимая для решения ключевой политической задачи: удержать, укрепить и максимально эффективно использовать политическую власть.

Крайности политики «военного коммунизма», жестокое подавление восстания оставили глубокую, долго не заживавшую рану в душе крестьян, что проявлялось на протяжении всего периода нэпа. Подозрительность сторон, затаенная злоба, «глухое» недовольство оставались характерными чертами общественно-политических настроений крестьян. Даже отмену продразверстки они встретили скептически, полагая, что власть отступила только на время, усматривая в действиях властей тайный умысел. Можно говорить, что тамбовское крестьянство в 1920-е годы находилось в оппозиции власти. Это была не открытая оппозиция, но ошутимая. Поэтому местной власти приходилось действовать в более сложных условиях, чем в других регионах.

К концу Гражданской войны Россия, прежде всего на региональном уровне, представляла собой «государство в хаосе», то есть такое, в котором социальное, экономическое, политическое и психологическое напряжение достигло крайней формы. Это было полностью «дезорганизованное общество», что подтверждает и массовое антиправительственное движение в различных регионах страны, в том числе и в Тамбовской губернии. Все это свидетельствовало о состоянии системного кризиса общества, который вынудил власть интенсивно искать выход из него, на время отказаться от идеологических догм и ускорить переход к новой экономической политике.

Список источников

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 1. Оп. 1.
2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИ ТО). Ф. 840. Оп. 1.
3. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1.
4. Девятая Всероссийская конференция РКП(б). 22-25 сентября 1920 года: стенографический отчет. М.: Госиздат, 1921. 392 с.
5. Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 47-57.
6. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («антоновщина»): документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994. 334 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1970. Т. 44. 710 с.
8. Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918- 1921 гг.: сборник документов и материалов. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1989. 378 с.

PEASANT REBELLIONS AS A MANIFESTATION OF SOCIETY SYSTEM CRISIS. ON THE ISSUE OF SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL PREREQUISITES OF ANTONOV'S REBELLION

Nikulin Viktor Vasil'evich, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
victor.nikulin@mail.ru

The article deals with socio-economic and political prerequisites of Antonov's rebellion. It is concluded that by the middle of the 1920s the Russian society was in the system crisis condition, which manifested itself in destruction of the economic basis of the state and complete impoverishment of the population. The crisis was a consequence of failure of the economic policy of the state and led to increase in political tensions between the state structures and the population, first of all, the peasantry. Reaction of the peasantry was expressed in the armed protest movement.

Key words and phrases: economy; policy; "war communism"; surplus-appropriation system; crisis; rebellion; New Economic Policy.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена событиям на Тамбовщине в 1920-1921 гг., которые к настоящему моменту вызвали к жизни весьма значительную историографию и корпус документальных публикаций. Вместе с тем многие сюжеты остаются непроясненными, дискуссионными, требуют дальнейшей разработки. В работе предлагаются перспективные и важные, на взгляд автора, исследовательские сюжеты, реализация которых позволит получить новые знания по истории Тамбовского восстания.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война 1918-1922 гг.; крестьянство; восстание; Тамбовская губерния; историография.

Посадский Антон Викторович, д.и.н., доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов
Posadav68@mail.ru

ТАМБОВСКОЕ ВОССТАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Предлагаемый читателю материал написан в порядке постановки ряда проблем, не получивших освещения в историографии Тамбовского восстания, обрисованных слишком односторонне или неполно.

Крестьянское движение во многом определяется особенностями хозяйственного развития той или иной местности. Очень важным представляется наблюдение Ф. И. Белелюбского: он призвал различать способы саморегуляции работников патриархального хозяйства и крестьян – свободных товаропроизводителей. На одни и те же вызовы они отвечают по-разному. «Например, махновцы и антоновцы сражались в одно время. Но первые – патриархальные, ставшие безземельными крестьяне, батраки из помещичьих экономий Южной Украины. В их общине есть дуван, раздел добычи, общая казна. Вторые – самостоятельные мужики, мелкие хозяева. У них нет общей казны, у них иные социальные цели. Это два разных стадийных типа крестьян с разным социальным поведением» [6, с. 452-453]. А. М. Анфимов заметил, что в Тамбовской губернии кулаки не шли на отруб, оставались в общине, в отличие от соседних черноземных губерний, и сохраняли свое влияние на основной массив крестьянства [1, с. 208-209]. Эти важные наблюдения могут быть развиты для понимания механизмов вовлечения тамбовской деревни в повстанческое движение и восходящих траекторий лидеров этого движения.

Справедливо считается, что изучение восстаний, народных движений всегда наталкивается на проблему скудости или отсутствия письменных источников восставшей стороны. Практически неизбежно приходится изучать эти движения в логике их подавления, в логике тех, кто боролся с восставшими. Естественно, это само по себе создает известные аберрации. Однако есть и иная проблема – проблема реальных связей и планов восставших. Историк зачастую способен увидеть только то, что реализовалось, судить о действиях, но лишь на ощупь может подбираться к планам и замыслам, не оставившим письменных следов. Поэтому актуальным остается и поиск новых источников по истории восстания. Таковыми могут выступать оперативные и следственные дела антоновцев по мере расширения доступа к таковым. Опыт показывает, что свои плоды может приносить и поисковая работа. Об этом свидетельствуют интересные опросы последних свидетелей восстания, проведенные А. В. Власовым [2, с. 496-518], полевая работа А. О. Булгакова в балашовском Прихопёрье [4, с. 587-593], например.

В свое время В. А. Степынин диагностировал на материале крестьянских выступлений 1905-1907 гг. в черноземных губерниях феномен усталости. Активно выступившее село не выступало повторно. Выступление было делом затратным и рискованным, влекло за собой репрессии властей. Поэтому вопрос о согласованности крестьянских выступлений не только вопрос солидарности и коммуникации, но и ресурсная проблема. Очевидно, что этот механизм актуален и для событий 1918-1921 гг. В ноябре – декабре 1918 г. активно, массово и ожесточенно выступили многие селения Тамбовского и Моршанского уездов. Повстанцы пытались соединиться с Донской армией. В антоновском движении Тамбовский уезд активен, Моршанский же – не входит в тройку «антоновских» уездов. Козловский уезд стал пионером крестьянского восстания в сентябре 1917 г., породив мощную волну выступлений. Однако в антоновском выступлении он весьма обособлен, крупные фигуры здесь – Бучнев-«Лобан» и Никитин-Королев-«Карась» – весьма условно входили в партизанскую армию, предпочитая обособленность. Данная картина нуждается в объяснительной схеме.

В Лебединском уезде в 1920 г. оперировала банда некоего Кучерова, который был начальником уездной милиции до перехода на повстанческое положение. Очевидная аналогия с известным эпизодом из судьбы А. Антонова ставит вопрос о знакомстве и координации действий. Кучеров убит своими подчиненными, которые сдались с его телом как доказательством лояльности. Известно также, что один из повстанческих главарей Лебединского уезда, Уткин, был убит в результате чекистской операции тем же Санфириковым, который застрелил в июне 1922 г. братьев Антоновых. Это также косвенно свидетельствует о каких-то связях лебединских повстанцев со штабными структурами антоновских повстанцев.

В советской историографии развивался сюжет о том, что рейды антоновцев в соседние губернии – Пензенскую и Саратовскую – не вызвали в них массового восстания, что доказывало историческую обреченность «антоновщины». Вместе с тем рейдирующие отряды вряд ли рассчитывали на массовое присоединение к себе местных крестьян. Но даже в относительно мирном Сердобском уезде Саратовской губернии летом 1921 г. только местные крестьяне выловили более 1000 местных же крестьян-повстанцев. Вопрос: насколько они были интегрированы в антоновское движение, понимали ли себя как антоновцы?

В «неантоновских» уездах на севере Тамбовской губернии, по чекистским данным, имелись агенты Антонова. Темниковский уезд объявлен 29 сентября 1920 г. на военном положении. Остается гадать, реальная ли это связь своего рода повстанческого «резидента», или она приписана местному «контрреволюционно-му» лицу чекистами [3, с. 83 и далее].

Неоднократно описаны сюжеты прекрасной осведомленности повстанцев о планах противной стороны, о получении по подложным нарядам снаряжения и вооружения с красных складов. Это подразумевает достаточно эффективную систему разведки или же широкого сочувствия и соучастия советских инстанций в деятельности повстанцев. Данная картина также пока не нарисована.

Известно, что тамбовские и рязанские повстанцы обменивались ресурсами, меняли лошадей на оружие. Умный и не склонный к лишнему насилию лидер ряжских повстанцев Сергей Никушин ездил на встречу с А. Антоновым. Встреча состоялась, но никаких следов объединения усилий не наблюдается. Очевидно, Никушин не считал правильным поднимать большое повстанческое движение. Хотя Рязанщина позволяла, по своим настроениям и многотысячному дезертирству, масштабно развернуться волевому вождю. Никушин избрал другой путь. Он стремился с отрядом из нескольких человек «корректировать» местную советскую власть, готов был искать пути примирения. По соседству с тамбовскими повстанцами действовала повстанческая армия К. Вакулина – Ф. Попова, донские и воронежские повстанцы, в Аткарском уезде бывали махновские разведки. Насколько эти силы готовы были и реально способны координировать усилия – также самостоятельный исследовательский сюжет.

Массовое дезертирство, скорее, уклонение от службы в РККА, было основой сопротивления – повстанчества разных видов, «зеленого» движения. Так же было и на Тамбовщине. Десятки тысяч дезертиров

являлись потенциальным резервом для Повстанческой армии. Однако далеко не все они влились в ее состав. Параллельно с ростом инфраструктуры СТК (союзы трудового крестьянства) и Повстанческой армии оставались и «обыкновенные» дезертиры и, надо полагать, дезертирские отряды, система оповещения дезертирских сообществ. Некоторые борисоглебские сюжеты такого рода описывает, например, известный мемуарист Окнинский. С этими дезертирскими структурами как-то взаимодействовали, как мы можем предположить, СТК и вооруженные силы повстанцев.

В своих воззваниях Антонов звал к себе всех, звал красноармейцев из расквартированных в губернии частей. С. С. Маслов упоминает, например, о молодых туляках, которые пробирались к Антонову. Важен и такой сюжет: насколько строевые части партизанской армии были насыщены неместным элементом? В 1920-1921 гг. подобная ситуация бывала характерна для различных иррегулярных формирований, не исключая Революционно-Повстанческую армию Н. Махно.

Исчезновение одного из наиболее крупных вожakov – Ивана Кузнецова, который еще осенью 1921 г. командовал значительным отрядом, – также заставляет предполагать какую-то инфраструктуру поддержки, какие-либо связи как на территории Тамбовской губернии, так и за ее пределами. Пути многих уцелевших фигур антибольшевистского повстанчества вели в Польшу. Уходы в Польшу в 1920-м и позднее – отдельная значительная тема. Этот путь спасения прослеживается на примере Моторыгина – донца Хоперского округа, который сотрудничал с тамбовскими повстанцами. В 1921 г. некий Моторыгин, очевидно, тот, о ком идет речь, представлялся в Польше Б. В. Савинкову. Хотя в большинстве случаев вожак крепко привязан к родном району и старается его не покидать.

Изучение антоновского сопротивления оставляет в стороне низовых активистов, проявившихся на красной стороне. Таких как Н. Переведенцев или Ф. Блащенко. Они одной среды и одних поколенческих генераций с повстанцами. Как правило, с опытом Великой войны за плечами. Сопоставление одних и других, когда накопится для этого достаточный биографический материал, надо полагать, позволит увидеть нюансы в мотивациях участия в борьбе, в выборе стороны и рисунка судьбы.

Сравнение оперативных замыслов и тактических приемов антоновских армий и других организованных повстанческих формирований также представляется существенной научной задачей. Сборник в рамках проекта «Народные вожаки 1918-1922 гг.», находящийся в печати на момент подготовки настоящей статьи, посвящен биографиям народных вожakov. В нем есть и раздел, посвященный тамбовским командирам. Прежде всего, усилиями М. Ю. Зайцевой, сформирована база данных на командный состав партизанской армии, руководство союзов трудового крестьянства. Будучи достоверно выстроенной, иерархия командных кадров и динамика их изменений откроет новые горизонты для исследования как политической истории организованного повстанчества, так и собственно военной истории повстанческих формирований.

Еще один исследовательский сюжет – это взаимодействие повстанцев или в целом тамбовской деревни с белыми. Это тем более интересно, что речь может идти о взаимодействии с казачьими частями – осенью 1918 г. это донские армии, к которым стремились пробиться тамбовские и моршанские повстанцы, через неполный год – рейдирующие мамонтовцы. Часто говорится о важной роли рейда 4-го Донского корпуса в вооружении тамбовской деревни. В общем-то эта позиция остается умозрительной и требует конкретно-исторической проработки.

Биографический метод позволяет делать парадоксальные наблюдения. Принято считать, что антоновское окружение – это эсеры или, применительно к 1920-1921 гг., скорее, люди с эсеровским прошлым. Однако усилиями А. Н. Литовского выяснено, что один из командиров-долгожителей Повстанческой армии Шамов – многолетний тайный полицейский агент в эсеровской среде. Можно ли считать его эсером? Каковы его истинные убеждения? Вряд ли он вульгарный конформист, судя по активному участию в восстании. Возникает и другой вопрос: одиночен ли этот впечатляющий пример?

Тамбовское восстание определило круг повстанческих («злостнобандитских» в советской терминологии) красных и нейтральных сел. В уездах, не охваченных массовым движением, как Моршанский, известны группы селений с активной повстанческой позицией. М. Бернштам в свое время пытался увидеть связь между военным сопротивлением периода Гражданской войны и церковным неконформизмом более поздних времен. Как нам представляется, это также весьма перспективная тема. Насколько распространение катакомбных общин соответствует географии повстанчества 1920-1921 гг.? Насколько можно говорить о семейных, персональных пересечениях? Естественно предположить, что события коллективизации и раскулачивания, отчасти недалекий фронт уже в 1942-1943 гг. создавали предпосылки для оживления прежних политических позиций, местной вражды. Более или менее активные антоновцы попадали в качестве учетной категории под надзор ОГПУ – НКВД – НКГБ. Например, при формировании одной из стрелковых дивизий осенью 1941 было отсеяно, в числе прочих подобных категорий, 35 «участников банд Антонова» [5, с. 269].

Таким образом, учитывая накопленный материал по теме Тамбовского восстания, можно поставить целый ряд вопросов, которые позволят продвинуться дальше в изучении большой и многоаспектной темы.

Список источников

1. **Анфимов А. М.** Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 384 с.
2. **«Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры:** сб. статей и мат-лов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2015. 856 с.
3. **От ВЧК до ФСБ. История и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия.** Саранск, 2003. 369 с.

4. От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты: сб. статей и мат-лов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2014. 624 с.
5. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М.: Русская книга, 1992. 384 с.
6. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 751 с.

TAMBOV REBELLION: OPPORTUNITIES AND DIRECTIONS OF STUDY

Posadskii Anton Viktorovich, Doctor in History, Associate Professor
*Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration in Saratov*
Posadav68@mail.ru

The article is devoted to events in Tambov region in 1920-1921, which by now have brought to life very significant historiography and a corpus of documentary publications. However, many subjects remain unclarified, controversial, require further development. In the paper the author suggests considering promising and important, in his opinion, research subjects, implementation of which will allow obtaining new knowledge on the history of Tambov rebellion.

Key words and phrases: The Civil War of 1918-1922; peasantry; rebellion; Tambov province; historiography.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В борьбе с повстанцами коммунистическая власть опиралась на местное население. В статье изучается вопрос о том, какие группы населения предоставляли бойцов для ведения боевых действий против повстанцев, исследуется их послевоенная судьба. Рассмотрены особенности ведения боя с восставшими крестьянами, причины ожесточения, проявившиеся в этом противостоянии со стороны красноармейцев.

Ключевые слова и фразы: гражданская война; борьба с повстанчеством; Красная армия; колесниковщина; антоновщина.

Разиньков Михаил Егорович, к.и.н., доцент

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова
razinkov_mihail@mail.ru

КОМАНДИРЫ И УЧАСТНИКИ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ В БОРЬБЕ С КРЕСТЬЯНСКИМ ПОВСТАНЧЕСТВОМ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ И ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ (1918-1921 ГГ.)

Борьба с крестьянским повстанчеством оставила свой след в памяти красногвардейцев и красноармейцев. Очевидно, что для них повстанцы вписывались в образ врага, бои и карательные экспедиции против них воспринимались как боевые заслуги и постоянно подчеркивались в воспоминаниях и документах послевоенного времени.

Биографические сведения участников борьбы против повстанцев показывают, что набирались они зачастую из местного населения, возглавлялись местными же ответственными работниками, опытными в военном деле. Иногда основу таких формирований могли составлять бывшие отряды самообороны. Так, активный участник боевых действий против повстанцев 1919-1921 гг. Г. А. Фролов еще в 1918 г. сформировал в Боброве отряд в несколько сот сабель, подавляя восстания в селах Чигла, Курлак, Тишанка. Его заслуги были отмечены двумя орденами Красного Знамени [4, д. 961]. Г. И. Краснолуцкий, прежде чем организовывать оборону Калача от наступающих колесниковцев, был участником калачеевской красной гвардии, военным комендантом Калача в 1918-1919 гг. [5, д. 3, л. 50-51]. М. Д. Гончаров перед тем, как возглавить отряд по борьбе с И. С. Колесниковым, был в 1917 г. председателем полкового комитета, работал в продовольственных комитетах, участвовал в подавлении казачьего восстания в ст. Казанской [Там же, л. 189]. Бывший солдат и военнопленный в 1915-1917 гг. А. Т. Новиков после возвращения в Воронеж был мобилизован в Красную армию, воевал в 1918 г. на Украине, в 1919-1920 гг. – в конных частях против войск ВСЮР и Русской армии. В дальнейшем он был принят в кавалерийский эскадрон при 1-м особом стрелковом полку, подавлявшем восстание в с. Терновка, до 1921 г. служил в реквизиционном отряде [3, д. 16, л. 36 – 40 об.]. А. В. Бганцев состоял с 1918 г. в комсомоле, уже в 15 лет был бойцом самообороны в с. Новая Криуша, влившимся затем в калачеевский отряд особого назначения [5, д. 3, л. 208]. Командир эскадрона В. В. Рублев до борьбы с И. С. Колесниковым был участником боев 1918 г. на Украине, воевал в 1919 г. в Красной Армии, попадал в плен к гундоровцам, был начальником раймилиции Богучарского (или Павловского) уезда [Там же, д. 178, л. 29-33]. Командир Новохоперского ЧОН (1920-1922 гг.) К. Г. Ладонов был руководителем отряда краснянского восстания 1919 г. [2, папка 613]. Дружинником и, вероятно, левозеровским боевиком был командир 25-го батальона пехотных курсов В. И. Берсов, служивший последовательно в отряде при политотделе Временного революционного

комитета Воронежца, реквизиционном отряде Я. К. Абея, Богучарском полку, а затем в отрядах, действовавших против повстанцев на территории современных Воронежской и Липецкой областей [3, д. 20, л. 103]. Участником боевых и карательных действий на территории Тамбовской, Саратовской и Воронежской губерний в 1917-1919 гг. был комбат 28-го стрелкового батальона ВЧК А. М. Мещеряков [Там же, л. 199].

Все это были стойкие, проверенные работники, воспринимавшие военные действия уже как ремесло. Некоторые имели мощную личную мотивацию к борьбе. Например, мотивация М. Д. Гончарова и А. В. Бганцева подкреплялась репрессиями по отношению к их семьям со стороны белых: расстрел отца, избивание жены и детей. Для них белые и повстанцы были явлениями одного порядка. Показательно, что многие участники военных действий не хотели оставлять военного ремесла, даже если их «карьер» в армии были не очень успешны. Так, А. Т. Новиков, Г. А. Фролов и партизанка Беляева попадали в плен (последняя трижды), подверглись жестокому избиванию, издевательствам, на их глазах казнили самых близких людей, Беляева лечилась после пыток не менее 2-х месяцев, но, тем не менее, они вновь и вновь возвращались в военные отряды [3, д. 16, л. 36 об., 37 об., д. 20, л. 150-151; 4, д. 961, л. 4].

В социальном отношении большинство упомянутых лиц были крестьянами, так что борьба в этом отношении приобретала внутригрупповой характер. Одновременно, если судить по конкретным биографиям командиров, именно выходцы из рабочей среды, в т.ч. и бывшие крестьяне, поработавшие в городе, отличались суровыми действиями по отношению к повстанцам (В. В. Рублев, Г. А. Фролов, А. К. Лисунов).

Если говорить о специфике боевых действий против повстанцев, то обе стороны были склонны к быстрым, неожиданным наступлениям и контратакам, которые молниеносно меняли ситуацию, но при слабой разведке делали военный успех неустойчивым. А. Т. Новиков вспоминал, как после занятия с. Терновка они смогли отразить неожиданное нападение колесниковцев, начали наступление на с. Калитву, но тут же потерпели сокрушительное поражение [3, д. 16, л. 39 – 39 об.]. Ситуацию с такой головокружительной сменой боевой обстановки объясняют воспоминания В. И. Берсова, который отмечал, что Калитву (Старую и Новую) попытались тогда взять силами одного батальона, «но один батальон ничего не мог сделать с бандами, т.к. банды оказались не одни, а на их стороне было большинство крестьянства восставших сел» [Там же, д. 20, л. 104]. Результатом стало сосредоточение огромных сил (до 8 тысяч) в Россоши и атака на села уже тремя колоннами.

Стороны стремились начинать бой неожиданно, нападали рано утром, иногда – ночью. В. И. Берсов вспоминал: «Метод банд брать врасплох сонных, и на этот раз банды так же на зорьке окружили село Евстратовку...» [Там же, л. 104 об.]. Аналогичную атаку предприняли красные: «В 12 часов ночи из нашей группы 1-я и 2-я роты курсов с двумя эскадронами кавалерии по флангам и артиллерией сделали вылазку военной демонстрации. Впереди группа в 15-20 чел. направилась в Новую Калитву, зажгла дом, стоящий на окраине, в это время наша артиллерия начала стрелять, а две роты курсов и кавалерии бросились с криком ура на Новую Калитву и сделали несколько залпов, вернулись обратно через реку Калитву в Старую Калитву» [Там же, л. 105].

Бои с повстанцами обычно были скоротечными, длились, видимо, не более часа-двух, но могли быть и длительными. А. В. Бганцев вспоминает 8-часовой бой с колесниковцами у Новой Криуши [5, д. 3, л. 208]. Скоротечность объясняется вполне материальными причинами – известным дефицитом патронов у повстанцев. В. И. Берсов рассказывал, что «у убитых бандитов в карманах оказалось по несколько патронов завершенных в носовых платках, как видно, что банды имели ограниченный запас патронов» [3, д. 20, л. 105]. Повстанческие части были очень неустойчивы в бою и в случае неожиданного нападения старались быстро рассеяться. Это косвенно подтверждают данные о потерях: 3-6 человек убитыми, 2-6 ранеными, брошенные обозные подводы (впрочем, часть раненых повстанцы увозили с собой). Отряд А. М. Мещерякова «2-го июня 1921 года, будучи расположен на площади сенокоса, что 20 вер[ст]. южнее г. Тамбова, кругом в лесу обложен бандитским элементом, где узнал о сгруппировавшейся банде под предводительством бандита “МАТЮХИНА”, подходившего близко к расположению батальона и пытавшегося сделать на батальон налет врасплох, но тов. МЕЩЕРЯКОВЫМ был сделан обход в тыл противника и с эскадром быстрым и смелым налетом разбил все планы противника, рассеяв его по лесу, противником же оставлено 3 всадника с лошадьми убито и 2-ое ранено» [Там же, л. 200-201].

Наверное, наиболее сложным вопросом была борьба с неуловимыми малыми группами, имевшими поддержку у местного населения или запуганного ими. В. И. Берсов отмечал, что действовавшие в 1918-1919 гг. банды в районе Шипова леса «терроризировали все местное население, вели налеты на сельских активистов, не раз приходилось находить пред. сельсоветов, комсомольцев и других советских сельских работников повешенными на деревьях в лесу, банды не только делали налеты на активистов, но не пренебрегали и грабежом местного населения, а так же неоднократно перерезывали целые семейства в селах и сторожках лесников. Отряд Кандыбина неоднократно делал наступление на Шипов лес, но всякий раз безрезультатно, т.к. банды имели потайные ходы и выходы из леса. Лес тянется на десятки верст, а поэтому банды были неуловимы» [Там же, л. 106]. Уже после разгрома у Калитвы небольшой отряд отступавших повстанцев наткнулся на ехавших без всякого сопровождения председателя воронежского губчека Н. Е. Алексеевского и губвоенкома Ф. М. Мордовцева и убил их [1, с. 32; 3, д. 20, л. 105 об.]. Одновременно отмечалось, что «во всех селах, в которых оперировали банды Колесникова, как видно велась большая работа со стороны банд, т.к. даже по ликвидации банд, по этим селам долго существовали различные группы..., которые были враждебно настроены против соввласти» [3, д. 20, л. 105 об.].

В ходе боев с повстанцами проявились такие особенности ведения боевых действий, характерные для гражданской войны, как нападение на противника намного уступающими силами и связь местного населения (в т.ч. представителей администрации) с противоположной стороной. Так, командир отряда ЧОН

М. И. Грязнов вспоминал о банде в 250-300 чел., действовавшей в Павловском уезде, в районе с. Пузеевка, Потаповка и Михайловка в 18-20 км от Павловска. Его отряд, выступивший против бандитов, насчитывал 30 чел. и должен был предотвратить захват кожевенного завода. По свидетельству М. И. Грязнова, директор завода или его заместитель, а также председатель правления кожевников сотрудничали с бандитами. Для разгрома столь многочисленных повстанцев командир отряда применил «военную хитрость»: «Для психического усиления действительного огня с нашей стороны, по своей личной инициативе я ввел в бой, если так можно выразиться, 3-4 деревенские запряженные телеги с погонщиками лошадей, заставив ездить быстро по улице по мерзлой земле, от чего получался большой гул и треск, которые действительно как бы усиливали настоящий огневой шум и увеличивали психическую атаку на вражеские полчища» [2, папка 620]. Это, а также нападение ночью вызвало у повстанцев панику, и после 3-часового боя они были разбиты. В представлении к ордену Красного Знамени для А. М. Мещерякова значилось: «3. Особенно характерный случай был 1-го июля 1921 года проявлен в бою с бандой под командой главаря банды “КОМАРА” в селе Горелом Тамбовского уезда, что в 22 вер[стах]. северо-восточнее г. Тамбова, где получил приказание от бывшего комбата ТУЛУПОВА сделать налет на квартиру головаря банды “КОМАРА”, который по сведениям находился в отлучке у себя дома, и взяв с собой 4-х всадников кавалеристов, сделав налет на квартиру, где такового не оказалось, а там же им обнаружено в 80-ти шагах от дома бандита “КОМАРА” сгруппировавшийся отряд банды численностью до 40 всадников, на каковых тов. МЕЩЕРЯКОВ и бросился с 4-мя всадниками с криками “УРА” в атаку. Этим самым смелым и лихим налетом, привел противников в паническое бегство, причем за отделившимися двумя хорошо вооруженными бандитами погнался, одного из которых ранил, а последнего захватил, не имея ни одного патрона у себя в наганае, – живым в плен. Пленный оказался командиром бандитского полка “АРТЮШКА”» [3, д. 20, л. 200].

Поскольку боевые действия против повстанцев зависели от помощи со стороны местной администрации и не носили регулярный характер, важны были преданность (а порой и личная отвага) местных партийных работников, а также умение быстро реагировать на сложившуюся чрезвычайную ситуацию. Тот же М. И. Грязнов с некоторой долей юмора вспоминал: «Зам. по политчасти (*Павловского ревкома? – Р. М.*), если не ошибаюсь, был т. Кириенко..., не в обиду ему будет сказано, труслив был как “заяц”, как почувствовал смертельную опасность, притворился больным и дезертировал» [2, папка 620]. М. Л. Радугин рассказывал о совершенно другой ситуации: «В конце 1922 г. в Александровский волисполком (*юг Воронежской губернии – Р. М.*) прибыл отряд в 8 человек, предъявившие удостоверения о том, что они сотрудники чека, спустя несколько часов выяснилось, что отряд не чекистов, а бандиты, которые арестовали всех членов волисполкома, в том числе и меня, вынесли постановление о расстреле. Но благодаря своевременного прибытия отряда чека тов. Налевайко (*Я. И. Налевайко – Р. М.*), который арестовал банду и жизнь была спасена» [Там же, папка 581]. Одновременно использовалась информация местного населения и перебежчиков, сообщавших о передвижениях противника.

В воспоминаниях о борьбе с повстанцами отсутствует сочувствие к противоположной стороне. Частично это продиктовано спецификой используемых источников, в которых участники антиповстанческих формирований доказывали свои заслуги перед революционной властью. Однако в общем это указывает на то, что образ повстанца вполне укладывался в негативный образ опасного врага. Так, партизанка Беляева вспоминала о том, как антоновцы заочно приговорили ее к сожжению на костре, а одного из ее знакомых действительно сожгли живо [3, д. 20, л. 150]. Обширный пласт негативной информации содержится в воспоминаниях командира Г. А. Фролова. Борясь с бандами в Бобровском уезде в 1919 г., он вместе с семьей попал в плен, «где в присутствии меня зарубили [моего] 9-тимесячного ребенка и жену и расстреляли брата Дмитрия так как он находился в моем отряде, а со мной начали делать разные пытки: прижигали на теле красные звезды, вырывали на ногах ногти на мизинцах и прикладные побои и мне пришлось бежать из-под расстрела прибыл в Сдавое (*так – Р. М.*) в нижнем белье, где отморозил руки, правую грудь и колено. По выздоровлении я опять принял отряд и в сражении с Колесниковым мне разбили грудь, где до настоящего времени идет гортанью кровь» [4, д. 961, л. 4-5].

Реакцией на все это были жестокость и чувство мести. Поджог села не считался экстраординарным событием, представляясь обычным способом ведения войны. Карательные операции с быстрыми расстрелами подозреваемых включены в структуру воспоминаний как одобряемое событие: «Отряд проделал большую работу, который с помощью активистов местных сел, преданных соввласти, выловил не один десяток ярых бандитов антоновцев, которые являлись активными участниками терроризации населения... расправа с ними была короткая, т.к. с нами был ревтрибунал, к стенке и дело кончено» [3, д. 20, л. 106 – 106 об.]. Бывший матрос С. Ф. Пятов, работавший в упорядке Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1918 г., запомнил руководителя повстанцев Ефрема Меркулова, убившего несколько советских деятелей Моршанского уезда (в т.ч. предукома В. П. Лотикова), опознал его в Ташкенте в 1924 г. и выдал властям [2, папка 620]. Командир отряда В. В. Рубцов уже в 1923 г. был исключен из ВКП(б) и отдан под суд за самовольный расстрел 152 человек, получив, впрочем, 6 месяцев условно [5, д. 178, л. 10 об.]. В Тамбовской и смежной с ней Пензенской губерниях оставил кровавый революционный след матрос-кронштадтец А. К. Лисунов. Уже в 1930-е гг. он с увлечением вспоминал, как в Кронштадте в 1917 г. «сделали расстрел некоторых вредных офицеров и генералов пускали под лот живьем и жгли в топках», и как при штурме Зимнего дворца многих участников обороны дворца «покидали с третьего этажа... я сам кинул 3-х человек потому что мы сильно на них имели злобу». Вернувшись в декабре 1917 г. в родной Сердобск, он собрал там отряд из бывших моряков и начал партиями расстреливать буржуев. То же самое он повторил в 1918 г. в Тамбовской губернии, впрочем, вскоре отбыв в Сибирь. «Всего расстрелял на своей родине всего 56 человек своей собственной рукой со своим отрядом», – вспоминал он [6, д. 7, л. 6-12].

Жестокие военные испытания не проходили бесследно. Партизанка Беляева жаловалась о том, как после 1920 г. «полностью потерявшая здоровье и рассудок на фронт я больше не возвращалась и была направлена на лечение в г. Москву в психиатрическую лечебницу, где пролечилась 8 месяцев» [3, д. 20, л. 152].

Послевоенная судьба участников боевых действий против повстанцев, как правило, не давала примеров быстрого роста карьеры. Героический Г. А. Фролов после конфликта с Л. Д. Троцким был лишен орденов и в дальнейшем работал в совхозах, заведовал книжной базой на заводе Госмехчуглит [4, д. 961, л. 5]. Заведующим зерноочистительным пунктом коммуны стал Г. Н. Краснолуцкий, сторожем и колхозником – А. В. Бганцев [5, д. 3, л. 51, 208]; секретарем райкома, однако уже в 1924 г. исключенным из партии, был В. В. Рублев, заведующим спецчастью в одной из организаций работал В. И. Берсов [3, д. 20, л. 102], управляющим межрайонной конторой «Заготзерно» был А. М. Мещеряков [Там же, л. 199].

Тем не менее, некоторые участники борьбы с повстанцами сделали карьеру в ГПУ-НКВД. Интересно, что зарекомендовавших в борьбе с повстанцами деятелей могли изымать с мирной работы в ходе коллективизации или даже позднее – во время Великой Отечественной войны – для службы по охране спецобъектов. Так, начальник новохоперского ЧОН К. Г. Ладонов после службы в сельских парторганизациях и учебы в Москве дослужился до директора рыбзавода, но в годы Великой Отечественной войны был начальником лагеря НКВД. В 1945 г. он вернулся на должность директора рыбзавода [2, папка 613]. Бывший председатель волисполкома, а с 1925 г. рядовой работник хозяйственного товарищества М. Л. Радугин был призван для подавления крестьянского восстания 1930 г. в Лосевском районе Россошанского округа. В дальнейшем он дослужился до звания майора НКВД, был начальником тюрьмы, служил на охране аэродромов во время Великой Отечественной войны, получил квартиру в центре Воронежа [Там же, папка 581].

Работники, отличившиеся решительностью в действиях по отношению к крестьянам, могли сделать партийную карьеру. Так, молодой крестьянин и дезертир М. Т. Уразов, показавший качества энергичного работника во время изъятий хлеба 1918 г. и подавления крестьянских выступлений в Воронежском уезде (села Верхняя Маза и Шукавка), занимал ряд ответственных постов в Воронеже и Задонске в годы Гражданской войны, дослужился до члена Ленинского райкома ВКП(б) г. Москвы, будучи одним из организаторов репрессий 1936-1937 гг. против членов прежнего райкома [Там же, папка 609/1]. Высоких должностей не только в Воронеже, но и в Одессе, Москве достиг организатор реквизиций хлеба латыш Я. К. Абель [Там же, папка 625]. Рабочий И. А. Коноплин, боровшийся в качестве уполномоченного ЧК ЮВЖД с антоновцами, колесниковцами и махновцами, стал в 1930-е гг. секретарем райкома Воронежа, редактором газеты «Известия», занимал пост начальника штаба бывших красногвардейцев и красных партизан. Впрочем, репрессии приостановили взлет его карьеры, переместив его на более низкостатусные должности в районах области [Там же, папка 616].

Таким образом, в борьбе с повстанцами коммунистическая власть старалась опереться на местное население, бывших красных добровольцев, проверенных на военной и административной службе. В этом смысле это была война различных групп местного населения друг с другом, т.е. подлинно гражданская. Боевые действия с повстанцами демонстрируют общее для гражданской войны стремление максимально быстро решить исход боя, неустойчивость частей в бою [7, с. 15-38]. Одновременно проявились такие специфические черты антиповстанческой борьбы как зависимость ситуации от осведомленности и желания помочь местной администрации, атаки красноармейцев небольшими силами на значительно превосходящего противника. Несмотря на сообщения о переходе на сторону повстанцев советских работников и даже сочувствии коммунистических ячеек повстанцам [1, с. 23, 28, 34, 38], младшие командиры и бойцы Красной армии и ЧОН демонстрируют ожесточение, вписывают повстанцев в «образ врага». Характерно, что участие в борьбе с повстанцами, в реквизиционных отрядах могло стать импульсом для дальнейшей карьеры в ЧК – ОГПУ – НКВД, региональной или даже союзной администрации.

Список источников

1. **Борисов Д. А.** Колесниковщина. Антикommунистическое восстание воронежского крестьянства 1920-1921 гг. М.: Посев, 2012. 164 с.
2. **Воронежский областной краеведческий музей.** Фонд участников гражданской войны.
3. **Государственный архив Воронежской области (ГАВО).** Ф. Р-905. Оп. 1.
4. **ГАВО.** Ф. Р-905. Оп. 2.
5. **ГАВО.** Ф. Р-1018. Оп. 1.
6. **ГАВО.** Ф. Р-1092. Оп. 1.
7. **Разиньков М. Е.** Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния. Saarbrücken: LAP, 2012. 183 с.

THE RED ARMY OFFICERS AND SOLDIERS IN STRUGGLE WITH THE PEASANT REBELLION WITHIN THE TERRITORY OF VORONEZH AND TAMBOV PROVINCES (1918-1921)

Razin'kov Mikhail Egorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov
razinkov_mihail@mail.ru

To suppress rebels Communist power sought support of local population. The article analyzes the social origin of the Red Army soldiers, who struggled with rebels, examines their postwar destiny. The author considers peculiarities of combat against rebellious peasants, motives for bitterness that the Red Army soldiers manifested in this confrontation.

Key words and phrases: The Civil War; struggle against rebels; The Red Army; Kolesnikovshchina; Antonovshchina.

УДК 930.253

Исторические науки и археология

Статья посвящена обзору документов Государственного архива Воронежской области об Антоновском восстании, Гражданской войне и боевых действиях в Тамбовской губернии в 1918-1922 гг. Впервые публикуются документы Штаба Командующего всеми Вооруженными силами Тамбовской губернии, свидетельствующие о карательной политике по отношению к повстанческому движению и населению, о боях между частями Красной Армии и вооруженными формированиями повстанцев.

Ключевые слова и фразы: Антоновское восстание; архивные документы; большевизм; карательная политика; советская власть; повстанческое движение; Тамбовская губерния.

Рылов Владимир Юрьевич, к.и.н., доцент
Воронежский государственный университет
vurylov@ya.ru

**АНТОНОВСКОЕ ВОССТАНИЕ В ДОКУМЕНТАХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

На постоянном хранении в Государственном архиве Воронежской области находятся фонды учреждений, относящиеся к истории Тамбовского края. Наличие в Воронежском госархиве документов учреждений Тамбовской губернии объясняется тесной связью, общей историей двух соседних регионов, а также реформой административно-территориального устройства 1928-1934 гг., когда из «старых» губерний – Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской была образована Центрально-Черноземная область со столицей в Воронеже. В 1934 г. ЦЧО была разделена на две области – Воронежскую и Курскую. В 1935 г. из Воронежской области была выделена Тамбовская область. Причем границы прежних губерний часто не совпадали с новыми областями. Бывшие Борисоглебский, Усманский, Липецкий уезды Тамбовской губернии почти полностью оказались в составе тогдашней Воронежской области.

Не буду перечислять все тамбовские фонды, укажу лишь некоторые: Борисоглебское уездное полицейское управление, Борисоглебское отделение Воронежского жандармского полицейского управления железной дороги, Тамбовский губвоенкомат, Борисоглебское управление милиции, Борисоглебский концентрационно-трудовой лагерь, Лебедянский уездный ЧОН, Усманский волвоенкомат и др. В документах упомянутых советских учреждений отложилось немало сведений о Тамбовском восстании [2].

Однако я остановлюсь на главном фонде, отражающем почти полностью историю восстания, особенно в его кульминационной части в 1920-1921 гг. Речь идет о фонде «Штаб Командующего всеми Вооруженными силами Тамбовской губернии» (Р-2382). Документы фонда находятся в открытом доступе с 1990-х гг., но почти не введены в научный оборот. Всего фонд содержит 261 дело, главным образом за 1920-1922 гг., когда существовала должность Командующего. Эта должность была введена постановлением президиума Тамбовского губисполкома и Командующего Войсками Внутренней Службы РСФСР 27 сентября 1920 г. (хотя самый ранний выявленный документ Штаба командующего датирован 8 сентября 1920 г.) для объединения всех вооруженных сил и других органов, направленных на подавление Антоновского восстания, и была упразднена с его окончанием. Командующий войсками одновременно являлся главой Военного совета губернии. Таким образом, во главе вооруженных сил губернии находились А. П. Шлихтер, Ю. Ю. Аплук, В. И. Благоннадежин, К. В. Редзько, О. А. Скудре, М. Н. Тухачевский, а начштаба были Ф. К. Траскович, Н. Е. Какурин.

Фонд содержит документы самого Штаба, его канцелярии, органов военного управления, воинских частей и других учреждений и организаций, имевших отношение к подавлению восстания: протоколы заседаний Военного Совета, приказы комвойсками и начштаба, командиров частей и подразделений. Особый интерес представляют подлинники документов с личными подписями руководителей подавления восстания, в том числе и о применении химического оружия (с подписями Тухачевского и Какурина [1, д. 18, л. 15]). Значительная часть документов – оперсводки, донесения, доклады, рапорты командиров воинских частей, Тамбовской губчека, служебные записки, телеграммы, картографические документы, выписки из журналов боевых действий воинских частей, содержащие сведения об их дислокации, численности и составе и т.п. Кроме того, немало документов отражают вопросы снабжения воинских частей, например, это ведомости на выдачу вещевого и денежного довольствия красноармейцам, книги учета военного имущества и т.п. Присутствуют документы по личному составу, представляющие собой различные списки военнослужащих как рядового, так и командного состава; документы об их назначениях, отпусках, увольнениях, выговорах и т.п. Сохранилось большое количество свидетельств карательной политики: о казнях, взятии заложников и т.п. Сведения о социально-экономическом положении населения, его настроениях: жалобы крестьян на произвол и всевозможные нарушения их прав советскими властями, приговоры революционных военных трибуналов и др. подобных органов.

Выше дана общая характеристика документов. Ниже приведу наиболее характерные документы. Частично сохранена пунктуация и орфография оригиналов. Документы публикуются впервые.

**РАСПОРЯЖЕНИЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЧЕКА О ПРОВЕДЕНИИ КОНФИСКАЦИЙ
ПО НАДЛЕЖАЩИМ ПРАВИЛАМ [Там же, д. 6, л. 8]
ВСЕМ ВЫЕЗДЧЕКА¹ ПРИКАЗ № 1.**

[не позднее 25 ноября 1920 г.]

В президиуме Губчека имеются сведения о том, что сотрудники выездчека, посылаемые на производство арестов в те или другие селения сами производят конфискации разных предметов. Считаю вышеуказанное явление незаконным, как противоречащее всем законам РСФСР, предлагаю Председателям Выездчека, под их личную ответственность получением сего принять соответствующие меры к исполнению допущенной ошибки. Конфискация имущества допустима только по постановлению Коллегии Выездчека, последняя... проведение ее в жизнь может поручать либо милиции, либо Волсовету. Пользоваться сотрудникам для данной цели можно только в крайнем случае. Обычно же работа сотрудников должна сводиться к аресту заподозренных и описи их имущества, причем, одна из копий должна оставаться у семьи, где производится опись, другая отдается соответствующему Советскому органу на предмет сохранения имущества до разрешения дела, а подлинная должна остаться при деле.

При вынесении приговора о конфискации нужно придерживаться постановления Совнаркома от 24 апреля с/г.², которое требует оставления минимума предметов профессии, т.е. декрет говорит о том, что нельзя все конфисковывать полностью, а что нужно оставлять необходимое для дальнейшего существования гражданина и его семьи – ибо Советская власть не имеет целью способствовать увеличению кадра полных пролетариев, легко могущих стать бандитами. Полная конфискация мыслима только тогда, когда наказываются все взрослые члены семьи, а дети передаются в детские дома, или же тогда, когда в семье кроме виновного никого нет. Благодаря же тому, что детских домов у нас пока еще везде... ограниченное число и что они не могут удовлетворять предъявляемым к ним требованиям... указанной мерой нужно пользоваться весьма осторожно. Самым лучшим в... наказания являются: расстрел, кто этого заслуживает, условный расстрел... Принудительные работы при местных советах, заключение в лагерь, условное заключение, крупный штраф в доход Республики и т.д. Словом, нужно давать наказания, которые... не являлись бы губительным образом для хозяйства. За невыполнение данного приказа, или... него виновников будем карать самым беспощадным образом. Помните: никто без... распоряжения Уполномоченных на это органов не может взять у гражданина, хотя бы он был... закоренелый контрреволюционер, самой ничтожной вещицы – мы живем не в царстве анархии, а в царстве порядка и справедливости. Мы можем быть суровыми, но справедливыми с точки зрения наших законов.

Приказ широко оповестить среди сотрудников и местных властей для руководства и точного исполнения.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ВЧК подпись [неразб.]

ЗАВГУБЮСТОМ и ПРЕДГУБЧЕКА подписи [неразб.]

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Ф. Ф. СТРЖАЛКОВСКОГО [Там же, д. 10, л. 265 – 268 об.]

Рукопись [не позднее середины февраля 1921 г.]

Командующему всеми вооруженными силами Тамбовской губ.

Красноармейца, председателя
мобкомиссии Стржалковского Франца³ и
Инспектора Кавалерии 11-й Армии

Заявление

Ровно три года назад, а именно 21-го января 1918 года славный и честный Кикивидзе⁴ начал формирование первого ядра Красной армии – ныне грозной и непобедимой. В то время – горсточка храбрецов в числе 500-т человек отступивших с Украины отошла к Тамбову и... по воле Наркомвоендел начала трудное дело «призыва добровольцев» под Красное знамя. Желавших было очень мало, ибо саботировали все – распространяя злостные слухи, что служить у большевиков – позор! Энергичный и храбрый до безумия Кикивидзе не останавливался ни перед чем и он тамбовцами не забыт до сих пор, ибо одна фамилия «Кикивидзе» – обогнала все. Результат формирования был тот, что к 1-му маю отряд состоял из 25-ти тысяч лучших бойцов, кроме этого – ежедневно прибывали сотнями новые... а иногда и целые полки – услыша правду о вожде Кикивидзе. В то время – отряд уже держал фронт от «Царицына до Филоновой» – удерживая подступы к Тамбову и Саратову. Штаб же продолжал пребывать в Тамбове до окончания мобилизации и водворения порядка там, где вспыхивали восстания, т.е. работали на «всех фронтах» – молниеносно.

Из кадровых офицеров в отряде я был один... Со дня революции был избран солдатами и... не покинул я серой массы до слияния конного отряда, командиром коего был избран я, с отрядом Кикивидзе на Украине в 1917 году в декабре. Как отряд под давлением гайдамаков и германцев постепенно отступая распался, а остатки его влились в отряд Кикивидзе и отошли к Тамбову. С 21-го января 18-го года я занял должность адъютанта Кикивидзе, начальника Полевого Штаба и председателя... мобилизации. Кикивидзе сидя почти все

¹ Выездная ЧК, были образованы временные подразделения губернских ЧК после упразднения уездных ЧК в 1919 г.

² Определить, о каком декрете или постановлении идет речь, не удалось. В этот день постановления и декреты в открытой печати Совнарком не издавал.

³ Ф. Ф. Стржалковский – поляк, католик, из дворян Виленской губернии. После окончания Гражданской войны жил в Вильно (Польша). В 1939 г., когда части Польши вошли в состав СССР, был арестован как социально опасный элемент, а в 1940 г. по приговору ОСО расстрелян.

⁴ В. И. Кикивидзе (1895-1919 гг.) – один из харизматичных красных командиров. Погиб при неясных обстоятельствах.

время в... знал одно «дай – полк, дай батарею, дай эскадрон». Благодаря тому, что было еще несколько... людей – отряд два месяца спустя насчитывал до 9-ти пехотных полков и 5-ти кавалерийских при 100 орудиях. Громоздкий был отряд, но бороться было очень трудно, ибо каждый полк тянул за собой невообразимое количество пулеметов и орудий находя в этом успех борьбы.

С чувством глубокой радости, ныне узнаю я, что под Вашим командованием будет создаваться армия для уничтожения бандитизма и Антонова и... против возможных выступлений на весну.

Не будучи партийным, я не мог посетить собрания где выступали Вы, но все-таки я знаком и понял смысл Вашей речи; поэтому я предлагаю себя, знания и опыт свой на начатое Вами дело. Добавлю, я кадровый офицер Конной гвардии, в 1908 году окончил Пажеский кадетский корпус, начал службу в гвардейском гусарском полку и т.д. вплоть до переворота. Во время германской войны вначале нес службу строевого, а с 1915 года штабного офицера – до адъютанта Главнокомандующего Рузского.

Предлагаю я свои услуги потому, что после выздоровления и выписки из лечебного заведения, я должен выбыть по вызову Начштаба Запасной армии в г. Харьков для занятия должности Командира Запасной кавбригады. Начштаба Антонович вторично запрашивает о состоянии моего здоровья и только вступление мое в боевой отряд может отдалить выезд по вызову.

Себя я не буду описывать, но скажу одно, что штабную и кавалерийскую службу знаю в совершенстве. В отряде Киквидзе конский состав до сего времени превосходит, а в то время был идеален. Конные набеги под моим командованием в 1918 году парализовали действия и набеги таких партизан Краснова, как Дудикова и Чернецова¹, уничтоженных отрядами Киквидзе. Прошу также навести справки обо мне у бывшего командующего тов. Редзко, он знает мою деятельность 1918 года, а товарищи члены Реввоенсовета Южфронта Механошин²... Начальник Кавалерии Западного фронта Розенберг³ и начштаба Антонович более детально укажут мою деятельность. Я глубоко убежден в том, что если товарищ командующий подберет и подтасует комсостав, подымет дисциплину, а главное объединит под своим командованием действительной работы и действительного желания уничтожить Антонова и его разгул, то не пройдет и месяца, как Тамбовская губерния будет одной из спокойных. Это все я беру из знакомства моего с губернией, которую два раза пришлось усмирять при подымаемых ею восстаниях, а именно 17-го Июня 1918 года и 21-го Октября 1918 года. Два эти раза в губернии подымались серьезные восстания и продолжались месяцы, а при прибытии отрядов Киквидзе прекращались в недельный срок. Беру на себя оторвать на несколько минут Ваше внимание, хочу высказать личное свое мнение почему Антонов и банды до сего времени продолжают дебоширить.

Все честные революционеры видя угрозы Деникина... там на фронтах, а с выступлением Польши... и на борьбу с буржуазией всего мира бросились и те, кто кое-как лавировал до этого времени по тылу, почувствовав, что и им пора, ибо фронт не простит. Кто остался? Я не говорю о спецах и людях необходимых для работы по проведению Коммунизма в жизнь. Эти люди везде нужны.

Часто приезжая в г. Тамбов с фронта т.к. <...> семья, я удивлялся тому, что те граждане место которых казалось бы там, где решается дело Революции – подстраивались здесь и более года ведут как-то борьбу с Антоновым. Поверьте, товарищ Командующий, быть может, я слишком смело пишу и слишком резко не имея на то данных высказываю свое мнение... я привык всегда смело высказывать то, что так... ударяет по самолюбию. Я повторю, что это мое мнение. Граждане – видя, что война с Польшей дело не... требующая новых и новых пополнений, – а следовательно придет черед и им – выдумали и создали Антонова, т.е. то, чтобы делать шум, кричать, – приносить в жертву по несколько человек Антонову и тем самым быть прикованными к этой дугой как мыльный пузырь борьбе. Проверьте мои слова: 1) Люди не спецы (пехотинцы) берут на себя смелость командовать конницей, делают аллюры и переехав по 85-ти верст – при нынешнем конском составе, фураже доводят конницу до того, что она... выходит из строя и должна прозябать в великом... правильных – организованных, компактных действий, переходят на какую-то неведомую тактику, а именно: ставят по волостям роты, батальоны и т.д. для того, чтобы банда – собравшись численно, постепенно нападала на отдельные гарнизоны, уничтожала их. Устраивают какие-то пункты наблюдения без должной охраны, а главные связи лишь для того, чтобы штаб командующего ежедневно фиксировал массовые убийства. Дошло до того, что из Тамбова ни выходить, ни входить нельзя. Если нельзя было принять правильных стратегических действий, нужно было самим перейти к обороне к партизанщине – призывая население на помощь, ибо кто может быть лучшим противовесом Антонову, если не тот же Тамбовец. Вышло же наоборот. Войска действующие против Антонова, Тамбов... как комсостав, так и красноармейцы распространяют среди самих себя легендарные слухи о численности, неуловимости, отваге и непобедимости, а главное, о том, что Антонов идет только против коммунистов, не серьезно смотрели на разрастающуюся с каждым днем Антоновщину. Мало этого. Среди войска не было настоящей революционной дисциплины, а действия войск создавали пополнения Антонову, ибо проходя через деревни и волости отряды позволяли себе грабить, якобы антоновцев и сообщников почти всегда неповинных ни в чем жителей. Обиженные и ограбленные жители в отчаянии шли к Антонову. И с прошлого 1919 года Августа месяца – первого выступления Антонова, убившего незабвенного Чичканова⁴ – антоновщина разрослась до того, что против нее

¹ Казачий полковник В. М. Чернецов (1890-1918 гг.), один из организаторов Белого движения на Дону «В бой ведет верхнедонцов / Сам полковник Чернецов».

² К. А. Механошин (1889-1938 гг.) – революционер, большевик, сподвижник Троцкого.

³ А. Я. Розенберг, большевик, латыш – один из партийных руководителей Донской области.

⁴ М. Д. Чичканов (1889-1919 гг.) – председатель Тамбовского губисполкома.

присылают части с фронта, во главе ставят боевых красных генералов – командующими. Дико подумать – Антонов и 15-ть сообщников держат губернию в страхе и терроре. Не обойдите вниманием мое мнение, оно дает Вам многое в будущем.

С ноября месяца прошлого года я нахожусь на излечении, будучи эвакуирован с фронта 11-й армии. Среди комсостава и красноармейцев я имею массу знакомых, из разговоров с коими я многое выяснил. Критиковать действия бывшего командующего мне не приходилось, но не могу обойти молчанием действия, или слепоту следующих лиц комсостава. 1) Оказывается – могу подтвердить за прошлое лето, было поймано и взято почти в плен более 1000 человек с оружием, которые нынешней осенью были распущены по домам. 2) Пополнение войск Вохры тамбовского гарнизона делались домашним способом. Дезертиры, явившиеся добровольно, оставляя на службе. Приехавшие с фронта, имея знакомых, оставляли то же здесь же. Составлялась своя теплая компания. <...> я такие небыллицы. Стоит отряд в селе. Дней за 10-ти – 15-ти до нападения ведутся разговоры – «ну... Антонов наскочит, что тогда делать? Известно что, сдавайся и все! – ты не коммунист и тебе что!» и т.п. Наскакивает банда. В отряде растерянность, – результат – коммунисты погибли, оружие взято, красноармейцы разогнаны. На это же место приходит другой отряд, – на ту же участь. 3) Бывали и такие случаи. <...> крестьяне, не желая выполнять продразверстку, знакомятся с боеспособностью отряда, заводят связи с соседями, в одну из ночей нападают. Кто убит, кто удрал, – вина на Антонова. Выступает отряд на помощь продагенту. Элемент все не... как на подбор дезертиры, а дом близко. По одному, по два и продагент один. Тысяча случаев и не мудрено, что жители видя бездействие, создавали противодействие, а когда пошло по... то оставалось одно – идти к Антонову. Спрашивается – где политрабтники, где ячейки, где комиссары? А мы в этой же Тамбовской губ. поступали так.

В 1918 году в апреле месяце Киквидзе в Москве получил приказание по телеграфу: «Произведи мобилизацию лошадей в уезде, приказано сформировать еще кавполк». Свяжусь с Губвоенкомом – получаю разрешение, намечаю... и посылаю приказание вывести лошадей к такому-то... для приема по мобилизации; посылаю мобкомиссию. Это было 18-го Апреля при объявлении первой мобилизации в селе Аранове 12-ти верст от Тамбова. Губвоенком посвятил меня в то, что комиссия посланная губвоенкомом 7-го Апреля была разогнана. Я не знал об этом приказе не принял и председатель комиссии был послан... член трибунала тов. Окуляров. Проходило два... скачут красноармейцы в паническом страхе говоря, – мужиков тысяч 20-ть наехали, схватили комиссию... и т.д. Не долго думая – два полка кавалерии, конную батарею и броневик – марш, марш! Прискакали к Аранову – батарею на позицию и беглым, кавалерия в атаку. 10-ти минут все тихо. Жертв нет, комиссии работает. Оказалось дело было серьезно. Крестьяне попробовав прогнать комиссию губвоенкома – решили и в этот раз поступить так же и, вместо того, чтобы собрать людей, собрали в селе оказать сопротивление; но вышло иначе. Благодаря тому, что с ними поступили серьезно и... следующая мобилизация прошла блестяще. Также было и при усмирении Тамбова и губернии. Товарищ Командующий прекрасно знает, что необходимо в первую очередь – «Это твердую дисциплину – чистка комсостава и перетасовка частей, а затем дружные совместные действия, т.е. нащупывание противника с целью определения сил и места нахождения центра»... этого необходимо создать контр-разведку из опытных людей, ибо там где не сделает эскадрон конницы, сделает один человек. Не нужно только контр-разведку соединить с действиями Ч.К.

Контр-разведка должна давать штабу сведения, главное военного характера и быть настолько наблюдательна, чтобы знать, как говорил Киквидзе «в какой фуражке был начальник станции такого-то числа».

Товарищ Командующий должен простить меня за такую мазню – рука едва владеет пальцем, и пишу держа ручку в кулаке, но так сильно желание выступить возможно скорее в действующую армию против Антонова, что несмотря на то, что лечение мое незакончено, я готов по первому Вашему приказанию выпиться из госпиталя, где лечусь амбулаторно.

Товарищ командующий! Буду ли я служить Вам, или нет – все равно, но послушайте голос старого боевого кавалериста. «Обращайте серьезное внимание на конную группу» – с ней можно чудеса творить. Заведите в стрелковых полках конную разведку, разведку боевую и с боевыми начальниками во главе. Красная армия стала бить Деникина только тогда, когда создалась Красная конница. Антонов тоже действует конницей. Конница глаза и уши армии. Конница и только конница добьет врага. Не теряйте золотого времени, ибо ранняя весна – откроет для... действия тех, кто хочет этой борьбы и кто в ней видит идею. Одни идею, другие способ и время наживы под шумок и грохот борьбы. С нетерпением буду ожидать ответа, ибо надеюсь, что окажу Вам немалую услугу в начатом Вам великом деле. Хотя, по правде сказать хотел бы быть зарезанным как утка после 6-ти лет бесперывной боевой обстановки.

г. Тамбов,
Варваринская площадь
Дом № 16

Предмобкомиссии

Стржалковский

ДОКУМЕНТ О РАЗГРОМЕ ВТОРОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ [Там же, д. 72, л. 167]

Тамбов 19-го июня 1921 г.

Дополнительная оперсводка НР 429 /карта 10 верст в дюйме/

Банда Богуславского под командованием комгруппы Майкова из района Каменка, Афанасьевка, Михайловка 18-15-12 верст западнее и юго-западнее Отхожая, преследуемая Сводкагруппой Уборевича бежала на юг, с целью проникнуть в Донобласть и поднять там эсеровско-бандитское восстание. Но 16/6 13 часов 30 минут банда была настигнута нашими бронеполками у Поспеловска 18 верст юго-западнее Борисоглебска, где была

разбита и потеряв до 300 убитыми в том числе комгруппы Майкова, канцелярию штаба, весь обоз, 4 пулемета, перейдя железнодорогу у ст. Калмык бежала далее на юг. Командование после убитого Майкова принял командир 1-го бандитского полка Богуславский. У хутора Салтынский 12 верст юго-восточнее Калмык в открытом поле в 10 часов 17/6 банда вновь была настигнута бронеполком ВЧК и разбита. Понесены огромные потери свыше 500 человек убитыми в числе коих Комполков Беляев и Тюков бежали по тому же направлению, после чего переправились через Хопер в районе Батраков Карагочный 14-16 верст северо-западнее станицы Урюпинская, сгруппировались в лесу, что у Батраков. 16 часов 18/6 неутомимый бронеполк под личным командованием тов. Уборевича вновь настигли банду и окружили ее. Остатки банд с преобладанием комсостава, теряя последние надежды на бегство, воодушевляемые самим Богуславским с криком «ура» бросаются в бессмысленную атаку на бронемашину и почти целиком уничтожаются губительным огнем наших броневиков. Богуславский раненый в ногу по одним данным утонул в Хопре, по другим переплыл на левый берег, где вероятно был уничтожен. Немногие переправившиеся через Хопер бандиты были уничтожены здесь подоспевшей комдружиной хутора Трухтенского. В бою убито более 200 бандитов. Захвачено 200 лошадей. Много винтовок, револьверов. Точный подсчет трофеев производится.

НАЧОПЕРУПР. ВОЕНКОМ Лопатин

Список источников

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 2382. Оп. 1.
2. Рылов В. Ю. Концлагерь в монастыре // Первые церковно-исторические Митрофановские чтения ВГУ: сб. материалов / под ред. А. Ю. Минакова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2012. С. 149-182.

ANTONOV'S REBELLION IN DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVES OF VORONEZH REGION

Rylov Vladimir Yur'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State University
vyurylov@ya.ru

The article is devoted to review of documents of the State Archives of Voronezh region about Antonov's rebellion, the Civil War and military operations in Tambov province in 1918-1922. Documents of the Headquarters of the Commander of all the Armed Forces of Tambov province, which testify to punitive policy in relation to the rebellion movement and the population, battles between the Red Army units and the armed groups of the rebels, are published for the first time.

Key words and phrases: Antonov's rebellion; archive documents; Bolshevism; punitive policy; Soviet power; rebellion movement; Tambov province.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье ставится под сомнение тезис об исключительно крестьянском содержании и антикоммунистической направленности повстанческого протеста 1920-х гг. Автор полагает необходимым рассматривать повстанчество 20-х годов как самостоятельное историческое явление, тесно связанное с традиционным крестьянским протестом, но отличное от последнего по ряду позиций. Среди таковых: мобильность, более широкий круг участников, инициативное конструктивное начало в программах и лозунгах.

Ключевые слова и фразы: повстанчество; крестьянские восстания; программы; гражданская война; общие черты; антикоммунистические выступления.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, д.и.н., профессор
Оренбургский государственный университет
d_safonov@mail.ru

ПОВСТАНЧЕСТВО В 1920-1921 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Когда в перестроечный период из, казалось бы, абсолютного небытия возродилась тема повстанчества начала 1920-х годов, то первые исследователи, обратившиеся к ней, столкнулись с огромными трудностями собирания крупиц информации. Тема не только на протяжении десятилетий была запретной, она была лишена источников – потенциальное информационное поле было защищено, как казалось поначалу, почти абсолютно. Те крохи сведений, которые удавалось обнаружить, были ощутимо ангажированы, и потому создание мало-мальски реальной картины происходившего оказалось невозможным без создания некоей модели повстанческого движения, позволявшей логически домысливать возникающие пробелы. В итоге утвердились – а потом получили дополнительное подтверждение – два базовых положения: 1) повстанчество есть новый качественный этап крестьянского протеста и 2) повстанчество есть всеобщая реакция крестьянства на проводимую большевиками политику «военного коммунизма».

По первому положению все кажется более чем очевидным: в стране с преобладающим крестьянским населением в условиях жестко проводимой продразверстки кто как не крестьяне могут и должны составлять главную силу сопротивления? Второе же положение есть, прежде всего, заслуга советских – сначала пропаганды, затем историографии, однозначно определявших всех несогласных в лагерь противников советской власти, а значит – коммунистов.

Положения эти в принципе приобрели всеобщий характер, разумеется, с некоторыми вариантами, уточнениями, региональными особенностями. Можно сказать и иначе: с ними специально никто не спорил и не спорит. И все же стоит указать на несколько моментов, учет которых дает основание оценить повстанчество рассматриваемого периода как нечто особое.

Начнем с положения о форме крестьянского протеста. Вопрос об участии крестьян, об их решающей роли в повстанческом движении в принципе не ставится под сомнение. Вопрос в ином: можно ли полагать повстанчество новым качественным уровнем крестьянского противостояния, его пиком? Если идти от рассуждений, то налицо массовость, организованность, активность. Но можно ли полагать его крестьянским по характеру – с присущими таковому чертами, опытом, минусами? Если протест крестьянский, то параметры его должны быть те же, что и ранее.

В лучшем случае, требования и лозунги, по логике, должны были бы быть созвучны традиционным «земле и воле». Обращение к агитационным материалам повстанцев никак не подтверждает, что все замыкается на этом. И вот теперь самый важный дополнительный вопрос: кому в данном случае противостояло крестьянство? Это серьезный вопрос, потому что только по получению ясного ответа на него мы получим четкое понимание – считать ли повстанчество прогрессивным шагом вперед в развитии крестьянского сознания или нет. Термин «кулацкие мятежи», установившийся в отечественной историографии, позволял вывести основную массу крестьянства из-под удара критики и сохранить схему нетронутой: прогрессивность крестьянского протеста вообще и контрреволюционность «кулацкого» протеста после прихода к власти большевиков.

Не менее уязвим и иной момент: крестьянский протест всегда един – един, разумеется, по своей сути, направленности. Но в повстанчестве 20-х годов нет этого ожидаемого единства, а, напротив, есть вариативность намерений и целей. Если рассматривать географию крестьянского протеста и его политическую окраску на местах, то наблюдается достаточно пестрая картина. На Украине армия Махно выступала под анархистскими знаменами. В Тамбовской губернии в армии Антонова было сильно эсеровское влияние. На Среднем Поволжье восстание А. Сапожкова началось под лозунгами коммунистическими. Далее на восток политическая окраска протеста вновь менялась – башкирская Красная Армия более всего выступала за национальную самостоятельность, а казачьи отряды – Голубая армия, Зеленая армия и др. – выступали за восстановление старых порядков. Лозунг «Советы без коммунистов» был широко распространен, но с различным содержанием.

Вот как раз повод перейти ко второму базовому тезису – об антибольшевистской (антикоммунистической) направленности мятежей (или повстанцев). Собственно антибольшевистским, и потому единым, данный протест сделали сами большевики – любые несогласные с ними сразу оказывались врагами. Уже в листовках и иных пропагандистских изданиях, которые большевики издавали в период повстанческих выступлений, последние однозначно определялись в контрреволюционеры – либо как кулаки, либо как эсеры, причем принадлежность к партии социалистов-революционеров, даже в прошлом, интонационно по тексту преподносилась как великая крамола. Справедливости ради укажем, что был и еще один расхожий момент псевдо-аргументации – якобы имеющиеся личные амбиции, нездоровая гордыня и т.п. у конкретных лидеров выступлений. Последнее работало в том случае, когда нужно было объяснить (создать иллюзию объяснения) переход в лагерь повстанцев лиц, не имевших неправильного происхождения и ошибочной партийной принадлежности, как это было, например, с А. Сапожковым.

На первый взгляд, серьезно различающиеся между собой идейными позициями повстанцы – от коммунистов (Сапожков) до монархистов-казаков (Зеленая Армия, Голубая Армия) – никак не могли быть объединены. Для советской пропаганды с ее крайне упрощенной (порой до вульгарности) двуполярной схемой гражданской войны как раз проблемы не было. Получалось, что все российское общество разделилось на два лагеря, и кто не оказался в лагере революции, тот, естественно, оказался в другом.

Тем интереснее, что, несмотря на это, некоторые советские авторы даже высказывали удивление относительно того, как и почему контрреволюционеры разных взглядов тем не менее объединялись. Приведем в качестве примера сентенцию из монографии В. Григорьева «Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане». Автор, без каких-либо ссылок, сообщал, что Сапожков в августе 1920 г. аккумулировал вокруг себя все «банды низовьев Урала и Волги», проведя переговоры «на одном из дальних хуторов царьцынского Заволжья»: «Инициатором этого необычного совещания явился Сапожков. Обуреваемый невероятным тщеславием, незадачливый “главком” решил собрать под свои знамена всех, кто хотел вести борьбу с диктатурой пролетариата. Встав однажды на скользкий путь преступления, он катился по наклонной доске предательства в ту же пропасть, которая уже поглотила целые полчища белогвардейцев и интервентов. Объединение вчерашних врагов шло нелегко. Да и как могли смотреть друг на друга без ненависти левый эсер и бывший военком Красной Армии Долматов и деникинский каратель Ягупов... После долгих колебаний, оговорив свою независимость, к Сапожкову присоединился хорунжий Носаев, чья банда достигала 300 сабель» [3, с. 67-68]. Стоит указать, что ничего подобного – ни переговоров, ни объединения антикоммунистических сил, ни попыток этого – не было. Казалось бы, разумный вопрос – как же такое могло быть? – должен был возникать у тех, кому преподносились подобные легенды.

Но объединение необъединяемого в итоге произошло – в советской историографии. Двуполярная схема противостояния красных и белых была аккуратно, исподволь, дополнена моральным аспектом: красные – олицетворение добра, белые – соответственно, зла. То, что добро побеждает зло, кажется почти очевидным; а правда – она одна; а вот как раз зло может быть многоликим и враждебным добру по сути своей как бы изначально. Как это ни странно прозвучит, но научная аргументация нередко строилась именно на таких аргументах: красные победили в Гражданской войне, потому что не могли не победить – народ был за них и за коммунистическое светлое будущее; разнокалиберные контрреволюционеры ожесточенно боролись с коммунистами, поскольку не могли с ними не бороться.

И вот здесь самое время поставить еще один уместный вопрос: белые, контрреволюционеры, кулаки, мятежники и т.п. боролись с **чем**? Выступали против **чего**? Несмотря на кажущуюся очевидность и потому некоторую бессмысленность или по крайней мере бесполезность вопроса, тем не менее уточним. Партия коммунистов воевала; в частности, воевала с казачеством. Нам кажется очень показательной фраза в отчете ЦК РКП(б) за октябрь 1919 г., где говорилось, что РВС Туркфронта объявил амнистию «всем сдавшимся нашей партии оренбургским казакам» [4, с. 38] (заметим, не Красной Армии, не Советам). Но вопрос: воевали ли повстанцы с партией коммунистов? Из-за чего могла быть такая война? Один вариант ответа уже приводился выше: против сил добра. Но если рассуждать рационально, то получается, что выступить «против» возможно по нескольким мотивам: против того, что они члены коммунистической партии, против их базовых идеологических позиций, против их действий.

Первый вариант – только из-за принадлежности человека к определенной партии – достаточно нелеп. Это позднее у тех же коммунистов принадлежность к партии эсеров, например, была сродни приговору. Здесь же было иначе. Действительно, документы карателей старательно фиксировали и тиражировали случаи расправ повстанцев над коммунистами, но умалчивали о случаях присоединения последних к повстанцам. Наверное, самый впечатляющий пример – восстание «Армии Правды» А. Сапожкова в Бузулуке, которого поддержала партийная ячейка его дивизии.

Вооруженный протест против программы и лозунгов – т.е. против теории, идей – нелеп по сути и, кстати, требует знания об этой программе как минимум (программы, а не провозглашаемых в конкретных ситуациях лозунгов или действий под лозунгами).

Остается одно, последнее – протест против политики, т.е. конкретных действий. Если безоговорочно принять на веру, что члены коммунистической партии на местах однозначно и последовательно следовали во всем курсу ЦК, то противоречий нет и концы связываются воедино. Если же обратиться к фактам, то становится более чем очевидно, что все было гораздо сложнее.

Были ли на местах настоящие коммунисты? Члены партии РКП(б), обладающие партийными билетами, – да, были, но это, на наш взгляд, несколько иное. Крайне малочисленная в начале 1917 года партия в считанные месяцы резко выросла, и никак не по причине пополнения ее тысячами идейно убежденных борцов, но за счет тех, кто поспешил присоединиться к правящей партии, к властным возможностям. Мы знаем по Южному Уралу, где партийные ячейки в 1917 году возникали по собственной инициативе: просто группа самостоятельно провозглашала себя «большевиками». Идейных коммунистов – со знанием трудов и идей Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина – практически не было, и быть не могло. Для подобных «партийцев» и была создана осенью 1919 г. Н. И. Бухаринь и Е. А. Преображенским знаменитая «Азбука коммунизма», долженствующая быть «первоначальным учебником коммунистической грамоты». Там все излагалось схематично и упрощенно. Идейные пробелы успешно компенсировались активностью местных партийцев, порой крайне по-своему понимавших идеи социализма, но бывших достаточно радикальными в своих решениях и мероприятиях. Вот с ними-то, с этими инициативными радикалами на местах, и сталкивались массы, они-то и олицетворяли для масс коммунистическую партию, с ними-то повстанцы и боролись. Потому и признать выступления повстанцев «антикоммунистическими» можно лишь при обязательных уточнениях и оговорках. И уж тем более никак в старую схему не вписывается уже упомянутая «Армия Правды», где ядро восстания составили члены РКП(б).

Обращение к истории повстанческих выступлений различных регионов подвигло нас на некоторые наблюдения относительно того, можно ли полагать повстанчество 20-х годов за особое явление.

Первое. В рассматриваемый период следует различать и соответственно разделять два явления: собственно повстанчество – где самой яркой характерной чертой следует полагать оторванность от конкретных населенных пунктов, привязка к которым столь характерна для крестьянских локальных выступлений, и – собственно локальные крестьянские выступления. Последние – со всеми свойственными «классическому» крестьянскому протесту чертами: лозунгами, методами протеста, организованностью и судьбой. Повстанческие же выступления – это, прежде всего, протест, находящийся в движении, выходящий и уходящий из конкретных населенных пунктов, в отличие от «классического» не находящийся в ожидании, но наступательный. Конечно, возможен вариант начала выступления в конкретном селе, а потом перерастания его в движение – вариативность не отменяет изменения сути процесса. Также можно говорить об объективной схожести позиций повстанцев и крестьянских активистов, поскольку они детерминированы были общей социально-политической и экономической обстановкой.

Второе. Количественное и качественное изменение состава участников протестов. Локальный протест напрямую связан с населенным пунктом, и абсолютное большинство его участников – односельчане, знакомые, родственники. Наличие незримых связующих нитей, свойственных деревенскому «миру», было одним из факторов, ощутило влиявших на происходящее. Повстанцы – это в массе своей крестьяне, но уже и «не крестьяне».

Происходило определенное раскрестьянивание, если понимать под этим процесс перемен в крестьянском сознании. Таковое подвергалось ощутимой и скорой деформации под воздействием сначала мировой, затем гражданской войн. Суть деформации, на наш взгляд, здесь можно и не уточнять, поскольку о последствиях войн специалистами написано немало. Прибавим сюда приобретенный военный опыт, военную организацию, военную дисциплину. Это наиболее ощутимо наблюдалось при повстанческих выступлениях воинских формирований. А кроме того, помимо крестьян, с ними в одном строю находились горожане, мещане, рабочие – люди со своими взглядами, представлениями, опытом, ценностями, которые также так или иначе влияли друг на друга.

Третий момент: в повстанчестве налицо конструктивное, инициативное начало. В отличие от всех предшествующих периодов, здесь мы имеем непривычно много источников из среды самих протестующих, что позволяет говорить об их взглядах не мозаично, со значительной долей доммысливания по аналогии (раз «земля и воля», то вопрос о земле – тем, кто ее обрабатывает), но комплексно. Мы имеем в виду и агитационные материалы, и протоколы допросов, и иные свидетельства. Главное, что бросается в глаза, – иное мироощущение, иное видение происходящего, ощутимо выходящее за рамки локального мышления. Если крестьяне ранее поднимали голос максимум против своего помещика, то здесь возмущение никак не может ограничиться «плохим» секретарем губкома или продотрядником. Повстанцы ощутимо выходят за рамки локального мышления, свойственного крестьянским волнениям. Здесь иной уровень – общегосударственный; если речь идет о переменах, то для всех и в масштабах всего государства. Появляется глобальное мышление, осознание себя частью единого целого и борьбы в интересах всех.

При этом, как показывает весь прежний вековой опыт социального противостояния, крестьяне выступали всегда **против** чего-либо, иными словами, они лучше представляли себе, чего они точно не хотят из существующей реальности, нежели что именно они желали бы получить в итоге своего выступления. Впрочем, такова же была и революционная традиция России XIX – начала XX в., строившая всю пропагандистскую работу в массах (среди тех же крестьян) на критике отрицательных сторон действительности без детализации «светлого будущего».

Повстанцы, напротив, имели свое видение будущего; программы действий были сформулированы у каждого повстанческого объединения. Между ними были определенные различия, но гораздо важнее схожесть позиций, причем при отсутствии единого врага. Повстанцы воевали не против единой конкретной силы – коммунистов, а против любой альтернативной силы, навязывающей иную, отличную от их собственного видения, картину будущего.

Собственно, это именно коммунисты монополизировали «правильное» видение революции, сами объявили себя государственной властью с особыми правами, сами провозгласили всех несогласных врагами этой власти. Если же принять власть коммунистов как одну из многих, декларативно объявлявших себя, или хотя бы понять, что далеко не все на местах вот так сразу, априори, приняли советскую власть, да еще в коммунистическом варианте («советская власть, и вместе с ней ее мать, коммунистическая власть...») (из обращения Оренбургского предгубисполкома [2, д. 5, л. 73]), как действительно власть, имеющую на то право, то инициативность повстанцев становится очевидной.

Отсюда неизбежно вытекает четвертый момент – причины выступлений. На первый взгляд, это более чем понятно: общее недовольство продрозверсткой + субъективные факторы, связанные с лидерами (амбиции, эсерство и проч.). Но почему выступления начинались именно тогда, когда они начинались? Если говорить о крестьянском выступлении в конкретном населенном пункте, то момент начала конфликта чаще всего очевиден. С восстаниями военных частей все гораздо сложнее. Так, в ноябре 1920 г. происходит выступление крестьян с Преображенского Орского уезда Оренбургской губернии. На подавление была направлена часть Красной Армии под командованием Охранюка. Выступление было, конечно же, вскоре, в декабре, подавлено. Один из командиров отряда восставших, Федор Мамыкин, попал в плен, затем был отправлен в Орск в ЧК, а спустя несколько недель ему удалось бежать во время перевозки из Орска в Оренбург и вернуться домой. В апреле 1921 г. командир 49 дивизиона Охранюк поднял восстание и, заняв Преображенское, провозгласил себя «командующим всеми вооруженными силами народной революционной армии» под фамилией Черский. Так Мамыкин вновь попал в руки Охранюку, только теперь последний сделал его своим адъютантом, оставшимся, кстати, с Охранюком до самого конца [1, д. 62600, л. 58 об.]. Что побудило Охранюка-Черского предпринять столь решительный шаг и в считанные месяцы из карателя стать мятежником? Совершенно нелепо объяснять все личными качествами и иными далекими от истины субъективными причинами; впрочем, как и видеть в протесте стремление покончить с коммунистами. На наш взгляд, это выступление, как и подобные ему, были не столько мстью или сведением счетов, сколько попыткой реализовать иную, как казалось, более справедливую, может быть, более рациональную, модель создаваемого нового общества.

От «крестьянской составляющей» повстанчество отделить невозможно; да и смысла в этом нет. Другое дело, что повстанчество 20-х гг. действительно является особым историческим явлением, требующим углубленного изучения без оглядки на существующие оценки и толкования.

Список источников

1. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 2404. Оп. 1.
3. Григорьев В. К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920-1922 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1984. 176 с.
4. Известия ЦК РКП(б). 1919. № 9.

REBELLION MOVEMENT IN 1920-1921 AS A HISTORIC PHENOMENON

Safonov Dmitrii Anatol'evich, Doctor in History, Professor
Orenburg State University
d_safonov@mail.ru

In the article the statement about exclusively peasant content and anti-communist orientation of the rebellion protest of the 1920s is doubted. The author believes that it is necessary to consider the rebellion movement of the 1920s as an independent historic phenomenon closely associated with the traditional peasant protest, but different from the latter in a number of positions, which are mobility, a wider range of participants, and initiative constructive principles in programs and slogans.

Key words and phrases: rebellion movement; peasant rebellions; programs; The Civil War; common features; anti-communist demonstrations.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Изученные автором публикации в русскоязычных зарубежных газетах 1921 года освещают события крестьянского восстания в Тамбовской губернии, дают представление об их восприятии в русской эмигрантской среде. На основании сопоставления зарубежных статей с публикациями в советских газетах сделан вывод о мифологизации образа А. С. Антонова как коммунистической, так и эмигрантской прессой. Показано, что эмигрантская печать разоблачила попытку коммунистических идеологов возложить ответственность за хозяйственную разруху на крестьянское восстание и лично на А. С. Антонова.

Ключевые слова и фразы: А. С. Антонов; крестьянское восстание; Тамбовская губерния; Всероссийский комитет помощи голодающим; «Воля России»; «Последние новости»; «Руль»; «Свобода».

Серда Владимир Павлович

Литературно-художественный музей С. Денисова, г. Тамбов
vladirmuseum@rambler.ru

**РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПРЕССА 1921 ГОДА
О КРЕСТЬЯНСКОМ ВОССТАНИИ НА ТАМБОВЩИНЕ**

На фоне довольно скудного и тенденциозного освещения тамбовских событий советской прессой зарубежные публикации представляют большой интерес, поскольку позволяют увидеть эти события в том ракурсе, в каком их воспринимала большая часть современников.

Для анализа были выбраны публикации за период с марта по сентябрь 1921 года в четырёх ежедневных русскоязычных газетах. Это орган кадетов «Последние новости», выходивший в Париже под редакцией П. Н. Милокова, правокadetская газета «Руль», которую в Берлине редактировали И. В. Гессен и В. Д. Набоков, эсеровская «Воля России» под редакцией И. Давида, при участии В. М. Зензинова, В. М. Чернова и А. Ф. Керенского, выходившая в Праге, и варшавская газета «Свобода» под редакцией Б. В. Савинкова при участии Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философова.

Вполне естественно, что газеты, стремясь донести до своих читателей максимум новостей с родины, испытывали проблемы с источниками информации. «Последние новости» по этому поводу писали: «Гораздо легче, кажется, узнать, что делается в центральной Африке, чем – как живёт российская деревня после установления советского режима». Газета объясняла это не только изоляцией Советской России от всего остального мира, но и специфическими особенностями коммунистического строя [25]. Сведения о крестьянском восстании поступали, как правило, от собственных корреспондентов в Севастополе, Териоки, Риге, Ревеле, Гельсингфорсе, Копенгагене, из газет “Morning Post”, “Daily Gerald”, “Daily News”, «Рижский курьер», газеты «Владиво-Ниппо», издававшейся во Владивостоке, а также из ревельских газет «Последние известия» и «За народное дело» – без преувеличения, со всего света. При этом эмигрантская пресса пристально следила за публикациями в советских изданиях: «Известия», «Труд», «Правда», «Новый мир», «Деревенская Коммуна», «Петроградская Правда» – и использовала их, сопровождая своими комментариями.

Первое упоминание об Антонове встретилось в газете «Последние новости» от 8 марта 1921 года. Сообщалось, что Антонов возглавляет 50-тысячную армию воронежских и тамбовских крестьян и не допускает снабжения столицы продовольствием из этих губерний [24]. Появление нового народного героя вселяло оптимизм, которым поделилась с читателями газета «Руль»: «Положение советской власти совершенно безнадежно. Восстанием охвачена вся Россия, в некоторых городах, на юге от Москвы и в Поволжье большевистская власть свергнута и население расправляется с коммунистами с чрезвычайной жестокостью. Вследствие неорганизованности движения, ликвидация большевиков может ещё затянуться, но окончательный исход не вызывает ни в ком сомнений» [19]. В том же номере со ссылкой на собственного корреспондента в Ревеле газета сообщала, что на сторону тамбовских крестьян перешли красноармейцы и на подавление восставших направлены войсковые части из Москвы [23].

Сведения, полученные редакцией непосредственно с мест, свидетельствовали о крайне малой информированности советских граждан о том, что творилось внутри страны. Так, газета «Руль» опубликовала на своих страницах два частных письма. Одно, из Москвы, было помечено серединой марта. В нём сообщалось: «...поезда с юга и востока почти перестали приходить – отчасти топлива нет, отчасти их перехватывает какой-то Антонов. Существует ли действительно Антонов – неизвестно, но “антоновщина” существует несомненно. Это нечто вроде летучих отрядов, которые делают набеги на деревню и избивают там коммунистов; останавливают поезда и вместе с крестьянами растаскивают всё содержимое. В города они никогда не заглядывают, но в деревнях имеют большой успех и можно думать, что с тёплыми днями движение это разовьётся... Для большевиков это большая неприятность и первый тому признак – полное замалчивание в газетах. Да оно и понятно. Во-первых, нельзя сваливать на Антанту и белогвардейцев, а надо признаться, что смута завелась в собственных недрах, во-вторых, красная армия очень неохотно дерётся с антоновцами и почти всегда переходит на их сторону» [16].

Второе письмо, из Тамбова, было перепечатано из «Рижского курьера» газетами «Руль» и «Свобода»: «...в Тамбовском уезде открылся настоящий фронт. Присланы регулярные войска. Число войск в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах достигает 150000... Подвоза в город нет никакого». В письме сообщалось также о закрытии большинства школ в Тамбовском уезде и прекращении выдачи жалованья в местности, охваченной восстанием [6].

Немало публикаций было основано на статьях советской прессы с соответствующими комментариями и дополнениями. Так, газета «Воля России» комментирует статью М. Лациса в «Известиях» от 6 марта: «Автор (правая рука Дзержинского?) задаётся вопросом: “Что такое бандитизм?” И даёт такой ответ: бандиты – это отряды Антонова в Тамбове, руководимые правыми эсерами, бандиты – это крестьянские отряды в Смоленской губернии, руководимые лев[ыми] эсерами, бандиты – это украинские повстанцы в правобережной Украине и повстанцы-анархисты, левые эсеры и Махно в левобережной Украине... Таким образом, “бандитами” оказывается всё население России» [13].

События, происходившие в Тамбовской губернии, активно освещались зарубежной прессой до конца 1921 года. Газеты сообщали своим читателям о ходе восстания, о вооружённых силах, используемых властью в борьбе с повстанцами, применении авиации, бронепоездов, об использовании удушающих газов против крестьян. Особое внимание уделялось политической платформе Антонова. В газетах «Руль» и «Последние новости» была опубликована программа Антонова: политическое равенство всех граждан, свобода печати, слова, союзов, собраний; частичная денационализация фабрик и заводов; созыв учредительного собрания и т.д. [12; 18; 26]. Вместе с тем редакция «Руля» публикует передовицу, в которой полемизирует с «Волей России», по её мнению, излишне уповающей на «крестьянскую вольницу» в лице Антонова и его союзников: «Мякину обороняют – но государственности не восстанавливают» [22].

Восторг «Воли России» вполне объясним. После поражения Белого движения Антонов стал для эмигрантской прессы, независимо от её политических взглядов, символом борьбы с большевистским террором и надеждой на освобождение России. Вместе с тем личность Антонова оставалась для журналистов этих газет, а соответственно, и для их читателей загадочной и непонятной, обрастая мифами и легендами с каждым известием о новых успехах повстанцев. В то время как в советской прессе образ Антонова демонизировался, в эмигрантской прессе он героизировался. Газета «Последние новости» сообщала: «Антонов почти год пребывал в Тамбовской губернии, причём Тамбов время от времени становился его резиденцией. Большевики долго ничего не могли с ним поделаться: пошлют на Тамбов большие силы, Антонов боя не примет и, уйдя из города, рассеется по губернии. Как только большевики, думая, что всё успокоилось, ослабят свои силы, Антонов налётом занимает и водворяется в Тамбове» [14]. В этой же статье утверждалось, что среди подвижников Антонова много генералов и офицеров. Перед читателями Антонов предстал неким Робин Гудом, который отбирал деньги у коммунистов и раздавал нищим [3]. Сводки новостей порой принимали характер авантюрного романа: «В Тамбове тревожно. Недавно в городе на стенах была расклеена оперативная сводка штаба армии Антонова. Говорят – сам был в городе. Оставил след – расписался на стенке в номере гостиницы. Получил, говорят, обмундирование для солдат и даже орудия по подложному ордеру. Не успел только взять боевого комплекта – спохватились» [Там же].

Осознав в какой-то степени причины поражения Белого движения, редакции эмигрантских газет видели надежду на спасение России в объединении всех антикоммунистических сил, при этом иногда совершенно искренне выдавая желаемое за реальное. Так, 9 марта «Последние новости» сообщают, что «по слухам» восставший против советской власти Антонов вступил в связь с Махно и разбил красных под Обоянью [1]. Уже на следующий день «Свобода» пишет о переговорах «вождей повстанческого движения Антонова, Махно и Струка» с целью организации совместного выступления против большевиков. Сообщается, что силы Махно достигают 50 тысяч, а Струка – до 30 тысяч человек [27]. Ещё через день «Воля России» уточняет, что атаман Махно соединился с Антоновым после того, как разбил у Обояни красноармейские полки, и ими установлен единый фронт, представляющий угрозу большевистской власти на Украине [9]. 19 марта «Последние новости» пишут о восстании тульских рабочих, которым после двухдневного сопротивления удалось уйти на юг на соединение с Антоновым [8], а 10 апреля в этой же газете появляется информация о соединении отрядов Антонова с казачьими войсками [15].

Было и просто много путаницы, так как приходилось пользоваться недостоверными источниками, а интерес к событиям внутри России не ослабевал. «Последние новости» упорно именовали Антонова «бывшим главверхом» [20; 24], а «Руль», комментируя речь Калинина о росте крестьянского повстанческого движения в Украине и в Великороссии, уточнял: «Антонов пользуется среди крестьян большими симпатиями.

Из достоверного источника сообщают, что Антонов, которого не следует смешивать с бывшим советским народным комиссаром, – бывший большевик... К нему примкнул комиссар Смилга» [12]. Однако и «Руль» вскоре оказался совершенно сбитым с толку и объявил Антонова и Антонова-Овсеевко союзниками [2].

Очевидно, ленинский штамп «антоновщина» имел последствия и для эмигрантской прессы, которая не просто путала Александра Степановича Антонова с Владимиром Александровичем Антоновым-Овсеевко, но и наделяла каждого из них фактами биографии другого. Не исключено, что эти публикации помогли органам НКВД в 1937 году поставить точку в биографиях и Антонова-Овсеевко, и Смилги.

Всего в указанных газетах с марта по сентябрь насчитывается около 50 публикаций, связанных с Антоновским восстанием. Это весьма значительное количество, если учесть, что первые полосы весенних номеров были посвящены Кронштадтскому восстанию: хронике событий, международным откликам, судьбам повстанцев и анализу причин поражения. Другой темой, не сходящей со страниц прессы, был голод в России. Эта тема также была связана с тамбовскими событиями. В нескольких публикациях «Последних новостей» упоминается голодный штурм Тамбова – факт, который, безусловно, нуждается в корректировке. Собственный корреспондент в Гельсингфорсе сообщал о шести миллионах беженцев, наводнивших Тамбовскую, Пензенскую, Воронежскую губернии,двигающихся на Москву: «20 июля толпы голодающих добрались до Тамбова и буквально затопили город. Обезумевшие от голода люди смяли заставы красноармейцев, рассыпались по городу и начали громить магазины и склады. Лошади конного отряда, пожарной команды и извозчицы были зарезаны и съедены». Также отмечалось, что красноармейцы, которым было поручено отстоять Тамбов, отказались стрелять в голодающих [10]. Было опубликовано сообщение со ссылкой на французских коллег о 300 тысячах беженцев между Тамбовом и Тулой, отбиривших продовольствие у населения, о вооружённых столкновениях между обоими лагерями [4]. Со ссылкой на «Daily News» сообщалось о применении химического оружия против голодающих крестьян, осаждающих Москву [28].

Эмигрантской прессе удалось увидеть то, что не удаётся до сих пор многим из наших современников. Она вскрыла замыслы коммунистов: Антонов стал для советской власти подходящей фигурой, на которую можно было взвалить вину за разразившийся голод и разруху в стране. «Последние новости» писали о большевиках: «Когда в прежние годы, благодаря своей хозяйственной политике, они не могли прокормить населения – они взваливали вину то на Деникина, то на Колчака, то на Врангеля, то на блокаду. Все антибольшевистские фронты ликвидировались, блокада была снята, тогда виновниками стали Махно, Антонов, социал-предатели, “соглашатели” и т.п. Теперь и это всё ликвидировано... А положение с каждым днём всё хуже и хуже. Тут большевикам приходит на помощь “стихия”, на которую к тому же и легче взвалить вину и ответственность за собственную бездарность и невежество... Кто знает, может быть, если бы не такое начало – они и на сей раз всё изобразили бы в виде “повстанческих банд” какого-нибудь Антонова или ненавистных им меньшевиков и эсеров» [21].

Таким образом, по мнению эмигрантской прессы, коммунисты мифологизировали Антонова как источник всех бед и несчастий. Не отказались они от использования его имени и для дискредитации Всероссийского комитета помощи голодающим. Обвинение было выгодным вдвойне: Помгол обвинялся в пособничестве повстанцам, Антонов – в связях с международным шпионажем. «Последние новости» откликнулись на идеологическую атаку большевиков рядом статей под рубрикой «Фабрикация нового “заговора”» [29].

В последнем сентябрьском номере «Последних новостей» вновь встречается упоминание о борьбе коммунистов с Антоновым [5] – уже после сообщения советской печати о якобы завершившейся ликвидации «антоновщины» [29]. Идеологическая борьба продолжалась.

Список источников

1. Антонов // Последние новости. 1921. 9 марта.
2. Антоновщина // Руль. 1921. 14 апреля.
3. «Блуждающие огни» // Последние новости. 1921. 24 сентября.
4. Бои с голодными // Последние новости. 1921. 7 августа.
5. Борьба с Антоновым // Последние новости. 1921. 29 сентября.
6. В Тамбовской губернии // Свобода. 1921. 10 марта.
7. «Внутренние враги» // Последние новости. 1921. 28 сентября.
8. Восстание в Туле // Последние новости. 1921. 19 марта.
9. Восстания в провинции // Воля России. 1921. 11 марта.
10. Голодающие идут на Москву // Последние новости. 1921. 27 июля.
11. Крестьянские восстания // Руль. 1921. 2 апреля.
12. Крестьянские восстания // Руль. 1921. 13 апреля.
13. Настроения в России // Воля России. 1921. 20 марта.
14. Отряды Антонова // Последние новости. 1921. 28 июля.
15. Партизанская война // Последние новости. 1921. 10 апреля.
16. Письмо из Москвы // Руль. 1921. 22 апреля.
17. Письмо из Тамбова // Руль. 1921. 13 марта.
18. Платформа Антонова // Руль. 1921. 21 апреля.
19. Повсеместные восстания // Руль. 1921. 11 марта.
20. Последние новости. 1921. 8 марта; 9 марта.
21. Причины голода // Последние новости. 1921. 23 августа.
22. Пути освобождения // Руль. 1921. 27 апреля.
23. Развал советской власти // Руль. 1921. 11 марта.

24. Роль Антонова // Последние новости. 1921. 8 марта.
25. Советская деревня // Последние новости. 1921. 22 апреля.
26. Советская печать о восстаниях // Последние новости. 1921. 16 апреля.
27. Совместные действия // Свобода. 1921. 10 марта.
28. Удушливые газы против голодающих // Последние новости. 1921. 7 августа.
29. Фабрикация нового «заговора» // Последние новости. 1921. 15 сентября.

RUSSIAN PRESS ABROAD OF 1921 ON PEASANT REBELLION IN TAMBOV REGION

Sereda Vladimir Pavlovich

S. Denisov Literary Memorial Museum in Tambov

vladirmuseum@rambler.ru

The publications of 1921 in Russian newspapers abroad describe the events of the peasant rebellion in Tambov province and throw light on their perception in Russian émigré circles. Comparing the publications in Russian newspapers abroad and Soviet newspapers the author concludes on mythologization of A. S. Antonov's image by both the Communist and émigré press. It is shown that the émigré press denounced the communist ideologists' attempt to lay responsibility for economic collapse on the peasant rebellion and personally on A. S. Antonov.

Key words and phrases: A. S. Antonov; peasant rebellion; Tambov province; All-Russian Public Committee for the Relief of Starving; "Volya Rossii" ("Russia's Will"); "Poslednie Novosti" ("Latest News"); "Rul" ("Wheel"); "Svoboda" ("Freedom").

УДК 94(47+57)“1917/1924”

Исторические науки и археология

Статья посвящена вопросам использования воспоминаний как источника по истории Антоновского восстания. Практически не введенные в научный оборот, мемуары, находящиеся в бывшем партийном архиве Тамбовской области, несмотря на их известную односторонность и предвзятость, содержат ценные характеристики участников противостояния, описания форм и методов партизанской войны, воссоздают картину восстания в разных населенных пунктах Тамбовской губернии, показывают уровень ожесточения антагонистов.

Ключевые слова и фразы: А. С. Антонов; Антоновское восстание; «антоновщина»; воспоминания; «зелёные»; историческая память; мемуары; «старые коммунисты»; Тамбовская губерния.

Токарев Николай Васильевич

Колледж права и безопасности, г. Тамбов

n_tokarev@mail.ru

АНТОНОВСКОЕ ВОССТАНИЕ В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Аспекты взаимоотношений сельского социума и российской власти относятся к наиболее актуальным и значимым проблемам отечественной историографии. Предпосылки, причины, ход, итоги и последствия крестьянского восстания под предводительством А. С. Антонова в последние годы неоднократно освещались в многочисленных исследованиях и документальных публикациях. Юбилей Великой революции 1917 года, а следом и памятные даты начала Гражданской войны заставляют вновь обратиться к изучению противоборства тамбовского крестьянства и государства на переломе эпох в России. Привлечение такого источника, как мемуары непосредственных участников и современников событий, безусловно, призвано углубить наши представления о характере и особенностях антагонизма между «бунтующими пахарями» и «борцами за светлое будущее коммунизма».

Мемуарные записи, создававшиеся спустя десятилетия после пережитого кошмара Гражданской войны, естественно, носили на себе неизгладимый оттиск идеологических стереотипов «Краткого курса «Истории ВКП(б)»», содержали массу неточностей и умолчаний, осознанных и бессознательных ошибок. Но свидетельства очевидцев ценны не только описанием событий, «воскрешением» прочно и давно забытых деятелей прошлого, они являются универсальным измерителем исторической памяти, позволяют увидеть становление представлений, предрассудков и стереотипов восприятия ушедшей эпохи.

Фонд П-9019 Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО) «Партийный архив Тамбовского областного комитета КПСС» довольно обширен и состоит из 1782 дел [2]. Они собраны из документальных материалов конкретных авторов: воспоминаний, писем, анкет, справок, характеристик и пр. Чаще всего дела персонализированы и названы по фамилии, имени и отчеству «старого большевика», «участника борьбы за установление Советской власти» или «участника борьбы с антоновщиной». Так, например, при отборе архивного материала обратило на себя внимание, например, название следующего дела – «Поднебеско Ефим Васильевич. Чл. КПСС с 1918 г. участник Октябрьской революции в г. Клинцы. Возглавил отряд солдат артмастерских для подавления офицерского мятежа в г. Тамбове в 1918 г. Как командир особого коммунистического отряда принял участие в подавлении банд Антонова в Кирсановском районе» [1, д. 622].

При выявлении мемуарных источников необходимо ориентироваться, прежде всего, на названия дел, данные фондохранителями. Стражи советского прошлого вполне в духе господствовавшей идеологии воспроизводили в наименованиях полученных документов традиционные для тогдашней исторической науки негативные оценки событий 1919-1921 гг.: «антоновские банды», «банды Антонова», «бандиты Антонова», «антоновский мятеж» и уже привычное – «антоновщина». Обращает на себя внимание, что хранители исторической памяти не были оригинальными, увязав конец крестьянского восстания с понятиями «подавление» (53), «разгром» (25), «ликвидация» (8), «уничтожение» (1), в 47 случаях они использовали нейтральный термин – «борьба».

При работе с описью нами было выявлено не менее 40 дел, содержащих воспоминания участников борьбы с «антоновщиной». Другим ключевым словом, определяющим необходимость обращения к тем или иным делам, стал термин «бандитизм», использовавшийся для описания крестьянского сопротивления в Тамбовской губернии. Это позволило расширить круг источников дополнительно на 6 архивных дел. Наконец, еще три единицы хранения были приняты на исследовательский учет для последующего изучения после отождествления дефиниций «кулацко-эсеровские мятежи» и «Антоновское восстание». Отдельную группу (8 дел) составили воспоминания об участниках борьбы с мятежным крестьянством.

Выборочное изучение дел активных борцов с антоновскими выступлениями открыло интересные исследовательские перспективы и добавило в «лист ожидания» 90 наименований. По аналогии с воспоминаниями участников «борьбы с бандитизмом» были учтены 13 дел, где в аннотации отмечался подобный эпизод карьеры. Тем же способом обратили на себя внимание 12 дел свидетелей «борьбы с кулацко-эсеровскими мятежами».

Мы также попытались определить историческую географию свидетельских показаний, уточнив привязку Антоновского восстания к той или другой местности на уровнях уезда или селения. Выяснилось, что в названиях архивных дел 17 раз были зафиксированы населенные пункты, охваченные противоборством. Далее, авторы делились своими воспоминаниями о ходе «антоновщины» в Борисоглебском (12), Кирсановском (19), Козловском (12), Моршанском (7) и Тамбовском (17 дел) уездах. В остальных случаях фондохранители указывали на факты деятельности автора по разгрому крестьянского восстания в Тамбовской губернии вообще, без точной локализации конфликта.

Таким образом, мы имеем широкое поле почти не введенных в оборот архивных материалов, документальных свидетельств по истории нашей страны первой трети XX столетия, что составляет около 10% от всех дел фонда ГАСПИТО П-9019.

Чтобы создать объективную картину столкновения тамбовской деревни с коммунистическим режимом, при работе с показаниями свидетелей Антоновского восстания придется, очевидно, средствами источниковедческой критики тщательно, кропотливо и дотошно отбирать, анализировать и оценивать достоверность воспоминаний.

Мемуары, попавшие на хранение в партархив Тамбовского обкома КПСС, имеют разную ценность для изучения «антоновщины». Дело не только в объеме текстов, внятном или косноязычном изложении, но и в ограниченности исторического, политического и жизненного кругозора очевидца. Полученное уже после Гражданской войны образование, умение не скатиться в описание мелких подробностей, аналитические способности автора в определенной степени нивелировали вполне объяснимый идеологический самоконтроль членов Коммунистической партии. Дальнейшая политическая, военная, служебная и трудовая деятельность мемуариста естественным образом меняла или, наоборот, закрепляла в его памяти оценки событий и своей роли в них.

Указания в названии архивного дела на участие партийного или комсомольского активиста, военного или советского деятеля в ликвидации восстания вовсе не служат гарантией, что исследователь обнаружит вообще какие-либо материалы, раскрывающие подробности драмы в Тамбовской губернии. Так, хотя член КПСС с 1918 г. председатель Богоявленского волысполкома М. Г. Гречушников записан в аннотации как «участник подавления антоновщины» в Пичаевской и Ракшинской волостях Моршанского уезда, при просмотре архивного материала лишь единственное упоминание в характеристике позволяет согласиться с этим утверждением [Там же, д. 172]. Таким же разочарованием оказались «Воспоминания о борьбе с антоновщиной» С. С. Белотелова, в которых именно о бунтарстве тамбовских крестьян равным счетом не было написано ничего, тогда как автор довольно подробно изложил историю борьбы с «зелеными» на Украине в 1920-1923 гг., с бандами «Маруси», «Левченко» и «Подковы» [Там же, д. 64].

В глазах победителей будущий предводитель крестьянского движения в Тамбовской губернии и на смежных территориях предстал не слишком привлекательным: «человек с каким то напряженным лицом в красных галифе» [Там же, д. 909, л. 27]. В памяти М. В. Покалохина, исполнителя чекистской операции по уничтожению братьев Антоновых, сохранился образ «щупленького, невзрачного, подвижного и проницательного, неприятной внешности человека в возрасте лет тридцати. Это и был Александр Антонов» [Там же, д. 626, л. 50-51]. Со слов третьих лиц опознал вожака повстанцев современник, никогда его не видевший: «Начальник отряда среднего роста, в кителе защитного цвета. Впереди нет одного зуба – щербатый». При появлении антоновцев председатель Уваровского волысполкома В. А. Ревелев доверился словам очевидцев, которые «после говорили, что по описанию это был Антонов. Можно предполагать, что это было так» [Там же, д. 671, л. 49]. Старый большевик «Федот», вступивший в партию большевиков еще в 1905 г., Ф. Н. Беликов в своих воспоминаниях вообще отказался называть табуированное имя: «Вот первые зачатки развития бандитизма, во главе которого стоял бывший начальник милиции, предатель рабочих и крестьян, как представитель эсеровской партии» [Там же, д. 63, л. 9].

Мемуаристы путались в определении политического лица А. С. Антонова. По словам Е. В. Поднебеско, «эсер-меньшевик кулак Антонов А. изменил родине Советской власти, стал убийцей на пути контрреволюции» [Там же, д. 622, л. 37]. Как видно, воспроизведя все клише своего сурового времени, командир особого коммунистического отряда особенно не затруднялся выявлением партийной принадлежности мятежного лидера.

Известный чекист-ликвидатор М. И. Покалюхин не только называл своего врага как «эсерствовавшего бандита или бандитствовавшего эсера», он категорически утверждал: «Едва ли в настоящее время личность Антонова... заслуживает внимания или представляет какой-либо существенный интерес» [Там же, д. 626, л. 2]. Неправоту автора воспоминаний доказало время, самого Покалюхина все еще помнят, поскольку он приложил руку к окончательному поражению Антоновского восстания.

В воспоминаниях отдается должное окружению А. С. Антонова. «Брат его тоже был бандит Димитрий», – вспоминал Е. В. Поднебеско [Там же, д. 622, л. 37]. Более пространные аттестации сподвижников встречаем в записках М. И. Покалюхина. Он на первое место поставил не младшего Антонова («беспринципный, ограниченный субъект, старавшийся во всем подражать своему старшему брату»), а Петра Токмакова: «К нему Антонов был особенно расположен и относился с большим доверием, ему он поручал самые важные дела». Токмаков представлен как «отъявленный головорез, злостный дезертир, уголовник-конокрад». По мнению М. И. Покалюхина, если П. М. Токмаков был правой рукой Антонова в боевых операциях банды, то И. Е. Ишин использовался им главным образом по организационной, «политической» части. «Ловкий говорун, демагог – он не безуспешно “обрабатывал” много доверчивых, неустойчивых, колебавшихся мужичков, склоняя их на сторону Антонова» [Там же, д. 626, л. 5]. Пропагандист Ишин, уверял М. И. Покалюхин, «способен был говорить без конца, как заведенная машина, врать без границ и совести и этим морочить головы уставших мужиков» [Там же, л. 68].

В тайниках памяти очевидцы сохранили имена и других действовавших в разных углах Тамбовской губернии мятежников, примыкавших к восстанию или организовавших свои отряды накануне открытого выступления А. С. Антонова или параллельно с ним: бывший подпрапорщик, кулак-хуторянин Кузнецов [Там же, д. 441, л. 5], «Лобан» [Там же, д. 572, л. 40], «Карась» [Там же, д. 63, л. 10] и т.д. Ситуацию в Борисоглебском уезде описал В. А. Ревелев: «В с. В. Шибряй по уличному “Андрюха дергач”, его брат Ксенофонт “дергач”. В М. Алабушке Сашка Кулдошин, в с. Шепелевке “Губан”» [Там же, д. 671, л. 47].

Особо отмечали появление в тамбовских краях отряда из соседней Воронежской губернии: «Следующим гостем был отряд Колесникова, отряд не местных бандитов, отряд хорошо вооружен, в отличие от местной банды все всадники в седлах, тогда как местные бандиты ездили на подушках» [Там же, д. 670, л. 74]. Как о героическом моменте биографии помнили о длительном бое против 800 бойцов отряда И. С. Колесникова [Там же, д. 63, л. 9].

Объясняя успехи крестьянского восстания, его размах, длительность, необходимость привлечения регулярных войск для подавления, современники, прежде всего, отмечали длительную и продуманную подготовку выступления, создание партизанских баз и хранилищ оружия [Там же, д. 441, л. 5, д. 670, л. 7, д. 671, л. 58]. Бывший в 1920-1921 гг. начальником Тамбовской уездной милиции Н. Г. Шустов признавал на закате жизни: «Восстание было подготовлено умело» [Там же, д. 909, л. 4].

Знание местности, особенностей природного ландшафта помогало антоновцам успешно вести партизанские действия, скрываться от преследования противника. По воспоминаниям В. М. Верховых, в Кирсановском уезде, на озере Змеиное, в районе сел Рамза-Паревка-Карай-Салтыки антоновцы соорудили хорошо оборудованную базу: «Кочки Змеинового озера представляли интересную картину: между ними на довольно широком пространстве были перекинута жерди. На жерди наброшены ветки, листья, палки, солома, вследствие чего образовался как бы пол, и он был настолько крепок, что по нему можно было ходить и даже возводить некоторые постройки: шалаши из тростника, походную камышовую церковь и т.д. В некоторых местах импровизированного пола были проделаны дыры и над водой в особые камышовых корзинах содержались продукты – мясо, масло. Было даже два шалаша из камыша, накрытых дерном наподобие землянок. В нескольких шагах от этого настила были обнаружены кочки, верхушки которых были срезаны, и земля из них выбрана настолько, что получалось нечто вроде норы, могущей вместить человека. Накрывшись верхушкой-шапкой и оставив небольшую щель для притока воздуха, человек мог находиться там длительное время, оставаясь незамеченным» [Там же, д. 1721, л. 16]. Сам Антонов и его ближайшее окружение «отсиделись в кочках, накрывшись их верхушками, и курсанты прошли буквально над ними» [Там же, л. 18]. Однажды рядовой мятежник был обнаружен лишь по качанию камыша, служившего ему для дыхания [Там же, л. 17].

В воспоминаниях находим признаки серьезной постановки антоновцами разведывательной работы. Например, в 1921 г. даже среди сельского актива с. Каменка оказались члены штаба А. С. Антонова. Поэтому предложение Губчека помочь выявить деятельных сторонников мятежа встретило иронические улыбки местных активистов [Там же, д. 353, л. 14].

Против повстанческой армии А. С. Антонова приходилось использовать местные боеспособные силы, однако качество мобилизованных и их моральное состояние оставляли желать лучшего. Когда в августе 1920 г. из г. Кирсанова в с. Инжавино прибыл кавалерийский эскадрон без винтовок, но с клинками, у местных коммунистов поднялось настроение, но «радость была преждевременной» [Там же, д. 248, л. 147]. Оказалось, эскадрон был укомплектован полностью из бывших дезертиров Кирсановского уезда, в том числе из тех сел, «где много было завербовано в антоновскую банду и, следовательно, эскадрону приходилось сражаться со своими односельчанами» [Там же, л. 147-148]. Напомню, что это происходило в местах, которые современники оценивали как «самый опасный район для жизни... Кирсановский уезд, Инжавино» [Там же, д. 622, л. 38].

По прибытии в мае 1921 г. в г. Моршанск, вновь назначенный комиссар 58-го стрелкового полка С. В. Бычков-Лаут не скрывал своего удивления низкой дисциплиной личного состава, массовым мародерством солдат и части командиров, бойкой продажей бойцами на местном рынке вещей домашнего обихода, одежды и т.п. При ближайшем знакомстве с организацией борьбы с «зелеными» комиссар выяснил: «Полк

в боевых операциях (до операции антоновских банд) не участвовал и был укомплектован из бывш[их] дезертиров и частично из поступивших из госпиталей, очень много в его составе было бойцов из Моршанского уезда, были также и такие, которым нельзя было доверять оружие: Поросятников из Алгасова сын крупного торговца» [Там же, д. 105, л. 70]. Вскоре командир полка был заменен юным А. П. Голиковым (Гайдаром).

«Старые коммунисты» скептически отзывались о массовой поддержке мятежников населением. Они придерживались версии, что многочисленность повстанческой армии, этой «зеленой кавалерии на подушках» [Там же, д. 670, л. 71], достигалась за счет угроз и насилия против сельских обывателей, не готовых воевать против Советской власти: «бандиты в ночь подъезжают к дому, забирают насильно сына или отца, вооружаются отрезами [обрезами] дают лошадь, подушку, которая служила седлом и увозили с собой к Антонову, которых он регистрировал и определял в какой отряд или полк» [Там же, д. 622, л. 38-39]. Эти показания подтверждаются и другим свидетельством: «Силой заставляли все мужское население способное носить оружие идти с ними. Под страхом смерти сажали на коней малого и старого. Их девиз был таков “или с нами или голова долой”» [Там же, д. 670, л. 71].

Помимо собственно военных действий с регулярными частями и краснопартизанскими отрядами антоновцы в своей борьбе применяли террористические акты против представителей власти [Там же, д. 82, л. 28, д. 909, л. 8], экспроприации и диверсии на железной дороге [Там же, д. 82, л. 23]. В разгар восстания, как свидетельствует В. А. Ревелев, были разобраны железнодорожные пути по линии Тамбов – Балашов. Вокзал станции Отхожее был сожжен. Разграблены и выведены из строя станции Ржакса и Чакино. До станции Обловка, соединяющая Тамбов и Уварово, периодически доходила бронелетучка, прокладывая себе путь [Там же, д. 670, л. 71-72]. Построенная рабочими Тамбовских вагоноремонтных мастерских бронелетучка курсировала по Саратовской и Балашовской линиям железной дороги. Один из ее командиров А. Н. Бойко рассказывал о своей борьбе с «мирными пахарями»: «Бывало едешь с бронелетучкой и видишь, крестьяне мирно пахут землю, но как только бронелетучка прошла, приступают к разборке пути, при этом лошадьми растаскивают рельсы, гибая их чуть ли не в кольцо. После этого пахари скрываются или делают засаду» [Там же, д. 82, л. 24].

Метод непрерывного курсирования бронелетучки пришлось отменить [Там же, л. 71]. Воспоминания содержат описания зверских расправ антоновцев над пленными противниками: коммунистами и комсомольцами, партийными и советскими работниками, чекистами и милиционерами [Там же, д. 441, л. 6, д. 572, л. 40, д. 671, л. 73, д. 799, л. 89, д. 909, л. 8]. Описания издевательств, пыток и казней настолько ярки, красочны и натуралистичны, что их трудно воспринимать людям с неустойчивой психикой: «издевались зверски, их рубили, отрезали носы, отрубали руки, ноги, бросая под лед, выколивали глаза, по несколько раз втыкали кинжалы, шашками в грудь, вырезали на лбу д.к., т.е. долой коммунизм» [Там же, д. 622, л. 38]. Пенсионер союзного значения Е. В. Поднебеско даже в 1957 г. признавался в тяжести этих воспоминаний: «Вот несколько примеров как было тяжело, эта дата никогда не забывается, это только часть описания» [Там же, л. 40]. Так сложилось восприятие предводителя тамбовского восстания как «зверя» [Там же, д. 909, л. 27].

Таким образом, находившиеся долгое время под спудом, недоступные для массового исследователя документы личного происхождения ныне рассекречиваются и могут вводиться в научный оборот. Сохранившиеся следы безжалостных времен воспоминания «старых коммунистов» представляют односторонний взгляд победителей в гражданском междоусобии столетней давности. Использование мемуаров при написании истории «антоновщины» вполне оправданно, способствует более глубокому пониманию характеров и действий участников, показывает степень озлобления сторон во время Гражданской войны в России.

Нам удалось просматривать документы только части незначительного архивного фонда. Само собой разумеется, что только сплошное изучение исторических источников, отложившихся в фонде П-9019 ГАСПИТО, поможет реконструкции прошлого нашей страны. Скрупулезная и беспристрастная исследовательская работа в провинциальном документохранилище позволит восполнить лакуны в истории крестьянского движения в России в первой трети XX в., вскрыть принципы и способы конструирования исторического сознания в Советской России и Советском Союзе, изучить механизм формирования исторической памяти.

Список источников

1. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-9019. Оп. 1.
2. Центр документации новейшей истории Тамбовской области: путеводитель. М.: Просветительно-издательский центр «Звенья», 2002. 440 с.

TAMBOV REBELLION IN UNPUBLISHED MEMOIRS OF CONTEMPORARIES

Tokarev Nikolai Vasil'evich
College of Law and Security in Tambov
n_tokarev@mail.ru

The article is devoted to the use of memoirs as a source on the history of Tambov rebellion. Practically not introduced into scientific use, memoirs in the former party archive of Tambov region, despite their well-known one-sidedness and bias, contain valuable characteristics of the participants of the rebellion, descriptions of forms and methods of the guerrilla war, recreate the picture of the rebellion in different settlements of Tambov province, show the level of the antagonists' bitterness.

Key words and phrases: A. S. Antonov; Tambov rebellion; “Antonovshchina”; memoirs; “The Green”; historical memory; memoirs; “old communists”; Tambov province.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье анализируются основные исторические исследования западных историков XX века, посвященные крестьянским движениям в России в период Гражданской войны. Выделяются главные хронологические этапы развития западной историографии по этой теме и обосновываются критерии их выделения. Особое внимание уделяется работам, внесшим заметный вклад в изучение крестьянских волнений в Тамбовской губернии в данный период. Анализируются системные достоинства и недостатки исследований западных историков.

Ключевые слова и фразы: западная историография; крестьянство; крестьянские восстания; период Гражданской войны; продрозверстка.

Шадский Олег Германович, к.и.н., доцент

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

olegshadsky@gmail.com

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА И КРЕСТЬЯНСКИХ ДВИЖЕНИЙ 1918-1921 ГГ.

Каким было русское крестьянство в начале XX века? «Ни один класс или социальная группа общества не получили такого количества противоречивых определений со стороны антропологов, социологов и историков», – заметил один исследователь по поводу российского крестьянства [15, р. 36]. Какие изменения и процессы инициировала революция 1917 года в крестьянской среде? Какую роль сыграло крестьянство в революции и Гражданской войне? Какими были экономические, политические и социальные последствия политики «военного коммунизма» и Гражданской войны для русской деревни? Эти и десятки других вопросов волнуют западных исследователей российского крестьянства.

Среди историков термин «Гражданская война», как правило, ассоциируется с войной между красными и белыми. Историки изучают армии и штабы, фронтовые операции и правительства. Однако драматическая борьба красных и белых заслонила собой другую гражданскую войну, происходившую в то же самое время. Это была война, которая не имела определенных линий фронтов, но велась она буквально в каждой губернии Советской России, находившейся под контролем большевиков. Это была война крестьян против государства. В 1918-1921 годах на территориях, контролируемых большевистским правительством, произошли сотни крестьянских восстаний. Отряды дезертиров из Красной Армии («зеленые») присоединялись к крестьянам в борьбе против правительственных сил на обширных внутренних фронтах.

Важным фигурантом исследования крестьянского движения в западной историографии всегда являлась Тамбовская губерния, уступавшая по количеству опубликованных работ по этой теме, пожалуй, только Украине. Подобное внимание к Тамбовщине легко объяснить. Во-первых, губерния во время Гражданской войны всегда находилась под контролем большевиков, что дает возможность «чистого анализа». Во-вторых, здесь произошло наиболее крупное крестьянское восстание, вошедшее в историю под названием «антоновщина». Поэтому историография массовых крестьянских движений в России тесно связана с историографией «антоновщины».

Хронологически западную историографию можно разделить на два периода: 1920-е – середина 1980-х годов, когда западные исследователи были вынуждены пользоваться весьма узким набором источников, так как возможность работать в советских архивах была для них весьма ограничена, и период, начавшийся со второй половины 1980-х годов и продолжающийся до настоящего времени, когда западные исследователи получили возможность пользоваться богатейшим материалом российских архивов. В рамках первого периода можно выделить несколько подпериодов.

Собственно отдельной крестьянской темы в западной историографии, посвященной периоду Гражданской войны, не существовало вплоть до 1960-х годов. В 1930-е – первую половину 1960-х годов западных ученых интересовала военно-политическая история Гражданской войны. Крестьянство рассматривалось если и не как пассивная масса, не игравшая заметной роли в Гражданской войне, то и отнюдь не как активный субъект и «творец» истории.

В 1966 году в журнале, посвященном восточноевропейской истории «Славик ревью» («Славянское обозрение») появилась статья преподавателя Йельского университета Сета Синглтона «Тамбовский мятеж (1920-1921)» [28]. Значение этой работы состоит в том, что она является первой попыткой западного историка разобраться в хитросплетениях крестьянских движений. Пользуясь ограниченным кругом источников, даже не имея более-менее подробных представлений о ходе Антоновского восстания, Синглтон тем не менее приходит к вполне обоснованным выводам об общекрестьянском характере восстания и о скромной роли эсеров в его подготовке.

Двумя годами позже Михаил Левин опубликовал работу «Русские крестьяне и Советская власть: исследование коллективизации» [14]. Левин касается событий Гражданской войны лишь вскользь, его работа посвящена крестьянству 20-х годов. Однако эта монография оказала большое влияние на изучение крестьянства как самостоятельного исторического субъекта.

В 1972 году появилось исследование Теодора Шанина «Неудобный класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910-1925». Эта работа является наиболее значительной из посвященных российскому крестьянству в рассматриваемый период [27]. Исследуя неонароднические теории конца XIX – начала XX века, Шанин пытается объяснить особенности российского крестьянства – его невозможность стать «капиталистическим» и неудачу органично вписаться в коммунистическую систему. Точка зрения Шанина на русское сельское население как особенную культуру на периферии западного мира оказала большое влияние на последующих историков.

Октябрьская революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война, по мнению Шанина, привела к экономическому упадку крестьянского хозяйства, статистически выраженному в уменьшении посевных площадей, количества домашнего скота и лошадей, в резком росте разделов крестьянских хозяйств, не обусловленных факторами экономической необходимости, что привело к значительному уменьшению процента зажиточных, наиболее передовых крестьянских хозяйств [Ibidem, p. 52].

Автор делает важный вывод о том, что самым главным конфликтом для крестьянства в целом был конфликт с внешними силами (большевиками и советским государством), нежели чем конфликт между различными социально-экономическими слоями внутри общины [Ibidem, p. 141, 177-179].

Хотя первая книга, посвященная движению зеленых, появилась в Великобритании еще в 1973 году, она по некоторым причинам не смогла стать классической работой по теме [29]. Спустя три года такое исследование появилось по другую сторону океана. В 1976 году американский историк Оливер Рэдки опубликовал исследование «Неизвестная Гражданская война в Советской России. Исследование движения зеленых в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах» [21]. В своих предыдущих работах известный историк уже касался темы крестьянских восстаний в период Гражданской войны, однако лишь в связи с главным объектом его исследований – партией социалистов-революционеров [19; 20]. «Неизвестная Гражданская война» стала первым западным исследованием, посвященным подробному региональному изучению крестьянских движений в период Гражданской войны.

Рэдки подробнейшим образом прослеживает ход и причины «антоновщины», «самого организованного крестьянского восстания в истории» [21, p. 154]. Автор делает вывод о том, что Антоновское восстание было общекрестьянским, а отнюдь не «эсеро-кулацким», как это утверждалось в современной ему советской историографии. Главной причиной восстания крестьян явилась жесткая и даже жестокая эксплуатация крестьян со стороны большевистского государства, и в частности продразверстка. Роль партии эсеров в подготовке восстания автор считает ничтожной [Ibidem, p. 118]. Причины продолжительности восстания состоят во всеобщей народной поддержке повстанцев, а также в неприятии крестьянами большевистской практики и идеологии.

В 1979 году в Лондоне Греми Гилл публикует исследование «Крестьяне и власть в русской революции», которая посвящена теме разрыва политических взаимоотношений между крестьянами и Временным правительством в 1917 году [9]. Несмотря на то, что работа содержит блестящий анализ ситуации и условий, в которых оказалась российская деревня к моменту Октябрьской революции, Гилл не уделяет достаточного внимания созданию местных органов крестьянского самоуправления и социальным взаимоотношениям в деревне.

Важным исследованием экономических процессов, происходивших в крестьянской общине в первой четверти XX века, стала книга Дороти Аткинсон «Конец русской земельной общины, 1905-1930» [3].

Из-за того, что вопросы советского государственного строительства, мобилизаций, экономической политики и крестьянства в период Гражданской войны тесно взаимосвязаны, необходимо упомянуть о работах, которые, освещая ту или иную проблему, вынужденно затрагивали крестьянскую тему и тем самым вносили вклад в развитие крестьянской историографии этого периода. Несмотря на то, что Роберт Сервис сфокусировал свое внимание на партийном управлении и строительстве в губерниях Советской России в период Гражданской войны, он был вынужден остановиться на вопросе взаимоотношения партии коммунистов и крестьян на местах [26]. Обращаясь к истории Советов в 1905-1921 годах, Оскар Энвейлер уделил особое внимание истории сельских и волостных Советов в годы Гражданской войны [2]. Джон Кип, рассматривая историю Октябрьской революции и Гражданской войны сквозь призму «политической мобилизации общества», в том числе исследовал проблемы, связанные с мобилизациями крестьян и их отношением к мобилизационной политике [13].

Самое значительное западное исследование политики «военного коммунизма» «Экономическая организация военного коммунизма, 1918-1921» принадлежит итальянскому историку Сильване Мэлль [17]. Основной упор автор в своей работе делает на изучение идеологических и экономических аспектов экономической политики большевиков в 1918-1921 годах. Большое внимание уделяется экономической политике большевиков по отношению к крестьянству. Автор подробнейшим образом рассматривает систему продовольственной разверстки и ее последствия для крестьянства. На основании всеобъемлющего анализа Мэлль приходит к выводу о том, что ситуация с продовольствием в 1918 году не была столь катастрофической, чтобы требовать таких экстраординарных мер, как продовольственная монополия государства и запрет свободной торговли. Альтернативой жесткой продовольственной политике большевиков могли стать повышение фиксированных государственных цен на хлеб, частичная оплата крестьянами полученной в результате перераспределения земли или же меры фискального характера [19, p. 499]. Объяснение предпринятым большевиками мерам она находит, прежде всего, в идеологическом «сектанстве и догматизме» последних [20, p. 16].

Большевистская эксплуатация крестьян вызвала массовый социальный протест, который нельзя назвать контрреволюционным. Массовые крестьянские восстания были направлены не против революции, а были вызваны тяжелейшими экономическими условиями, в которых оказалось крестьянство в период «военного коммунизма» [21, p. 450].

Несмотря на несомненные достижения историков 1960-х – первой половины 1980-х годов в исследовании крестьянства и крестьянских движений в период Гражданской войны, можно указать и на ряд недостатков, присущих западной историографии этого времени. Во-первых, несмотря на признание того, что крестьянские восстания были важной и самостоятельной частью Гражданской войны, а крестьянство представляло собой независимую третью силу в этой войне, работы, посвященной исследованию крестьянских восстаний и движения зеленых в общенациональном масштабе, создано не было. Во-вторых, несмотря на повышенное внимание к процессам, происходившим в крестьянской среде в 1917-1921 годах, детального всеобъемлющего исследования этих процессов так и не появилось. В-третьих, западным историкам не удалось полностью освободиться от продиктованных идеологическими соображениями искажений исторического процесса. Проблема тенденциозного отбора документов существовала не только для советской историографии. В-четвертых, ограниченное количество доступных западным исследователям источников и архивных материалов приводило к тому, что исследователи были вынуждены пользоваться вторичными материалами: воспоминаниями, газетными и журнальными статьями, монографиями и исследованиями своих советских ученых, что неизбежно ограничивало возможность введения в научный оборот новых, доселе неизвестных исторических фактов и подробностей.

В середине 1980-х годов, во многом в связи с внешнеполитическими и внутренними изменениями в СССР, начинается новый период развития западной историографии. Удивительно, но в то время как в середине 1980-х – начале 1990-х годов российская историография стращивала с себя коммунистические мифы и догмы, сложившиеся в изучении крестьянских движений периода Гражданской войны, в западной историографии наблюдалась противоположная тенденция. Представители движения в западной историографии, которое условно можно назвать «ревизионистским», утверждали, разрушая сложившиеся стереотипы западной исторической науки, что победа большевиков в Гражданской войне была обеспечена, в первую очередь, их широкой социальной поддержкой [Цит. по: 23, р. 27]. Утверждалось, что крестьяне, вынужденные выбирать между красными и белыми, вставали на сторону первых. Благодаря их поддержке и поддержке рабочих большевики победили в Гражданской войне [22, р. 101].

Леопольд Хэймсон предположил, что крестьяне Центральной России поддерживали большевиков в самый разгар Гражданской войны против белых в 1919 году. Они организовали «внутренние редуты», о которые разбилось наступление белых [11].

Иную позицию излагает Михаил Френкин в работе «Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918-1921», в которой он пытается проанализировать причины и проследить ход крестьянских восстаний в общенациональном масштабе в течение всей Гражданской войны и раскрыть особенности крестьянского сопротивления государственной политике [1]. Автор однозначно указывает на то, что Гражданская война не имела характера противостояния только белых и красных. Уже в 1918 году, «когда ленинцы декретом о комитетах бедноты произвели реакционный переворот в деревне, направленный против имущественных и остатков политических прав широкой крестьянской массы, крестьяне начали борьбу с большевистским режимом» [Там же, с. 52]. Хотя размах крестьянских восстаний 1918-1919 годов и не был столь широким, как годом позже, он тем не менее свидетельствовал об активном сопротивлении крестьянства политике большевистского государства, приковывал к себе немалую часть имевшихся в распоряжении большевиков военных частей.

Работа британского историка Орландо Файджеса «Крестьянская Россия, Гражданская война. Поволжская деревня в революции (1917-1921)», изданная в 1989 году в Оксфорде, является второй после «Неизвестной Гражданской войны» Рэдклифф работой, посвященной детальному региональному исследованию российского крестьянства. Автор считает, что ни советские, ни западные историки не смогли удовлетворительно объяснить комплексные социальные изменения, произошедшие в крестьянстве в 1917-1921 годах. Объяснение происходивших процессов лежит, по мнению Файджеса, в широком спектре социоэкономических, культурных и институциональных взаимоотношений в контексте социального развития России в начале XX века. Среди прочих Файджес выделяет как основные для понимания проблемы взаимоотношения между крестьянством и государством [8, р. 9]. Подробно исследуя различные аспекты взаимоотношений между крестьянством и большевиками во время Гражданской войны, Файджес приходит к выводу о том, что политика «военного коммунизма» и средства ее осуществления оттолкнули крестьянство от большевистского режима. Большевики в сознании крестьян стали восприниматься как чуждая и враждебная крестьянству сила. «Жестокое» продовольственные реквизиции, «насильственные» мобилизации в Красную Армию, а также применение массового террора против крестьянства вызвали различные формы пассивного крестьянского сопротивления и саботажа и «спорадические» крестьянские восстания. Однако пока существовала реальная угроза контрреволюции и восстановления старых порядков, крестьяне неохотно боролись против большевиков. Только после окончания крупномасштабных действий на внутренних фронтах Гражданской войны крестьяне переходят к крупномасштабным восстаниям против большевистского режима [Ibidem, р. 29].

Исследование Файджеса задавало высокую планку для всех последующих работ, посвященных крестьянской теме. В следующем году появляется монография Ларса Ли «Хлеб и власть в России, 1914-1921». Идеологически работа Ли принадлежит к «ревизионистскому» руслу западной историографии. Для нас особый интерес представляют главы, посвященные продовольственному кризису 1918-1921 годов [16].

С точки зрения Ли, продовольственная диктатура была вынужденным шагом большевистского руководства в условиях политической и экономической разрухи, уничтожившей нормальные экономические рычаги продовольственного оборота и поставившей страну на грань голода. В отличие от большинства западных историков, Ли воздерживается от всяких морально-этических оценок мероприятий большевиков

по осуществлению продовольственной разверстки, отмечая, что «большевики в условиях революции и гражданской войны были вынуждены брать от крестьян многое, давая мало взамен. Поэтому они стремились не раздражать крестьян больше, чем это было абсолютно необходимо» [Ibidem, p. 171-172]. Ли лишь вскользь упоминает о «тяжелых потерях», которые несли продовольственные отряды и советская администрация на местах в ходе продовольственных компаний [Ibidem, p. 188], тем самым лишь косвенно задевая проблему крестьянского сопротивления продовольственной политике советской власти. Однако ценность работы Ли состоит в том, что он дает подробнейший анализ системы продовольственной диктатуры большевиков в ее развитии с начала 1918 года по 1921 год.

Изданная в том же году монография Марка фон Хагена «Солдаты диктатуры пролетариата. Красная Армия и Советское Социалистическое государство, 1917-1930» обращает наше внимание на другую важнейшую проблему взаимоотношений крестьян и государства – проблему мобилизаций крестьян в Красную Армию [10].

С апреля 1919 года начинаются массовые крестьянские мобилизации в Красную Армию, которые сразу же обнаруживают серьезную проблему, связанную с мобилизацией крестьян, – высочайший уровень дезертирства. Главной причиной дезертирства автор считает экономическую, указывая, что в период пика сельскохозяйственных работ «каждая пара мужских рук была незаменима в хозяйстве», и отмечая, что дезертирство имело тенденцию к усилению во время посевной и уборочных кампаний [Ibidem, p. 68].

Хаген считает, что не только дезертиры были основой Антоновского восстания, но и некоторая часть демобилизованных красноармейцев в 1921 году вливалась в «банды» по причине того, что «дома и хозяйства были разрушены и многие не могли трудоустроиться» [Ibidem, p. 129].

В 1994 году в США вышла книга Владимира Бровкина «За линиями фронтов Гражданской войны. Политические партии и гражданские движения в России, 1918-1922» [5]. Значительное место в книге занимает проблема крестьянских движений в 1918-1922 годах, причем автор уделил большое внимание процессам, происходившим в Тамбовской губернии.

Бровкин придерживается мнения о том, что в России в 1917-1918 годах произошло две революции: революция рабочих и революция крестьян. Победа революции для крестьян означала, прежде всего, свободу от помещиков и государства [Ibidem, p. 10]. Однако продовольственная политика большевиков на контролируемых ими территориях России вскоре инициировала Гражданскую войну между бывшими «попутчиками».

Исследованию крестьянских политических настроений посвящена книга известной исследовательницы-советолога Лин Виолы «Крестьянские бунтари при Сталине. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления» [30]. Посвященная исследованию крестьянской реакции на сталинскую коллективизацию, работа построена на анализе и интерпретации сотен примеров проявления крестьянского недовольства и сопротивления большевистскому режиму.

В контексте данной статьи интерес представляет первая концептуальная глава книги «Последний и самый решительный бой», в которой автор излагает свое видение проблемы взаимоотношения деревни и государства в период революции и Гражданской войны.

Виола считает, что история взаимоотношений крестьянства и государства, начиная с революции 1917 года, представляет собой историю битвы двух культур. Коммунисты представляли городскую, пролетарскую, атеистическую, технологическую, детерминистскую и, по их мнению, современную культуру, тогда как крестьянство представляло, с точки зрения коммунистов, отсталую, патриархальную, враждебную любым свежим веяниям, в общем враждебную коммунистам культуру. По мнению Виолы, российский марксизм был изначально враждебен крестьянству как классу, считая его приговоренным к социальному и экономическому вымиранию по мере социально-экономического прогресса. «Ожесточающие» последствия Первой мировой войны, революции и последовавшей Гражданской войны только усилили крайне нетерпимое и утилитарное отношение большевиков к крестьянству. Виола утверждает, что большевики развязали войну против крестьянства с целью «поторопить историю в движении по давно predetermined курсу» [Ibidem, p. 62], который должен был привести к исчезновению этой предположительно примитивной, отсталой социальной формы. Экспроприировав и распределив помещичьи земли, крестьянство желало лишь одного: чтобы его оставили в покое. Свободное владение землей и продуктами своего труда было главной целью крестьянской революции.

В 90-е годы появляются новые работы, посвященные теме крестьянских восстаний в период Гражданской войны в России [12]. Подводя итоги развитию западной историографии 90-х годов XX века, отметим некоторые общие закономерности. Во-первых, по сравнению с работами 60-х – 80-х годов резко расширилась источниковая база, что благоприятно отразилось на качестве исследований.

Во-вторых, налицо «деидеологизация» крестьянской темы в западной историографии. Связано это с тем, что так или иначе, но советский период в истории России закончился. Идеологическая риторика по поводу событий, ставших достоянием перевернутой страницы прошлого, уже никого не занимает, общественный и политический заказ на «идеологически правильные» выводы почти иссяк.

В-третьих, в 1990-е годы очень быстрыми темпами развивалась так называемая социальная историография российского крестьянства. Исследование социальной истории крестьянства движется по двум главным направлениям: изучение крестьянской культуры и быта [4; 18; 25] и изучение женщины-крестьянки [6; 7; 24].

Западная историография крестьянства и крестьянских движений в период Гражданской войны в России не столь обширна, как историография российская, но и не столь незначительна, как может показаться. Можно утверждать, что если историку понадобится любая информация о крестьянстве в рассматриваемый период,

будь то крестьянские восстания или питание крестьянских детей, то он сможет найти ее в тех или иных западных исследованиях. У западной историографии есть свои недостатки и свои достоинства, но их не больше и не меньше, чем в историографии российской. Надеемся, что западные историки и в XXI веке будут уделять внимание этой теме, открывая новые факты, устанавливая новые закономерности, выдвигая новые концепции, объясняющие те драматичные, сложнейшие и поворотные для российской истории события вековой давности.

Список источников

1. **Френкин М. С.** Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918-1921 гг. Иерусалим, 1987. 251 с.
2. **Anweiler O.** The Soviets: The Russian Workers, Peasants and Soldiers Councils, 1905-1921. N. Y., 1974. 337 p.
3. **Atkinson D.** The End of the Russian Land Commune, 1905-1930. Stanford, 1983. 457 p.
4. **Brooks J.** When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917. Princeton, 1985. 219 p.
5. **Brovkin V. N.** Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movements in Russia, 1918-1922. Princeton, 1994. 455 p.
6. **Buckley M.** Women and Ideology in the Soviet Union. University of Michigan Press, 1989. 143 p.
7. **Clements B. E.** The Effects of the Civil War on Women and Family Relations // Party, State, and Society in the Russian Civil War. Bloomington, 1989. P. 105-122.
8. **Figs O.** Peasant Russia, Civil War: the Volga Countryside in Revolution (1917-1921). Oxford, 1989. 401 p.
9. **Gill G. J.** Peasants and Government in the Russian Revolution. L., 1979. 233 p.
10. **Hagen M.** Soldiers in the Proletarian Dictatorship. The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917-1930. Ithaca, 1990. 369 p.
11. **Haimson L.** The Problem of Social Identities in Early-Twentieth-Century Russia // Slavic Review. 1988. Vol. 47. № 1. P. 1-21.
12. **Holquist P.** A Russian Vendee: the Practice of Revolutionary Politics in the Don Countryside, 1917-1921: PhD diss. / Columbia University. N. Y., 1995. 862 p.
13. **Keep J. L. H.** The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. N. Y., 1976. 614 p.
14. **Lewin M.** Russian Peasants and Soviet Power: a Study of Collectivization. L., 1968. 539 p.
15. **Lieberson J.** The Silent Majority // New York Review of Books. 1981. October 22.
16. **Lih L. T.** Bread and Authority in Russia, 1914-1921. Berkeley, 1990. 303 p.
17. **Malle S.** The Economic Organization of War Communism, 1918-1921. Cambridge, 1985. 548 p.
18. **Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800-1921** / ed. by E. Kingstone-Mann, T. Mixter. Princeton, 1991. 387 p.
19. **Radkey O. H.** The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October 1917. N. Y. – L., 1958. 512 p.
20. **Radkey O. H.** The Sickle under the Hammer: the Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. N. Y. – L., 1963. 523 p.
21. **Radkey O. H.** The Unknown Civil War in Soviet Russia. A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920-1921. Stanford, 1976. 457 p.
22. **Remington T. F.** Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organization, 1917-1921. University of Pittsburgh Press, 1984. 232 p.
23. **Rosenberg W.** Identities, Power, and Social Interaction in Revolutionary Russia // Slavic Review. 1988. Vol. 47. № 1. P. 26-28.
24. **Russian Peasant Women** / ed. by B. Farnsworth, V. Lynne. Oxford, 1992. 304 p.
25. **Russian Traditional Culture: Religion, Gender, and Customary Law** / ed. by M. Balzer. Armonk, N. Y., 1992. 310 p.
26. **Service R.** The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organisational Change, 1917-1923. L., 1979. 260 p.
27. **Shanin T.** The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910-1925. Oxford, 1972. 253 p.
28. **Singleton S.** The Tambov Revolt (1920-1921) // Slavic Review. 1966. Vol. 25. № 3. P. 497-512.
29. **The Anarchists in the Russian Revolution** / ed. by P. Avrich. L., 1973. 179 p.
30. **Viola L.** Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1996. 312 p.

**FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN PEASANTRY
AND PEASANT MOVEMENTS OF 1918-1921**

Shadskii Oleg Germanovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
olegshadsky@gmail.com

The article analyzes fundamental historical researches of western historians of the XX century devoted to Russian peasant movements in the period of the Civil War. The author establishes the basic chronological stages of developing western historiography on this subject and justifies criteria to identify them. Special attention is paid to the works, which contributed greatly to the studies of peasant disturbances in Tambov province in this period. The paper examines systemic advantages and shortcomings of western historical researches.

Key words and phrases: western historiography; peasantry; peasant revolts; Civil War period; surplus-appropriation system.

УДК 316.323.72

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу восприятия детьми и подростками Тамбовской губернии крестьянского восстания под руководством А. С. Антонова (1920-1921 гг.). Выявлены предпосылки и причины радикализации детей и подростков в начале XX в., уточнены факторы, повлиявшие на развитие агрессивности, психических расстройств, травматичности «поколения революционеров», повседневно-бытовые реалии детей и подростков, а также воспитательные и образовательные практики рассматриваемого хронологического периода.

Ключевые слова и фразы: дети; подростки; революция; Гражданская война; девиантное поведение; безпризорность.

Щербинин Павел Петрович, д.и.н., профессор

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
shcherbinin2010@gmail.com*

**«АНТОНОВЩИНА» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОСПРИЯТИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ:
ВЫБОР ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 года и гражданской войны: регионально-национальный аспект», проект № 15-31-12034.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии под руководством А. С. Антонова (или «антоновщина» в прежнем историографическом обосновании) достаточно полно, успешно и разносторонне изучено в отечественной и зарубежной историографии, а также в источниковедческом наполнении [1]. Кризисные, критичные для развития страны, общества и обычного человека периоды вызывают повышенный интерес и внимание профессиональных историков, общественности и рядовых граждан. Однако одной из самых загадочных сторон данной научной проблемы являются сюжеты о причинах небывалой жестокости и бескомпромиссности, агрессии и радикализма, которыми отличались акторы данной исторической драмы.

Возникает вполне определенное недоумение:

1. Как и когда могло сформироваться поколение, для которого закон и порядок, милосердие и добродетель, порядочность и религиозность, патриархальные традиции и семейные устои не являлись больше базовыми, а отношение к личности, гуманизму, ценности человеческой жизни оставались пустым звуком?

2. Почему участники революции 1917 г. и Гражданской войны не задумывались и не сомневались, приводя в исполнение приговоры, расстреливая сотни заложников и пленных, добывая раненых и больных противников? Как могли раствориться в этом котле беспредела и жестокости традиционные патриархальные ценности российского аграрного социума, этноконфессиональные установки и семейные устои?

3. Чем вызывался небывалый рост анархических и радикальных настроений в достаточно устойчивом аграрном социуме? Почему крестьянское сообщество, всегда отличавшееся консерватизмом и традициями общинного миропонимания, так легко «пало» перед заманчивыми обещаниями «городских» смутьянов и «вожаков» революции?

4. Каковы предпосылки и преемственность «аграрного взрыва» 1917 г. и крестьянского восстания под предводительством А. С. Антонова?

5. Насколько адекватно реагировала «новая» революционная власть на настроения тамбовской деревни, учитывала ли она «латентные» (скрытые) радикальные воззрения аграрного социума?

6. Каким образом «вожаки» аграрных беспорядков (в том числе А. С. Антонов) «использовали» детей и подростков в своих политических интересах? Задумывались ли они о последствиях вовлечения юных жителей региона в аграрную смуту эпохи Гражданской войны?

Ответы на эти и другие вопросы, которые возникают при размышлениях о поколении юных революционеров – героев 1917 г. и Гражданской войны, – могут быть получены лишь при успешной реконструкции мотиваций и факторов, которые оказали решающее воздействие на их взросление, жизненные ценности и мировоззрение. Заметим, что не всякому поколению выпадает жребий пережить две войны (русско-японскую и Первую мировую), две революции (Первую русскую и 1917 г.), а затем быть активным участником братоубийственной Гражданской войны. Быстротечные события этого периода были наполнены особой энергией разрушения и насилия, значительно ускоряли взросление и психолого-ментальные особенности формирования характера и образа жизни молодого поколения [12].

Вполне очевидно, что почти непрерывные войны и революции начала XX в. не просто тотально влияли на жизнь населения Тамбовской губернии, но и обрекали их деформации структур воспитания и образования, семейных и общественных взаимоотношений, формируя вполне понятные стереотипы мужественности, готовности к постоянным лишениям и социальным катаклизмам.

Необходимо учитывать, что дети и подростки составляли более 30 процентов населения губернии. Демографический взрыв последней четверти XIX – начала XX в. привел к существенной деформации половозрастных групп. Улицы городов и сел Тамбовской губернии были полны детей и молодежи, а поколенческие индикаторы все более «сливались и плавись» в этом демографическом котле.

Сравнивая соотношение революций 1905-1907 гг. и 1917-1921 гг., где подростки времен первой из них, надев солдатские шинели, стали революционным контингентом социальных и этнических революций и ударной силой Гражданской войны 1917-1921 гг., можно оценить последствия таких перемен, в том числе уроки прикладной политики и классовой ненависти, когда ссылали, пороли, вешали их отцов [10, с. 32-33]. Не случайно активными участниками и жертвами переломного периода были люди, родившиеся примерно в конце XIX – начале XX в. [6, с. 241-242]. Необходимо учитывать, что это «потерянное» поколение переживало свершившийся общественный перелом как переоценку собственных ценностей и ломку прежнего традиционного уклада жизни. Все, что было для них в прошлом важным и значимым, привычным и устойчивым, рушилось в необратимом и динамичном вихре перемен, а «революционное цунами» ничего не оставляло на своем пути, разрушая до основания старый «привычный» мир.

Неудачная и непонятная русско-японская война 1904-1905 гг. оказала глубокое воздействие на взросление «поколения революции», стала для многих детей и подростков «трамплином» радикализации сознания, крушения верноподданнических настроений, ломки привычного сельского мира. Война привела к дестабилизации повседневной жизни населения Тамбовской губернии, усилила невротизацию детей и подростков, нарушила традиции воспитания и образования.

Современники отмечали, что дети сильно переживали из-за отступлений, постоянных неудач русской армии, среди них росли чувства горечи и унижения, которые потрясали их нервную систему [5, с. 66]. Даже уличные игры сосредотачивались, прежде всего, в играх о войне, где мальчишки разбивались на группы и с криками «ура» и «банзай» выступали друг против друга.

Агрессивная пропаганда способствовала формированию у части детей ожесточения и ненависти к японцам. Образ врага – этого желтолицего варвара – вызывал озлобление и ожесточал детские сердца. Одна десятилетняя девочка, маленькая, беленькая, с голубыми глазами, невинным выражением лица и нежным голосом, писала в своей работе «Кем бы я хотела быть», что она хотела бы поступить няней в японскую семью и, когда матери не будет дома, убить этих детей [9, с. 43]. Фактически детское сознание наполнялось жадой «крови и мщения» для врагов Отечества. Эти настроения позже легко ложились на идеологию важности борьбы с внутренними врагами и пособниками революции или контрреволюции.

Весьма полезную информацию о детском опыте войн и революций поколения начала XX в. содержат фонды бывших партийных архивов в регионах России. Так, сведения о детских впечатлениях будущих революционеров сохранились в фондах Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области. Например, в фонде Истпарта были обнаружены воспоминания о местном участнике революционного движения Г. Усиевiche, которые оставила его сестра. Она описывает, как ее четырнадцатилетний брат «на печке рассказывал ребятам, что слышно нового о войне. Он хорошо знал имена всех вождей и генералов, названия городов, места боев <...> В нашем доме постоянно бывала молодежь, гимназисты старших классов, которые обсуждали прочитанное, старались разобраться в происходящих событиях. Молодежь искала виновников бессмысленной бойни, гибели людей» [2, д. 303, л. 5].

Затем пришла Первая русская революция 1905-1907 гг. с красными флагами, ночными обысками, арестами и ссылками. Царапины от этих смутных детских впечатлений – пугливость, нелюбовь к толпе, нервность. События Первой русской революции усугубили потрясения детской души от военных неудач, способствовали деморализации детей, прививая им привычку к агрессивному поведению, проявлениям насилия и грубой силы. Жесткое подавление аграрных беспорядков, «стольпинские галстуки», перманентные террористические угрозы и тотальное насилие над личностью формировали у детей и подростков Тамбовской губернии особое состояние души и психического развития.

Первая мировая война 1914-1918 гг. сформировала особый опыт будущих творцов революции и участников гражданской братоубийственной войны [11, с. 283-287]. Заметим, что весьма характерной чертой военного времени было бегство детей на фронт, детское добровольчество [3, с. 7]. Вне всякого сомнения, война калечила подростков физически и морально. Юные воины успевали «вдохнуть» запах пороха и крови, впитать в себя обстановку, где имел цену только риск и подвиг, где каждый обладал полным правом над жизнью и смертью человека. Испытав такое упоение силой и победой в сражении, они приходили к пониманию преимущества пули и штыка над всякими «рассуждениями». Этот военный опыт очень «пригодился» им в годы революции и Гражданской войны.

Первая мировая война породила и такое явление, как беспризорность. Более двух миллионов детей и подростков стали беспризорными. Значительно выросла уличная и малолетняя преступность, хулиганство и воровство [7, с. 58]. Необходимо учитывать, что на увеличение числа беспризорных детей влияли и другие факторы, в том числе беженство. К сожалению, власти не принимали адекватных мер по оказанию помощи таким детям, что способствовало росту безнадзорности, преступности, криминализации детей, а также люмпенизации поколения будущих революционеров и «смутьянов».

В этот период стало достаточно широко проявляться девиантное поведение детей и подростков: детская преступность, подростковая проституция, алкоголизм и наркомания.

Модернизация отношений в аграрном социуме, все более проявлявшийся конфликт «отцов и детей», традиции и практики обновления, крушение традиционной крестьянской морали расшатывали уклад «обычной» патриархальной повседневной жизни и закладывали основы нового быта и социального поведения. Учитывая слабое развитие правосознания и привычки к исполнению правовых норм в регионе, можно было заметить рост негилизма, противоречий в самореализации детей и подростков. Не случайно такая накопившаяся

энергия находила яркое проявление в озорных выходках, буйствах и бесчинстве, что получило, копируя иностранную практику, понятие «хулиганство». Причинами его являлись:

1) активное участие детей и подростков в погромах и стихийных бунтарских выступлениях (агарные волнения, бунты семинаристов, ученические забастовки и др.). Возможность громить и грабить, полное смешение морально допустимого и недопустимого – все это надолго оставляло след на наиболее впечатлительной части участников беспорядков – на детях и подростках;

2) хулиганские проявления среди детей были успешно и добротнo «заложены» традициями революционной вольницы 1905-1907 гг., когда толпе был дан урок дозволенности убийств, насилий, оскорблений, надругательства над личностью и властью [8];

3) духовенство в своих отчетах констатировало, что «...уход на войну людей зрелого возраста, домохозяев, фактически распорядителей и блюстителей, породил среди оставшейся молодежи ничем не сдерживаемое самовластие и своеволие, с оттенком бесшабашности и озорства <...> Непочтительность к старшим, грубые шалости стали обычным явлением среди подростков. Борьба с этим злом крайне трудна и мало результативна» [4, с. 212]. Криминальные опыты и хулиганская психология «эффективно» калечили души и сердца детей, способствовали нравственному опустошению и создавали почву для развития преступности в послевоенные революционные годы.

Вполне очевидно, что хотя Первая мировая война была важным звеном в цепи тех потрясений, которые детская психика претерпела в роковые для России годы, но вскоре бурные события и революционные катаклизмы заслонили собой войну. А затем и революция померкла и растворилась в крови, голоде и холоде Гражданской войны. «Антоновщина» явилась апогеем всех трансформаций детского и подросткового знания и сознания.

Особенно страшный след оставался в душах детей, на глазах которых погибали их родные или происходили кровавые сцены убийств, казней и насилия. Гражданская война и революция стали синонимами, которые вызывали в представлении большинства детей лишь цепь отрицательных ассоциаций.

Таким образом, очевидно, что детский опыт войны и революции играл важную роль в «театре» постреволюционной России и проявлениях «Тамбовской Вандей». Постоянная готовность к войне, усиленная бдительность, поиск врага – как реального, так и потенциального – стали неотъемлемыми характеристиками новых советских образовательных и воспитательных практик.

Собственно участие детей в «антоновщине» является поводом для отдельного научного изучения, что таит в себе возможности нового, неожиданного, порой парадоксального понимания, реконструкции трагедии тамбовского социума, опыта и уроков аграрной катастрофы Тамбовского края.

Список источников

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской области и др. Тамбов, 2007. 800 с.
2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. 382. Оп. 1.
3. Звягинцев Е. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. 1915. № 4. С. 6-19.
4. Земцов Б. Н. Революция 1917 г.: социальные предпосылки. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1999. 233 с.
5. Золотарев С. А. Четыре смены молодежи (1905-1925). Из наблюдений педагога. Л., 1926. 254 с.
6. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 235-244.
7. Левитина (Маро) М. И. Беспорядочные. Социология, быт, практика работы. М.: Пролетарий, 1925. 98 с.
8. Утевский Б. Хулиганство в эпоху 1905-1914 гг. // Хулиганство и хулиганы: сборник. М.: Просвещение, 1929. С. 51-53.
9. Учительница. Отражение войны в жизни школы // Русская школа. 1915. № 11. С. 40-49.
10. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 17-38.
11. Щербинин П. П. Дети в годы Первой мировой войны – выживание в экстремальной ситуации: историко-психологические аспекты // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII междунар. науч. конф. (СПб., 12-13 декабря 2005 г.): в 2-х ч. СПб.: Нестор, 2005. Ч. 2. С. 283-287.
12. Щербинин П. П. Дети русско-японской, подростки Первой мировой... Этапы взросления участников революции 1917 г. и Гражданской войны // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 18-24.

“ANTONOVSHCHINA” THROUGH THE LENSES OF PERCEPTION OF CHILDREN AND ADOLESCENTS: CHOICE OF LIFE COURSE AND ITS CONSEQUENCES IN THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY

Shcherbinin Pavel Petrovich, Doctor in History, Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
shcherbinin2010@gmail.com

The article is devoted to the analysis of perception of children and adolescents of Tambov province of the peasant rebellion led by A. S. Antonov (1920-1921). The prerequisites and causes for radicalization of children and adolescents at the beginning of the XX century are identified, factors that influenced development of aggressiveness, mental disorders, traumatic nature of the “generation of revolutionaries”, everyday realia of children and adolescents, as well as pedagogical and educational practices of the chronological period under consideration are specified.

Key words and phrases: children; adolescents; revolution; The Civil War; deviant behaviour; homelessness.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье автор рассматривает на основе недавно обнаруженных им в государственных архивах документов примеры взаимодействия Объединенной партизанской армии Тамбовского края с повстанческими формированиями верхнедонских округов в период с осени 1920 года по лето 1921 года. Представлены три примера сотрудничества тамбовских партизан с инсургентами соседних донских территорий – моторыгинцами, вакулинцами и маслаковцами. Обозначены особенности этого взаимодействия.

Ключевые слова и фразы: партизаны; повстанцы; инсургенты; Тамбовский край; Антонов; Моторыгин; Вакулин; Маслаков.

Ященко Вячеслав Григорьевич, к. филол. н.

Информационное агентство «Кавказский узел», г. Волгоград

vgyashchenko@rambler.ru

**СВЯЗЬ ОБЪЕДИНЕННОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ
С ВЕРХНЕДОНСКИМИ ИНСУРГЕНТАМИ (1920-1921 ГГ.)**

Вопрос взаимодействия зарождающегося антибольшевистского повстанчества Тамбовской губернии с Вооруженными силами Юга России в 1919 году изучен достаточно хорошо [14, с. 537]. В то же время после рассекречивания некоторых фондов волгоградских архивов появились новые сведения о связях Тамбовской объединенной партизанской армии Антонова-Токмакова с антибольшевистскими повстанческими формированиями, действовавшими с осени 1920 года по лето 1921 года на территории верхнедонских округов. Наиболее четко эти связи прослеживаются в отношении трех повстанческих формирований: Урюпинской повстанческой казачьей группировки Петра Моторыгина, Повстанческой армии Вакулина-Попова и махновского отряда, который возглавлял бывший комбриг Первой конной армии Григорий Маслаков.

Связь с хоперскими повстанцами

Впервые отряды тамбовских повстанцев появились на северных границах Донской области осенью 1920 года. В октябре 1920 года они провели ряд рейдов по территории Сердобского и Балашовского уездов Саратовской губернии. В середине октября из Борисоглебского уезда антоновцы проникли в Новохоперский уезд Воронежской губернии. В конце ноября отряд тамбовских партизан (230 пеших и 50 конных) занял станицу Криуши и села Макашовка, Тютювка, Горелка, Губари [9, д. 20, л. 31, 47, 56, 60]. Тамбовские инсургенты имели знамена с эсеровским лозунгом: «В борьбе обретишь ты право свое. Да здравствует союз трудового крестьянства как верный путь к освобождению от ига большевизма» [3, с. 575]. Был у них также и антисемитский лозунг: «Бей евреев и коммунистов, да здравствует Врангель!» [Там же, с. 572, 575]. Антоновцы громили совуcreждения, убивали коммунистов, милиционеров и продроботников.

Действовавшая на этом направлении группа тамбовских партизан сумела наладить тесное общение с недовольными советской властью казаками Хоперского округа, которые группировались вокруг местного пассионария – бывшего есаула, атамана станицы Михайловской-на-Хопре Петра Ивановича Моторыгина [4, с. 3]. По данным ГПУ, Петр Моторыгин был активным участником Объединенной партизанской армии Антонова-Токмакова. В начале 1921 года он принимал активное участие в налете тамбовских повстанцев на Хоперский округ. Тогда каратели оттеснили тамбовцев за пределы Донской области. Во время боев Моторыгин попал в плен. Его поместили в Хоперскую тюрьму, откуда Петру Ивановичу удалось бежать. Скрывался Моторыгин на хуторе Скобеленском. Здесь он начал формировать из местных жителей повстанческий отряд [13, д. 87, л. 54]. В разное время его численность варьировалась от 100 до 500 сабель [8, д. 4, л. 104]. Пленные партизаны в своих показаниях подтверждали наличие тесной связи их лидера с Тамбовской повстанческой армией. Из тамбовских лесов в тайники хоперских инсургентов поступали пулеметы и патроны. С антоновцами моторыгинцы планировали поднять в хуторах станицы Михайловской (Вишняковский, Чумаковский, Скобитский (возможно, Скобеленский)) восстание и взять Урюпинск. В центре Хоперского округа инсургенты намеревались захватить арсенал и финансовые средства для дальнейшей борьбы [12, д. 45, л. 88]. Нужно отметить, что в то время в Урюпинске существовало эсеровское подполье, которое тесно взаимодействовало с отрядом Моторыгина. Вместе они готовили мятеж в Урюпинске. В мае 1921 года заговор эсеров был раскрыт, заговорщики оказались в застенках [13, д. 87, л. 54].

Впрочем, разгром эсеровского подполья не повлиял на планы Моторыгина. В середине августа в Хоперском округе вспыхнул мятеж. Моторыгинцы поочередно занимали урюпинские хутора Серковский, Дуплятский, Судачий, слободы Успенка и Михайловская. В колоннах инсургентов были замечены до 150 кавалеристов, около 400 пехотинцев и большой обоз хлеба [9, д. 34, л. 275, 284, 291]. Впрочем, развернуть восстание в полную силу Моторыгину не удалось, так как в это время его союзник – Объединенная партизанская армия Тамбовского края – был практически уничтожен карателями Тухачевского. 27 апреля 1921 года М. Н. Тухачевский получил директиву Политбюро ЦК РКП(б) уничтожить «банды Антонова в Тамбовской губернии в месячный срок». 16 июля Тухачевский отпартовал о ликвидации мятежа. По его сведениям, карательным войскам (120 тысяч бойцов) удалось снизить количество восставших в 20 раз: с 21 тысячи партизан

в начале мая до 1200 повстанцев в июле [5, с. 80]. Моторыгинский отряд также был разбит и рассеян. Руководитель отряда с частью своих партизан ушел за пределы Донской области и больше в нее не возвращался [13, д. 87, л. 54]. Но, несмотря на разгром, партизаны все же оставили в Хоперском округе сильное подполье. Проходили здесь и акции гражданского неповиновения. Например, крестьяне Семеновской волости в сентябре 1921 года отказались переизбирать Совет, «заявив, что они подчиняются бандиту Моторыгину». Селяне отказались выплачивать продовольственный налог [7, с. 497]. Интересен тот факт, что в двадцатых числах июля, в разгар подготовки Моторыгинского мятежа, в Хоперский округ вошли махновцы.

Связь с махновцами-маслаковцами

В начале апреля 1921 года остатки махновского отряда бывшего комбрига Первой конной армии Григория Савельевича Маслакова оперировали в степях Икицохуровского улуса (50-60 верст восточнее Элисты) и Красноармейского района Царицынской губернии. Здесь в его отряд влились калмыцкие повстанцы под командованием Горываня. Численность бойцов превышала двести сабель. Сводный отряд инсургентов занял Элисту и села на границе уезда. Астраханская губчека сообщала о том, что Маслаков в эти дни пытался закрепиться в занимаемой им зоне и установить связь с руководителем Тамбовского повстанчества Антоновым и известной анархисткой Марусей [6, с. 711, 909]. Каковы были перспективы возможного сотрудничества Маслакова и Антонова, которые действовали на столь далеком друг от друга расстоянии, – неизвестно. Возможно, бывший буденовский комбриг искал район, в котором можно было бы скрыться от назойливого преследования карателей, и тамбовские леса виделись ему надежным прибежищем. В ночь с 26 на 27 июля в окрестностях станицы Казанской произошла встреча двух махновских групп. Махно и Маслаков после пятимесячной разлуки объединились в один сводный отряд в 450 сабель. Из них только сто бойцов участвовали в боях. Остальные махновцы исполняли обязанности обозных и коноводов. Маслаковцы заметно разнообразили состав украинских повстанцев: «отряд собрали из офицеров-калмык, банд воров-рецидивистов» [10, д. 35, л. 80]. Махновцы ощущали острый недостаток в патронах. В обозе у них было много раненых. В то же время партизаны были отлично экипированы винтовками, револьверами и шашками. Каждый кавалерист имел по заводной лошади. В конце июля махновцы вошли в Хоперский округ [9, д. 34, л. 288]. Агитации махновцы на Дону не проводили. Хотя некоторые небольшие отряды проходили по хуторам с лозунгами за «Учредилку» и за «Махно» [8, д. 4, л. 173]. Двигались махновцы широким фронтом, взаимосвязанными автономными группами, в направлении Украины. В Хоперском округе махновцы убивали милиционеров, коммунистов и совработников, грабили и мародерствовали. Так, во время налета на один из кооперативов (в окрестностях слободы Николаевка) обоз махновцев, состоявший из 20 телег, пополнился возом папирос и телегой мануфактуры. По свидетельству очевидцев, этим имуществом партизаны не дорожили: «имеют массу золота и раскидывают [его] направо и налево». Также они поступали и с мануфактурой [Там же, л. 81, 94]. По пятам махновцев назойливо следовал 15-й полк Второго Донокруга, которым командовал комбат Фролов. Фролов отмечал напористость противника. Столкновения с основными силами махновцев дорого стоили его полку. В ночь с 5 на 6 августа во время боя у хутора Цымловый Хоперского округа отряд Фролова был наголову разбит. 48 красноармейцев погибло. Трофеями махновцев стали два полковых пулемета. Вероятно, красноармейцы попали в засаду. Фролов просил усилить полк кавалерией. Но помощи так и не получил. Поздно вечером 14 августа в окрестностях хутора Калмыковский (в трех верстах от ст. Самсоновской) остатки 15-го полка (18 бойцов) вновь столкнулись с отрядом махновцев (20 сабель при одном пулемете). Первая атака партизан была отбита. Повторить ее повстанцы уже не смогли, так как у красноармейцев закончились патроны и они спешно покинули поле боя, разбегаясь малыми группами. Комбат Фролов бросил своих подчиненных и бежал в Ольховку. Махновцы же, не встречая на своем пути организованного сопротивления, занимали поочередно хутора станицы Самсоновской (совхоз Дудочный, хутора Благодатный, Семенов, Кубрятов). 18 августа попытку отыскать махновцев предпринял отряд милиции (30 сабель), но «на след банды не попал». Милиционеры получили от местных жителей сведения о том, что махновцы, вероятно, движутся в направлении Волги [Там же, л. 31, 36, 49, 60, 80-81, 87, 89, 94, 98, 100]. Судя по оперативным сводкам, в конце августа Маслаков вновь отделился от Махно и действовал уже самостоятельно в Усть-Медведицком округе [Там же, л. 119, 179]. Как видно из оперативных данных, махновцы не вошли в соприкосновение ни с инсургентами Моторыгина, ни с тамбовскими партизанами, как того хотел в апреле Маслаков. Возможно, на этот раз Махно не ставил перед собой цель связать свою судьбу с разбитой карателями Тухачевского Тамбовской повстанческой армией.

Связь с Повстанческой армией Вакулина-Попова

В ночь с 17 на 18 декабря 1920 года в слободе Михайловке, в которой в то время располагались учреждения Усть-Медведицкого округа, вспыхнул мятеж караульного батальона. Руководил восстанием командир батальона, известный в крае защитник советской власти Кирилл Тимофеевич Вакулин. Имя тамбовского повстанца Антонова прозвучало в первые же часы Михайловского мятежа. Агитационная группа вакулинцев распространила среди обывателей информацию о том, что «Мироновым занята ст. Каменская и Калач. Большие отряды Буденного вливаются в войска Махно. Царицын накануне восстания. Антонов занял Борисоглебск». В эти мятежные центры, по заявлению Вакулина, были направлены нарочные для поддержания связи [11, с. 175]. Таким образом, в первый же день антибольшевистского мятежа Вакулин позаботился о налаживании связи с Объединенной партизанской армией Тамбовского края. Насколько тесными были эти связи и были ли они вообще – неизвестно.

В конце декабря каратели нанесли мятежникам ряд поражений, раздробили их силы и вынудили инсургентов покинуть Усть-Медведицкий округ. 28 декабря южная группировка повстанцев пошла на соединение

со своей северной группой и оказалась в окрестностях станицы Кумылга. 31 декабря мятежные отряды объединились в районе Панфилово. Их численность к этому моменту составляла 250 пехотинцев, сто кавалеристов, при трех пулеметах. В обозе на трех телегах хранился запас патронов [2, с. 540; 11, с. 180-182]. Повстанцы двинулись на север в сторону Балашовского уезда, вероятно, с целью соединения с Тамбовской партизанской армией Антонова. Но слияния двух армий не произошло из-за сильного противодействия карательных соединений. Как было указано выше, в начале 1921 года красным частям удалось отгеснить тамбовских партизан из Хоперского округа.

В феврале в родной Усть-Медведицкий округ в отпуск приехал командарм Второй конной армии Филипп Кузьмич Миронов. Как известно, он вместе с Вакулиным весной 1918 года создавал первые красные отряды в северных районах Области Войска Донского. Он стал публично защищать своего бывшего сослуживца и товарища. Вскоре Миронов был арестован и препровожден в Бутырскую тюрьму. Из материалов его уголовного дела видно, что Филипп Кузьмич пытался наладить связь с Антоновым. Так, местный коммунист Скобиненко, за пьянку исключенный из партии, согласно оперативным данным, был завербован Мироновым. Командарм убедил Скобиненко «стать предателем». Он снабдил его шифрованными письмами для связи с Антоновым и Вакулиным. Скобиненко же «тайно от Миронова явился в чека и рассказал о заговоре Миронова» [1, д. 339, л. 9].

После гибели Вакулина (16 февраля) повстанческую армию возглавил его соратник Федор Попов. Вакулинцы прошли по Самарскому Заволжью, захватили Хвалынский, перешли на правый берег Волги севернее Саратова. Здесь они попытались проскочить в Сердобский уезд для соединения с Повстанческой армией Тамбовского края. Но встретиться с эсером Антоновым Федору Попову так и не довелось. Саратовская группировка войск оттеснила донских инсургентов в Аткарский уезд, а затем и в Донскую область. В родные края Повстанческая армия Попова возвращалась умирать. В мае центробежные силы разметали инсургентов по донским пойменным лесам и заволжским степям. История Вакулинского мятежа закончилась полным разгромом.

Таким образом, архивные документы обнаруживают ранее неизвестные нюансы в истории Объединенной партизанской армии Тамбовского края – ее связи с повстанческими группами верхнедонских округов. Представленные сведения, несомненно, фрагментарны и требуют дальнейшего кропотливого исследования.

Список источников

1. **Воспоминания коммунистов о Гражданской войне** // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 149. Оп. 3.
2. **Грищенко А. Н.** «Да здравствует власть народная на принципах братства, равенства и свободы»: мятеж К. Т. Вакулина, Повстанческая армия Ф. Попова // *Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сборник статей и материалов* / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 529-549.
3. **Крестьянское движение в Поволжье: 1919-1922 гг.:** документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с.
4. **Лащилин Б.** В том далеком 21-м // Молодой ленинец. 1971. 1 января.
5. **Михеев В. И.** Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики советской власти в 1920-х – начале 1930-х гг. // Отечественная история. 2005. № 6. С. 77-93.
6. **Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине: 1918-1921:** документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.
7. **Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: 1918-1939:** документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1918-1922. 864 с.
8. **Управление рабоче-крестьянской советской милиции 2-го Донского округа Сталинградской губернии** // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 161. Оп. 2.
9. **Управление рабоче-крестьянской советской милиции Хоперского округа Сталинградской губернии, г. Урюпинск** // ГАВО. Ф. 12. Оп. 1.
10. **Усть-Медведицкое окружное управление рабоче-крестьянской советской милиции, районные и волостная милиции Сталинградской губернии** // ГАВО. Ф. 240. Оп. 1.
11. **Федорцев А. И.** Пламя в междуречье. Волгоград, 1983. 192 с.
12. **Царицынский губернский революционный трибунал, г. Царицын** // ГАВО. Ф. 141. Оп. 1.
13. **Царицынское/Сталинградское ГПУ** // Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 7. Оп. 1.
14. **Цветков В. Ж.** Белое дело в России. 1919 г.: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М.: Посев, 2009. 636 с.

RELATION OF THE JOINT GUERRILLA ARMY OF TAMBOV REGION WITH THE UPPER DON INSURGENTS (1920-1921)

Yashchenko Vyacheslav Grigor'evich, Ph. D. in Philology
Information Agency "Caucasian Cross-point" in Volgograd
vyashchenko@rambler.ru

On the basis of documents recently found in state archives the author analyzes the cases of cooperation between the Joint Guerilla Army of Tambov region with the rebellious troops of the Upper Don districts in the period from the autumn of 1920 till the summer of 1921. The paper provides three examples of cooperation between Tambov guerrillas and insurgents of the neighbouring Don territories – Motorygin's, Vakulin's and Maslakov's followers. Peculiarities of such cooperation are identified.

Key words and phrases: guerrillas; rebels; insurgents; Tambov region; Antonov; Motorygin; Vakulin; Maslakov.